

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»*

На правах рукописи

Мясоутов Олег Валерьевич

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА КРАСНОЯРСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

Специальность: 24.00.01 Теория и история культуры (культурология)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Карлова Ольга Анатольевна

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Российская молодежная культура и современная социальная среда.....	19
1.1 Молодежная культура: морфология, типология и функции.....	19
1.2 Российская молодежная культура и новая технологическая реальность.....	41
1.3 Современная молодежная культура России и социальные ценности.....	61
2 Политический миф и российская молодежная культура.....	61
2.1 Содержание политического мифа в культуре: рациональное, сакральное, этническое, идеологическое.....	79
2.2 Ведущие смыслы политического мифа в культуре современного красноярского студенчества.....	100
2.3 Современная молодежная культура России: ценности в сфере политики и политические предпочтения.....	118
Заключение.....	134
Список используемой литературы.....	142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Молодежь в современном мире все больше становится объектом политического манипулирования, причем как во внутрироссийских социально-политических баталиях, так и в «информационной войне», широко ведущейся в наши дни на международном уровне. Такое целенаправленное внимание к молодежи во многом основывается на феномене молодежной культуры, за последнее время оказавшимся недооцененным в российской научной мысли. Можно смело утверждать, что сегодня наблюдается некоторая недооценка научным сообществом того, что молодежный активизм из политического пространства уходит в пространство культуры.

Данное утверждение позволяет задуматься о том, готовы ли мы к пониманию «молодежной повестки» с точки зрения развития культуры в широком значении? Может ли сегодня культурология объяснить тот факт, что политическая составляющая в молодежной среде с ее политическим сознанием сменяется культурной, где господствует политический миф?

Такая постановка вопроса во многом актуализирует обращение культурологии к более расширенной трактовке молодежной культуры и позволяет сказать, что на основе ценностей и культурных мифов, которые проявляются сегодня в молодежной культуре, формируются новые (или обновленные) образно-смысловые категории, обладающие помимо специальных характеристик (таких, как правовые, социальные или политические), базовым культурным содержанием, лежащим в основании смысловых конструкций и отражающим особенности молодежи, прежде всего, как субъекта культурного действия.

Сегодня политический миф молодежной культуры значительно отрывается от политических знаний и явлений, а, следовательно, от политического сознания, и трансформируется в недра молодежной культуры. При этом стоит заметить, что мифотворчество «без берегов» вовсе не

безобидно. Хотим мы этого или нет, но оно приводит молодежь к утрате политического сознания, политической ориентации и, таким образом, к некоторой потере среди своих внутренних образов и внешней реальности. Следовательно, сейчас, как никогда, становятся особенно актуальными исследования политического мифа с точки зрения культурологии.

Таким образом, на сегодняшний день молодежная проблематика и в частности контекст молодежной культуры в России актуальны, как с научной, так и с общественно-политической стороны, поскольку и само российское общество находится на «социокультурном распутье». И пока не совсем очевидно по какому сценарию пойдет его дальнейшее развитие – по национально-конструктивному, учитывающему «социально-культурные коды» и опыт предшествующих поколений россиян, в том числе опыт этно-российский и советский, или по пути «революционизма» в социуме и культуре, во многих аспектах смыкающегося с западными «образцами прогресса».

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование молодежной культуры не будет полным и объективным в отрыве от понимания культуры вообще. Для нашего исследования важны научные основы определения культуры в самом широком смысле данного феномена.

На сегодняшний день в науке можно встретить различные концептуальные подходы к исследованию феномена культуры. Среди них можно выделить описательную концепцию культуры (Э. Тайлор¹, Э. Тоффлер², О. Шпенглер³, К. Ясперс⁴); теорию социокультурного наследия (Л.Г. Ионин⁵, Э. Сепир⁶); теорию культуры как совокупности ценностей (М. Вебер⁷, П.С.

¹ Тайлор Э.Б. Первобытные культуры / пер. с англ. Д.А. Коропчевского. М.: Политиздат, 1989. 572 с.

² Toffler A. The Third Wave. New York, 1980. 366 p.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 637 с.

⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Республика, 1994. 527 с.

⁵ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 431 с.

⁶ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. Е.Н. Перцова. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

⁷ Вебер М. Хозяйство и общество // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.

Гуревич⁸); игровую теорию культуры (Й. Хейзинга⁹); психоаналитическую теорию культуры (З. Фрейд¹⁰); символическую теорию культуры (Э. Кассирер¹¹).

Отечественная философская традиция изучения культуры дала нам концептуальное видение М.М. Бахтина¹², Н.А. Бердяева¹³, В.С. Библера¹⁴, Ю.М. Лотмана¹⁵, представивших в своих трудах достаточно глубокий и основательный анализ культуры.

Таким образом, мы видим, что культура рассматривается в науке в разных аспектах ее проявления, но при этом как что-то глобальное, надприродное, оказывающее существенное («возделывающее») влияние на общество и человека и, можно сказать, формируя смыслы окружающей реальности. Учитывая, что наше исследование посвящено политическому мифу (а миф всегда «работает» со смыслами), нам очень важен накопившийся в культурологии «багаж» изученности культуры для более глубокого анализа нашей темы.

Основополагающие теории в области изучения молодежи и молодежной культуры сложились в XX веке в социологии (Г. Стэнли Холл¹⁶, В.Т. Лисовский¹⁷, В.И. Чупров и Ю.А. Зубок¹⁸, З.В. Сикевич¹⁹, В.Я. Суртаев²⁰), психологии (М. Рокич²¹), антропологии (М. Мид²²), философии (И.М.

⁸ Гуревич П.С. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // *Общественные науки и современность*. 1995. №4. С. 154-162.; Гуревич П.С. *Культурология*. М.: Гардарики, 2001. 335 с.

⁹ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. 539 с.

¹⁰ Фрейд З. *Тотем и табу* // Фрейд З. Я и Оно: сочинения / пер. с нем. М.: Эксмо, 2005. С. 363-529.

¹¹ Кассирер Э. *Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры* // Кассирер Э. *Проблема человека в западной философии* / пер. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 3-31.

¹² Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. М.: Худож. лит., 1990. 534 с.

¹³ Бердяев Н.А. *Смысл творчества. Опыт оправдания человека*. М.: АСТ, 2007. 668 с.

¹⁴ Библер В.С. *От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век*. М.: Политиздат, 1991. 413 с.

¹⁵ Лотман М.Ю. *Быт и культура* // Лотман М.Ю. *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 399 с.

¹⁶ Hall G. Stanley. *Youth: Its Education, Regiment and Hygiene*. New York, 1906. 206 p.

¹⁷ Лисовский В.Т. *Социология молодежи*. М.: Политиздат, 1982. 457 с.

¹⁸ Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Молодежь в общественном воспроизводстве, проблемы и перспективы*. М.: Ин-т соц.-полит. исслед., 2000. 114 с.

¹⁹ Сикевич З.В. *Социология молодежи. Учебник*. Л.: Лениздат, 1990. 204 с.

²⁰ Суртаев В.Я. *Молодежь и культура*. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры, 1999. 223 с.

²¹ Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press, 1973. 438 p.

Ильинский²³), культурологии (В.А. Луков²⁴, С.И. Левикова²⁵). Данные исследования обозначили, прежде всего, базовое содержание понятий «молодежь» и «молодежная культура», но при этом стоит заметить, что в науке до сих пор нет единого, полностью отражающего внутреннее содержание, определения феномена молодежной культуры. Мы можем объяснить это некой «культурной внесистемностью» молодежной культуры, что, по сути, выступает одним из ее культурологических оснований и первопричиной внутренней противоречивости данного явления.

Вместе с тем молодежная культура достаточно подробно представлена и проанализирована в работах К. Кенистона²⁶, А. Керви²⁷, К. Манхейма²⁸ и др.

В любом случае проблематика молодежной культуры в науке остается открытой, дискуссионной и требующей более детального изучения, чтобы понять многое, что характеризует современную молодежь.

В рамках изучения современной российской молодежной культуры исследователи, как правило, основываются на обобщенном анализе накопленных научных данных о молодежи, ее социокультурных особенностях, ментальных и поколенческих отличиях. При этом стоит отметить, что изучение современной российской молодежной культуры происходит сегодня в основном в рамках социологических исследований. Культурология находится пока лишь на второстепенных ролях в освоении данного феномена. В целом, современной российской молодежной культуре в последнее время уделяется не так много внимания, можно даже сказать, что она оказывается во многом

²² Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1988. 429 с.

²³ Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 696 с.

²⁴ Луков В.А. Молодежная культура: Молодежь и проблемы современной художественной культуры // Сборник научных трудов. Л.: ЛГИТМИК, 1990. С. 81-84.; Луков В.А. Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н. Ростовской Т.К., д.с.н. Зубок Ю.А. М.: Экон-информ, 2019. С. 36-47.

²⁵ Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-Пресс, 2004. 607 с.

²⁶ Keniston K. The Uncommitted Alienated Youth in American Society. New York, 1965. 231 p.

²⁷ Керви А. Молодежные субкультуры США и Великобритании с конца 40-х по наши дни. Режим доступа: <http://vookstock.narod.ru>.

²⁸ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. С. 7-260.

недооцененным явлением. В современных исследованиях нередко игнорируется российская специфика формирования и развития молодежной культуры.

Вместе с тем С.И. Левикова²⁹, В.А. Луков³⁰, Е.В. Омельченко³¹, Ю.А. Зубок³², В.И. Чупров³³, А.С. Любутов³⁴, Т.Б. Щепанская³⁵ представляют подробные фундаментальные и прикладные исследования, которые направлены на философско-культурологическое осмысление современной российской молодежной культуры.

Е.Л. Омельченко, к примеру, делает акцент на том, что активность молодежи в современных условиях из политического пространства все больше переходит в культурное пространство³⁶. Вместе с тем, как полагает К.С. Курганский, понятие «молодежная культура», вопреки распространенному мнению, не поглощается понятиями «молодежная субкультура» и «молодежная контркультура», ведь оно полноценно и самодостаточно объясняет деятельность молодежи в качестве социокультурного субъекта³⁷. При этом, по утверждению С.П. Цаплиной, молодежная культура – это вовсе не культура отдельной группы, но культура целого поколения³⁸.

Учитывая столь широкую трактовку молодежной культуры, что еще раз подчеркивает внутреннюю неопределенность и достаточную противоречивость

²⁹ Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-Пресс, 2004. 608 с.

³⁰ Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. Социологические исследования. 2002. №10. С. 79-87.

³¹ Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социс. Социологические исследования. 2013. №10. С. 52-61.

³² Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н. Ростовской Т.К., д.с.н. Зубок Ю.А. М.: Экон-информ, 2019. С. 15-35.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Щепанская Т.В. Система: тексты, традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

³⁶ Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №1 (149). С. 3-27.

³⁷ Курганский К. С. Генезис и метаморфозы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. С. 11-12.

³⁸ Цаплина С. П. Современные вызовы и угрозы самобытным народным культурам России // Социокультурные взаимодействия регионов приграничья: Материалы международного круглого стола (30 ноября 2016 г.). Смоленск, 2016. С. 127-131.

феномена, можно согласиться с тем, что молодежная культура приобретает сегодня качество активного мифологического смыслопорождения³⁹.

Говоря о мифе, следует для начала отметить, что феномен мифа в культуре является объектом рассмотрения и изучения многих наук, исследующих его различные аспекты, исходя при этом из конкретно своего научно-проблемного поля. Уже в античности появились первые «культурные» определения мифа: аллегорическое, символическое, эвгемерическое. В XVIII веке Г. Гегель рассматривал миф в качестве утраченной ступени обожествления природы⁴⁰. В XIX веке Ф. Шеллинг, определяя миф в качестве формы проявления абсолюта⁴¹, впервые представил подробный критический анализ проблематики мифа в культуре и искусстве. К. Маркс⁴² рассматривал миф как первую, исторически преходящую стадию развития общества.

В XX веке Э. Кассирер, а затем С. Лангер подробно изучали миф в качестве автономной символической формы культуры⁴³. Э. Кассирер⁴⁴ при этом большое внимание уделил также выявлению специфики политического мифа.

Интерес к проблематике политического мифа и разработанные концептуальные подходы к данной категории мы видим в философии (Ж. Сорель⁴⁵, Э. Кассирер⁴⁶, Р. Барт⁴⁷, К. Флад⁴⁸, А.Ф. Лосев⁴⁹, Н.А. Бердяев⁵⁰), психологии (С. Московичи⁵¹), социологии (К. Леви-Стросс⁵²). Среди современных философских, социологических, политологических исследований

³⁹ Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.

⁴⁰ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. СПб.: Наука. 2015. 443 с.

⁴¹ Schelling F.W.J. Philosophie der Mythologie. Darmstadt., Wiss. Buchges, 1957. 685 p.

⁴² Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. М.: Прогресс, 1981. 216 с.

⁴³ Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. 286 с.

⁴⁴ Cassirer E. The Myth of the State. Middletown: Book Crafters, 2014. 303 p.

⁴⁵ Сорель Ж. Размышления о насилии / пер. с франц. Б. Скуратова, В. Фриче, ред. В. Акулова. М.: Фаланстер, 2013. 163 с.

⁴⁶ Cassirer E. The Myth of the State. Middletown: Book Crafters, 2014. 303 p.

⁴⁷ Барт Р. Мифологии / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

⁴⁸ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 263 с.

⁴⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. Мысль, 2001. 558 с.

⁵⁰ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. М.: Республика, 1995. 654 с.

⁵¹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с франц. Т.П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.

⁵² Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

проблематики политического мифа необходимо отметить исследования В.С. Полосина⁵³, О.А. Карловой⁵⁴, А.М. Цуладзе⁵⁵, Н.И. Шестова⁵⁶.

Однако, несмотря на наличие широкого спектра исследований, большая редкость в современной науке – собственно исследование культурологическое, с подробным анализом политического мифа в контексте культуры и уж тем более молодежной культуры, при том, что немногие ученые, все же занимающиеся подобной проблематикой (например, К.Ф. Завершинский⁵⁷, В.Н. Стегний⁵⁸), говорят, что пребывание в мире политических мифов является существенным специфическим признаком современной молодежной жизни.

Если это так, то в чем причины этой характерной особенности? Где тот основополагающий фактор, который влияет на «мифорождение» в молодежной среде? И что представляет из себя современный молодежный политический миф в культурном контексте? Эти вопросы пока остаются открытыми.

В современной науке существует множество методологических подходов, а также качественных и количественных методов, каждый из которых может эффективно использоваться в рамках исследования молодежной культуры. Вот и мы в нашем исследовании, кроме теоретических методов, используемых в первой главе диссертации, используем также эмпирические методы, прежде всего, метод фокус-групп.

Метод фокус-групп впервые был использован в социологии Р. Мертоном и П. Лазарсфельдом в 1944 г., а в 1946 г. Р. Мертон, П. Кендалл, М. Фиске предложили первое теоретическое описание данной методики⁵⁹.

⁵³ Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.

⁵⁴ Карлова О.А. Миф разумный. М.: Акад. поэзии, 2001. 205 с.

⁵⁵ Цуладзе А.М. Политическая мифология. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 382 с.

⁵⁶ Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 414 с.

⁵⁷ Завершинский К.Ф. Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 252-254.

⁵⁸ Стегний В.Н. Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. №2. С. 8-18.

⁵⁹ Merton R.K., Kendall P.L. The Focused Interview // American Journal of Sociology. Vol. 51. P. 541-557.

Наиболее полное представление метода фокус-групп в российской науке мы встречаем в работе С.А. Белановского⁶⁰, где он рассматривает возможность применения метода не только (и не столько) в области прикладного маркетинга, сколько в контексте методологии социологических эмпирических исследований, в рамках которых он во многом позволяет раскрыть латентные проблемы.

Таким образом, мы видим, что за все время отечественными и зарубежными исследователями накоплен достаточно большой научно-методологический материал по проблематике культуры, молодежной культуры, мифа в культуре и политического мифа, в частности, а также значительный опыт применения качественных и количественных методов в социально-гуманитарных исследованиях.

Проблема исследования.

На основании актуальности и степени изученности темы проблему исследования мы формулируем так: действительно ли в условиях новой технологической реальности (которую мы сейчас наблюдаем) политический миф молодежной культуры порождается самой культурой и существует в культуре, а изменение привычных социокультурных условий ведет к более яркому выявлению именно культурной доминанты в молодежном политическом мифе? Отсюда возникают вполне логичные вопросы, позволяющие раскрыть проблему, например, какова степень воздействия социокультурных факторов на молодежное смыслообразование? Каково культурное содержание политического мифа в современной молодежной культуре? И как в молодежной культуре посредством политического мифа осуществляется взаимодействие традиционных и нетрадиционных социокультурных факторов и их последующая трансформация в молодежный дискурс? Эти вопросы требуют научно обоснованного и аргументированного ответа, прежде всего, с точки зрения культурологии.

⁶⁰ Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996. 272 с.

Основываясь на данной проблеме, мы предполагаем, что политический миф в молодежной культуре – это специфический молодежный культурный феномен, построенный по типу культурного мифа, имеющий культурный «фундамент» в своем основании, при этом обращенный в сферу политических процессов и явлений.

Объектом диссертационного исследования является молодежная культура как социальный и культурологический феномен.

Предметом диссертационного исследования выступает политический миф в современной российской молодежной культуре.

Цель исследования – выявить культурологические основания политического мифа в современной российской молодежной культуре на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры.

Достижение цели связывается с реализацией следующих **задач**:

- определить специфику современной молодежной культуры, ее морфологическую сущность, типы и функции;
- классифицировать научные подходы к изучению проблемы культуры разных поколений, а также становления и развития молодежной культуры;
- раскрыть основные культурологические аспекты содержания понятия «новая технологическая реальность»;
- выявить факторы взаимовлияния российской молодежной культуры и новой технологической реальности;
- определить особенности проявления социальных ценностей в современной российской молодежной культуре в условиях новой технологической реальности;
- уточнить характер изменений социальных ценностей современной российской молодежи;
- охарактеризовать основные аспекты содержания политического мифа в культуре;
- уточнить особенности бытования и проявления политического мифа в культуре современного общества;

- на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры раскрыть ведущие смыслы бытующего в ней политического мифа;
- определить роль бытующего политического мифа в формировании культурной идентичности современной молодежи;
- определить роль политического мифа в формировании ценностей в сфере политики у современной молодежи;
- выявить культурологические аспекты содержания политических предпочтений в современной российской молодежной культуре.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются научно значимые методологические идеи, которые раскрываются классическими и современными теориями «молодежи», «молодежной культуры», «политического мифа».

Настоящее диссертационное исследование основывается на методологии комплексного анализа, который предполагает совокупность различных взаимодополняемых методов (прежде всего, культурологических). Комплексный подход, в целом, характерен для культурологических исследований и позволяет отображать такой сверхсложный феномен, каким является культура, посредством различных методов, среди которых:

- культурантропологический метод, позволяющий рассматривать молодежную культуру, обращаясь, прежде всего, к самому молодому человеку, как ее носителю;
- метод модельной экстраполяции в сфере культуры, позволяющий выявлять тенденции в молодежной культуре, действовавшие в предшествующий период, и факторы, определявшие развитие этих тенденций; а также определять в форме прогноза, как эти тенденции и факторы будут действовать в дальнейшем развитии;
- кросс-культурный метод, позволяющий выявлять и сравнивать между собой особенности молодежной культуры в различных культурных традициях;
- системный метод, позволяющий исследовать молодежную культуру как целостный феномен и при этом анализировать ее элементы во взаимодействии;

- типологический метод, позволяющий выявлять достаточно разнообразный спектр типов молодежной культуры;

- сравнительно-исторический метод, позволяющий выявлять изменения в понимании молодости, молодежи и молодежной культуры на разных стадиях их развития.

Также в данном исследовании при анализе ценностных ориентаций молодых людей применяется методика ценностного подхода.

В качестве методологической основы эмпирического исследования нами использовался метод фокус-групп, то есть глубинное интервью с представителями молодежной аудитории. Отметим, что данный метод в последнее время находит все более широкое применение в культурологических исследованиях.

В целом, в качестве методологической базы при проведении исследования политического мифа в современной российской молодежной культуре нами использованы теоретико-методологические разработки таких философов и культурологов, как К. Леви-Стросс, Х. Ортега-и-Гассет, М. Мид, Т. Парсонс, Ш. Эйзенштадт, М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, П.С. Гуревич и др.

Основные результаты и научная новизна диссертационного исследования. По итогам диссертационного исследования нами получены следующие результаты:

1. Проведен культурологический обзор классических и современных концепций молодежной культуры, основанный на изучении молодежи и молодежной культуры, позволяющий определить культурологическое значение понятия «молодежная культура», а также выявить специфику современной молодежной культуры.

2. На основе критического анализа концепций отечественных и зарубежных ученых определена культурная специфика новой технологической реальности в России и ее значение в формировании и развитии современной российской молодежной культуры.

3. В результате культурологической интерпретации новой технологической реальности предложено определение нового типа молодежной культуры – культуры желаемого настоящего, основанной на образе окружающей действительности, сконструированном в недрах виртуальной реальности и представляющем собой мир неограниченных возможностей.

4. В ходе культурологического анализа социальных ценностей современной российской молодежной культуры обосновано, что изменения молодежных социальных ценностей в условиях новой технологической реальности носят социокультурный характер, при этом новые социальные ценности молодежи не отрицают старого в культуре. Молодежь быстрее других отрицает старые и осваивает новые технологии, но не культуру вообще. Подлинное стремление к прогрессу (как социокультурному явлению) подменяется в современной молодежной культуре стремлением всего лишь к новому приобретению очередного технологического новшества (как технологического явления).

5. На основании проведенного культурологического исследования содержания политического мифа современной российской молодежной культуры (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) с применением качественного метода исследования – метода фокус-групп представлена культурологическая интерпретация политического мифа молодежной культуры как специфического молодежного культурного феномена, построенного по типу культурного мифа.

6. Представлено авторское видение развития социокультурных форматов работы с молодежной культурой, адекватных ее социокультурным ценностям в условиях новой технологической реальности, при этом сформированных на основе культуросообразности, единства аксиологии и культурной антропологии и включающих в себя, в первую очередь, эмоциональные молодежные социокультурные «практики интересного».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На основе культурологического анализа классических и современных концептов «молодежь», «молодое поколение», «молодежная культура» в контексте исторического и современного социального и гуманитарного знания сформулированы атрибутивные признаки понятия «молодежная культура», а также выявлены специфика молодежной культуры и ее роль в современном мире.

2. В контексте современных отечественных и зарубежных исследований уточнено понятие «новая технологическая реальность», определена культурная специфика новой технологической реальности в современной России.

3. Установлена взаимосвязь новой технологической реальности со спецификой содержания и развития современной российской молодежной культуры, на основе культурологического анализа факторов выявленной взаимосвязи предложено определение нового типа молодежной культуры – «культуры желаемого настоящего», где доминирует образ окружающей действительности, сконструированный в недрах виртуальной реальности и репрезентирующий собой мир неограниченных возможностей.

4. Выявлено, что стремительный отказ молодежи от устаревающих технологий и столь же активное освоение ею новых технологических продуктов сегодня не экстраполируется непосредственно на молодежный выбор в области культуры в целом. Традиционное культурное наследие не отвергается ею как некое «устаревшее целое», как можно было бы ожидать: нынешняя молодежная культура, как и культура общества в целом, представляет из себя своеобразный дайджест самых разнообразных культурных текстов различных социальных стратов, эпох, цивилизаций и этносов. Существенное отличие состоит лишь в степени представленности этого «лоскутного качества» культуры – в современной молодежной культуре оно исключительно ярко доминирует. Доказанное позволяет утверждать, что общественный прогресс как социокультурное явление нынешней молодежью не осознается и не культивируется, а стремление молодых людей к обладанию

новым технологическим новшеством имеет только две смысловые маркировки – собственно технологическую и социально-статусную.

5. Обоснован вывод о «культурном сценарии» социализации современной молодежи: формы социализации современной молодежи в России носят, прежде всего, характер культурных практик. Более того, доказано, что и вектор изменений социальных ценностей современной российской молодежи в последние десятилетия по преимуществу социокультурный.

6. На основании культурологического исследования (с применением метода фокус-групп) содержания политических знаний, образов и смыслов, бытующих в красноярской региональной студенческой культуре, сделан вывод о ее политическом мифе как не столько политическом, сколько именно культурном феномене, построенном по типу культурного мифа и имманентном специфике современной молодежной культуры.

7. На основе принципов культуросообразности, единства аксиологии и культурной антропологии разработана и представлена авторская концепция развития социокультурных форматов работы с молодежной аудиторией, адекватных социокультурным ценностям современной молодежи в условиях новой технологической реальности. Антрополого-аксиологической платформой для предложенных форматов выступают, прежде всего, эмоциональные социокультурные «практики интересного».

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования заключается в том, что нами представлено расширенное культурологическое понимание современной молодежной культуры, определены социокультурные факторы, влияющие на ее развитие в новой реальности. Сформулированы значимые культурологические идеи, раскрывающие накопленные в науке концепции молодежи в контексте социокультурной проблематики. Раскрыто культурологическое содержание политического мифа как одного из главных факторов, оказывающих влияние на формирование современной молодежной культуры. На основании эмпирического исследования определено социокультурное содержание политических мифов, бытующих в современной

российской молодежной культуре и их значение в становлении культурной идентичности молодежи и формировании ценностей в сфере политики.

Вместе с тем результаты диссертационного исследования раскрывают возможности применения качественных методов в культурологических исследованиях молодежной проблематики.

Положения и результаты диссертации могут быть применены в образовательной и научно-исследовательской деятельности, а также могут быть полезными ученым в области культурологии, культурной антропологии, философии, социологии, политологии и всем интересующимся молодежной тематикой.

Данное исследование, в целом, способствует формированию интереса к изучению молодежи, молодежной культуры, новой технологической реальности, политического мифа и социокультурных ценностей. Кроме того, эмпирические данные и выводы настоящего диссертационного исследования могут быть полезными при реализации государственной молодежной политики, государственной культурной политики, а также в деятельности образовательных учреждений в сфере воспитательной работы и молодежной политики.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии и искусствоведения гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Промежуточные результаты работы над диссертацией обсуждались в докладах диссертанта в рамках XI Международной научной конференции «Образование и социализация личности в современном обществе» (2018 г.) и Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей «Воспитание современной молодежи: проблемы и пути решения» (2019 г.).

Результаты исследовательской работы опубликованы в виде статей, четыре из которых в рецензируемых научных журналах, рекомендованных

ВАК РФ, таких как «Сибирский антропологический журнал», «Северные архивы и экспедиции», «Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры», а также в журналах, индексируемых РИНЦ, в том числе в журнале «ARTE: научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского».

Заметим, что данная диссертация является логическим продолжением авторского исследования молодежной культуры и политического мифа в ее контексте, промежуточные итоги которого ранее были опубликованы в различных источниках.

Структура и объем диссертации. Диссертация содержит введение, две главы, шесть параграфов, заключение и список используемой литературы, включающий 198 наименований.

1 Российская молодежная культура и современная социальная среда

1.1 Молодежная культура: морфология, типология и функции

Исследование молодежной культуры как культурного феномена предполагает на первом этапе определение ее морфологической сущности, различных типов и функций, которые она выполняет в обществе. Для этого нам необходимо, прежде всего, обратиться к теоретико-методологическим основам изучения молодежи, молодого поколения и молодежной культуры, а также проследить определенную трансформацию взглядов в понимании молодости и присущих ей социокультурных характеристик на протяжении исторического и социокультурного развития человечества.

На сегодняшний день в науке представлены различные подходы в исследованиях молодежи. По мнению И.С. Кона, «к молодежи и молодости в мировой литературе существуют два полярных подхода, первый из которых можно назвать натуралистически-онтологическим, а второй уже имеет собственное имя – социальный конструктивизм»⁶¹. Начало второму (и интересующему нас в рамках нашего исследования) научному направлению, где молодежь рассматривается в контексте социокультурной динамики, положила работа американского социолога Г. Стэнли Холла «Юность»⁶² еще в 1904 году. В этой книге автор дает теоретическое осмысление молодежи не только как носительницы психофизических свойств молодости, но и как возрастной группы, которой присущи особые социокультурные свойства и функции, тем самым, разрабатывая свою теорию молодежи, опираясь в том числе и на социокультурные, антропологические факторы.

Большой вклад в исследование социокультурных характеристик молодежи внес также американский психолог М. Рокич⁶³. В его работе

⁶¹ Молодежь в современном мире: проблемы и суждения (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1990. №5. С. 12.

⁶² Hall G. Stanley. Youth: Its Education, Regiment and Hygiene. New York, 1906. 206 p.

⁶³ Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973. 438 p.

«Природа человеческих ценностей» (1973) была представлена новая для того времени концепция ценностных ориентаций молодежи, трансформировавшаяся позднее в целое направление в западной науке, что было вызвано невиданным пиком социокультурной активности молодежи и возникновением молодежных субкультур в это время. Предложенная им теория ценностей, включающая инструментальные (ценности-средства) и терминальные (ценности-цели или, можно сказать, самооценности), определила во многом характер дальнейших исследований, выявляющих ценностную составляющую молодых людей. Какие ценности преобладают у молодежи: ценности-средства или ценности-цели? Или молодежь отличается своей «универсальной» системой ценностей? Как меняются ценности молодежи с течением времени и какие факторы на это влияют? Эти вопросы и по сей день вызывают, с одной стороны, живой интерес всех, кто так или иначе интересуется проблемами развития социума и человека, с другой стороны, бурную поколенческую дискуссию, результатом которой во многом остается непонимание молодежи в широком социокультурном плане со стороны взрослого поколения.

Специфическая активность молодежи изучалась и в СССР, где основной социокультурной характеристикой, как замечают С.В. Полутин и О.Н. Тюлякова, выступало «воспитание на идеологической догматике»⁶⁴. Исходя из этой доминанты советской действительности, молодежь (или молодое поколение) всегда понималась, как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет»⁶⁵. Мы видим, что основное внимание обращалось на как бы промежуточный этап молодости, то есть молодость – это своего рода пограничное состояние, проходящее с

⁶⁴ Полутин С.В., Тюлякова О.Н. Социология молодежи: история становления и перспективы развития // Интеграция образования. 2010. №1. С. 108.

⁶⁵ Лисовский В.Т. Социология молодежи. М.: Политиздат, 1982. С. 7.

возрастом. Таким образом, можно сказать, что главная социокультурная задача молодого человека состояла в «усвоении функций». Ни о каком глубоком и всестороннем понимании социокультурных основ молодежи как социальной группы в это время, говорить не приходится. Вместе с тем молодежь осваивала многие социокультурные практики того времени, оставаясь при этом все же объектом, нежели субъектом социокультурного развития.

Постсоветское время обусловило переход от идеологической доминанты «молодежной повестки» к доминанте социальной многофакторности, что существенно повысило статус таких аспектов, как витальный, материальный и гедонистический. Становится все более актуальным понимание отношения самой молодежи к тем процессам, которые происходили в социуме: какие жизненные цели и приоритеты ставит перед собой сама молодежь? Почему в молодежной среде материальное стало доминировать над духовным? И как «не потерять» молодежь в ее усилившемся стремлении к личной выгоде и личному благосостоянию? Таким образом, социальная трансформация и обусловленная ею социодинамика культуры актуализировали изменения в подходах к изучению молодежи.

Рассматривая феномен современной молодежи с позиций социодинамики культуры, необходимо иметь в виду, что современное российское общество сегодня, в целом, развивается в условиях формирования нового социально-экономического уклада: налицо существенные изменения и в модели его социально-экономического развития, и в структуре социальных ценностей. Исследования многих ученых показывают, что наивысшие темпы социодинамических процессов ожидаемо наблюдаются именно в группе молодежи, которая традиционно отличается такой атрибутивно присущей ей ценностью, как стремление к переменам. Актуализируя в связи с этим определение понятия, ученые сегодня говорят о молодежи как «социально-демографической общественной группе, выделяемой на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами и характеристиками,

которые в свою очередь определяются уровнем социально-экономического и культурного развития, а также особенностями социализации в российском обществе»⁶⁶.

Таким образом, можно признать правомерным утверждение В.А. Лукова о том, что молодежь – всегда «социальная конструкция определенного времени и определенных социокультурных условий»⁶⁷. Однако обратим внимание на то, что исследователь настаивает на связи этой конструкции с «функцией передачи социокультурных кодов от поколения к поколению для поддержания устойчивости общественного порядка»⁶⁸.

Теперь обратимся непосредственно к трактовке понятия «молодежная культура». По мнению С.И. Левиковой, молодежная культура возникает на рубеже XIX-XX вв. на определенном этапе развития общества, что было вызвано причинами, ранее не проявлявшимися. С.И. Левикова утверждает, что «понятия «молодежь» нет ни в одном доиндустриальном обществе. Более того, в так называемых примитивных обществах ребенок становился взрослым либо в момент появления первых существенных признаков физиологической половой зрелости, либо, если так было принято в его сообществе, после прохождения обряда инициации, когда он должен доказать сородичам, что уже в состоянии принять на себя обязанности и ответственность взрослого человека. Никакого периода юности или молодости в подобных обществах не предполагалось. То же относилось и ко всем остальным обществам, находившимся на доиндустриальной стадии. «Молодежь» как социальная группа появилась лишь на индустриальной стадии, а в полную силу стала разворачиваться на индустриально развитой и постиндустриальной стадиях»⁶⁹.

⁶⁶ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве, проблемы и перспективы. М., 2000. С. 8.

⁶⁷ Луков В.А. Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н. Ростовской Т.К., д.с.н. Зубок Ю.А. М.: Экон-информ, 2019. С. 39.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-Пресс, 2004. С. 60.

Однако, к примеру, М.М. Белоусова ставит под сомнение данный тезис, замечая при этом, что «многие исследователи молодежи и молодежной культуры, отрицающие их наличие на доиндустриальных стадиях эволюции человечества, во-первых, весьма некритично воспринимают идеи западных культурантропологов, при реконструкции первобытности и архаики исходящих из слишком ранней социализации в первичных этносоциальных коллективах..., ведь и в доиндустриальных культурах молодежь присутствовала и как социальная и культурно-статусная группа, и как знаково-символическая реальность»⁷⁰.

Заметим, что еще на первых этапах развития человечества антропогенез, этногенез, социогенез и культурогенез оказываются взаимосвязанными факторами, которые в последующем и входят в культурно-цивилизационную целостность в качестве определяющих подсистем: человек, этнос, социум и культура. При этом мы понимаем культуру в широком смысле как значимые образы всего, а цивилизация в нашем понимании есть обслуживающие технологии, то есть некий социальный дизайн. Отсюда социокультурный генезис – это во многом смена цивилизационных парадигм, то есть изменение технологий и технологического уклада, в рамках развития культуры с ее, в целом, неизменными смыслами и социокультурными практиками.

В первобытном обществе мы видим дуализм всех структур жизнедеятельности наших предков, в том числе и через разделение труда в родовых общинах по возрасту «старшие-младшие». Таким образом, мы уже видим «присутствие» молодежи как специфической группы. Что стоят хотя бы сюжеты «детства» и «взросления», доминирующие во всех древних мифологиях. Вспомним, что мифологические первопредки, герои архаических эпосов (Ахилл, Гектор, Одиссей, Ромул и Рем и т.д.) представляются нам молодыми и сильными людьми, которые при этом обладают еще и сверхъестественными способностями. Отсюда мы можем утверждать, что

⁷⁰ Белоусова М.М. Антропологические основания и знаково-символические формы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 19.

молодежь в архаичном обществе уже имела достаточную социокультурную субъектность.

Еще больше понимания о культуре молодости мы встречаем в античной цивилизации, где само понятие «культура» означало не просто возделывание земли, но культуру-«пайдейю» (от греч. *país* – ребенок), то есть культуру «возделывания» молодого поколения. В античной эпохе пайдейя обращена к молодым людям и направлена, прежде всего, на формирование добродетельного молодого человека. Следовательно, античная философия стала во многом источником социокультурных обновлений и сформировала достаточно развитую культуру молодости.

Молодежь в качестве отдельной возрастной группы со своей социокультурной характеристикой, выделял, к примеру, древнегреческий философ Гераклит: «младенец (до 7 лет), отрок (до 14 лет), юноша (до 21 года), молодой человек (до 28 лет), мужчина (до 56 лет) и старик (после 56 лет)»⁷¹.

Аристотель уделял большое внимание культуре молодости, говоря о воспитании и образовании в социуме, при этом исходя из социокультурных ценностей юности и молодости. Ему принадлежат слова: «Все, кто размышлял об искусстве управления людьми, убеждены, что судьбы империй зависят от воспитания молодежи»⁷².

Таким образом, можно согласиться с М.М. Белоусовой, что уже в античности формируется культура молодости, которая опиралась на концептуально-символические и понятийно-теоретические образы и смыслы, продуцируемые античной философией.

В меньшей степени в поле зрения ученых-культурологов оказывается интересующая нас проблематика молодежной культуры в древней культуре праславян. Одним из видных советских ученых, посвятивших свою жизнь исследованию славянской древней культуры и попытке реконструкции многих

⁷¹ Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды / под ред. А. Маковельского. Мн.: Харвест, 1999. С. 16.

⁷² Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Часть 1 / ред. коллегия: В.В. Соколов и др. М.: Мысль, 1969. 576 с.

архаических ритуалов, в том числе и обряда инициации у славян, был Владимир Яковлевич Пропп⁷³.

В.Я. Пропп в своих работах исследует обряд инициации в качестве основы волшебной русской сказки с целью определения его сакрального смысла в содержании и структуре этой сказки. Он убедительно доказывает связь волшебной сказки с первобытным обрядом инициации мальчиков и приходит к выводу, что зачаток сказки первоначально был неотделимой частью этого самого обряда или можно даже сказать «проговариванием» обряда. По утверждению В.Я. Проппа, в основе любой сказки лежит обряд инициации. Этот обряд связан с достижением способности юноши пройти испытания (посвящение) и обрести тайное знание племени. Следы этого обряда становятся как бы границей взрослости/довзрослости. Таким образом, своей морфологией В. Я. Пропп дает очень удобный инструмент для анализа не только волшебных сказок, но и мифов.

Вопрос о существовании культуры молодости (пусть и не такой сформированной, как в древние времена) в средневековой христианской цивилизации долгие годы остается дискуссионным в культурологии. Французский исследователь Ф. Арьес утверждал, что «в Средние века даже понятия молодости как специфической стадии развития человека вовсе не существовало»⁷⁴. Но такая точка зрения, на наш взгляд, все же несколько далека от социокультурных реалий, которые господствовали в Средние века. Средневековая западная философская мысль начинается с проповеди идей христианства, которая велась на основании Евангелия. И вот Евангелие дает нам представление о том, что Христос прошел все стадии взросления и предстает в образе достаточно молодого человека. При этом почти все его ученики (апостолы) – юноши. Христос говорит своим ученикам: «Истинно

⁷³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 364 с.; Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

⁷⁴ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.

говорю Вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

В средневековой религиозной литературе среди символических значений молодости можно выделить три категории: молодость как время надежд и обещаний; молодость как время физической силы и крепости; и молодость как время заблуждений. При этом временной отрезок молодости можно понимать в качестве отличительной особенности молодых (молодежи) как части населения, то есть социальной группы.

Также можно вспомнить средневековую систему образования, учитывающую все особенности возрастов человека. Мы находим в литературе того времени истории и эпосы про молодых рыцарей, уходивших в крестовые походы. Французский историк Жак Ле Гофф считал, что «более устойчивыми были возрастные группы, но не те, что умозрительно относились клириками к абстрактным «возрастам жизни», а другие, интегрированные в конкретную реальность, характерные для традиционных цивилизаций, военных и крестьянских обществ. Среди всех возрастных групп несомненной реальностью своего существования выделялась одна – класс молодежи, соответствующий в примитивных обществах юношам, подвергавшимся инициации. Инициацию – ученичество – проходили и молодые люди Средневековья. Но здесь действовали социальные структуры, придавшие этой возрастной стратификации различный характер у воинов и крестьян»⁷⁵.

При этом, по мнению Ж. Ле Гоффа, основными факторами социокультурной идентификации и реализации молодых людей выступали либо отправление в крестовые походы, либо восстание против своих отцов. То есть это были самые распространенные социокультурные практики средневековой молодежи, при этом значительно позволявшие ей пройти социокультурную идентификацию в качестве особой социальной группы.

⁷⁵ Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с франц.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс, 1992. С. 289.

Вместе с тем в средневековой социокультурной системе мы находим и несколько иной путь социокультурной реализации «молодежи», а именно уход в монахи (в качестве примера можно вспомнить Фому Аквинского). Как отмечает Ж. Ле Гофф, «в XII-XIII вв. монашеские ордена становятся, по сути, теми культурно-инновационными институтами, которые вносят многие изменения во все сферы западноевропейской средневековой жизни. Уход в монахи молодые люди воспринимали в качестве возможности получить как индивидуальную, так и коллективную социокультурную идентичность и усвоить фундаментальные символы христианской культуры. Таким образом, именно монашеские ордена (учитывая постоянный приток в них молодежи) во многом сформировали официальную культуру молодости Средневековья»⁷⁶.

Заметим, что именно монашеским орденам обязан своим возникновением университет как социокультурный феномен. Монашеские ордена взяли первые университеты под свою опеку и во многом способствовали их становлению и развитию, а те в свою очередь закладывали инновационный потенциал в культуре. Как отмечают Т.П. Бухтина и В.П. Римский, «университеты имели гораздо более светскую направленность, что отчасти связано с активизацией городской жизни, укреплением власти королей, феодалов и бюргеров (власть пап и епископов становится уже не столь всеобъемлющей, более отодвигаясь в сферу институциализации культуры)»⁷⁷.

В Средние века посредством народной фольклорной культуры (или народной смеховой культурой), основными «законодателями моды» которой выступали именно молодые люди, впервые проявляется контркультурный элемент, формируя во многом свою знаково-символическую систему. Таким образом, можно сказать, что уже тогда некоторая часть молодых людей, не вписываясь в официальную культуру, была вынуждена искать особые

⁷⁶ Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с франц.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс, 1992. С. 289.

⁷⁷ Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 99-100.

направления своей социокультурной идентификации, воплощая при этом иные социокультурные практики.

В последующую эпоху в попытке подавить раскованность средневековой народной культуры, в социокультурную систему были заложены новые социокультурные конфликты, в том числе и на фоне маргинального социального положения молодежи в это время, приведшие в период буржуазно-демократических революций и перехода к индустриальному обществу к всплеску молодежного активизма, а далее во время становления постиндустриального общества породившие во многом бунтарскую направленность молодежной культуры.

Таким образом, с приходом новой индустриальной культуры и капиталистической европейской цивилизации роль молодежи активно возрастает. По утверждению И.М. Ильинского, именно в это время «в молодежной среде возникло презрение к национальным формам жизни»⁷⁸. Свое, национальное становится для молодежи смешным и «уродливым», а все иностранное восхищает и притягивает.

В рамках методологии социального конструктивизма, связанной с философией М. Вебера⁷⁹, выдвинувшего принцип понимания мира так, как мы его определяем и в соответствии с этим действуем; с феноменологической социологией А. Шютца⁸⁰, который объяснял социокультурную реальность в качестве смыслового мира; а также социологией знаний К. Манхейма⁸¹, первым с научной точки зрения обратившего внимание на специфическую социальную группу «молодежь» и молодежную культуру, нас интересует методология исследования молодежной культуры в качестве культурной идентичности. Молодежная социокультурная идентичность является важнейшим условием развития молодежи как субъекта и соответственно формирования молодежной

⁷⁸ Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. С. 145.

⁷⁹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М. Прогресс, 1990. 565 с.

⁸⁰ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

⁸¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.

культуры. Средой, в которой оформляется молодежная идентичность, являются, по мнению К. Манхейма, социальные технологии. При этом К. Манхейм в качестве специфической социальной технологии имеет в виду, прежде всего, идеологию. Именно идеологии он отводит большую роль в социокультурной идентификации молодежи и, следовательно, формировании молодежной культуры. По мнению К. Манхейма, корни любого социокультурного кризиса стоит искать в том, что в должной мере в силу сложившихся традиций и консервативных установок не используется креативный потенциал, которым обладает в первую очередь молодежь. Любое общество, которое сознательно сдерживает проявление творческой активности молодежи, неизбежно, таким образом, обрекается на замедление темпов развития, на распад социокультурных связей, так как именно молодежь способна нетрадиционно ставить вопросы и также нетрадиционно на них отвечать, проявляя, таким образом, свой социокультурный потенциал. Таким образом, с точки зрения К. Манхейма, именно в молодежной среде наиболее эффективно происходит формирование культурных смыслов.

На наш взгляд, средой оформления молодежной социокультурной идентичности можно считать не просто идеологию (по К. Манхейму), а все общественное сознание в целом или, если быть точнее, мифологизированные формообразования сознания, которые создают особое объективно-идеальное, культурное поле, в котором и происходит социокультурная идентификация молодежи и, следовательно, формирование молодежной культуры.

Если обратиться к научной и художественной литературе, а также к социокультурной действительности, мы увидим, что с переходом к индустриальному обществу в общественном сознании и в социальной жизни начинает проявлять себя новый субъект культурного действия – молодежь. Мы видим, что именно молодые «герои» (как реальные, так и вымышленные) новой индустриальной цивилизации (среди которых французские просветители и революционеры, Наполеон, Фигаро, Вертер, Печорин и Базаров, Маркс и Энгельс, Добролюбов и др.) становятся в это время активными субъектами

социокультурного и общественно-политического действия, по сути, сотворившими культуру XIX века и определившими основные направления социокультурного развития XX столетия.

Если обратиться к культурно-историческому развитию нашей страны, то можно отметить решающее влияние на формирование и развитие общественного сознания российского общества в период становления новой индустриальной цивилизации именно молодых литераторов и публицистов, таких, как Добролюбов, Чернышевский, Герцен, Огарев, Бакунин, Белинский, Грановский и др. При этом можно даже сказать, что именно российская молодежь оказала существенное влияние на становление молодежи в целом как субъекта социокультурного и общественно-политического действия в XIX-XX вв., так как внесла огромный вклад в понимание социокультурного развития и создание социокультурных практик «нового поколения».

В XX веке с развитием производства и созданием новых технологий меняются требования к человеку (становится наиболее актуальным оперативность, аналитичность, новаторство). Именно в это время в трудах Х. Ортеги-и-Гассета, М. Мид, Ш. Эйзенштадта мы находим идеи о появлении нового типа культуры и новаторской роли молодежи в ней. Отныне молодежь транслирует нормы поведения и ценности на старшее поколение, во многом преобразовывая и изменяя реальность под себя, таким образом, и формируя новый (свой) стиль. Все это Х. Ортега-и-Гассет, называет «волей к стилю»⁸².

В рамках западной философской традиции молодежная культура характеризуется, прежде всего, как «группа сверстников» («peer group»)⁸³ с присущим ей внутренним единообразием и при этом внешним протестом в отношении устоявшихся в социуме социокультурных ценностей и смыслов. Молодежная культура в этой парадигме противопоставляется «культуре взрослых». Однако, заметим, данное понятие означает не только «группу сверстников» и возрастное равенство, но и отношение взглядов, ценностей и

⁸² Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 2003. С. 237.

⁸³ Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-Пресс, 2004. С. 163.

норм поведения. При этом достаточно часто мы встречаем понятия «молодежная субкультура» или «молодежная контркультура», которые как бы подменяют собой молодежную культуру в широком смысле.

Между тем, как утверждает К.С. Курганский, понятие «молодежная культура» не объясняется понятиями «молодежная субкультура» и «молодежная контркультура», она полноценно охватывает деятельность молодежи как субъекта культурного действия⁸⁴. Поэтому, согласимся с ним, в рамках нашего исследования предпочтительнее говорить именно о «молодежной культуре», которая отражает культуру целого поколения с его социокультурными ценностями и социокультурными практиками.

В 50-х гг. XX века в работах Т. Парсонса и Р. Мертон сложился функциональный подход к изучению социокультурных явлений. Согласно этому подходу любой социокультурный феномен (нередко даже деструктивный) выполняет «функцию поддержания социальной стабильности, которая выражается в балансе старого и нового»⁸⁵.

Т. Парсонс объясняет причину появления молодежной культуры во многом неким «вызовом» культуре взрослых, выражающимся в «нетерпении» молодежи занять места старшего поколения в социальной структуре, которые некоторое время для них остаются занятыми. «Но дело кончается встраиванием нового поколения в ту же структуру и, следовательно, ее воспроизводством»⁸⁶. Молодежная культура, таким образом, «облегчает адаптацию подростков и юношей в новой среде, помогает тяжелому процессу перехода детей во взрослый статус»⁸⁷.

Таким образом, с точки зрения американских функционалистов, молодежная культура была призвана решить многие проблемы, накопившиеся в

⁸⁴ Курганский К.С. Генезис и метаморфозы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. С. 11-12.

⁸⁵ Мертон Р. Явные и латентные функции / пер. с англ. Ю. Асеева // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 379-448.

⁸⁶ Парсонс Т. Теоретические ориентиры. Системы действия и социальные системы // Системы современных обществ (сборник) / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 132.

⁸⁷ Там же. С. 145.

ходе постиндустриальной трансформации (после Второй мировой войны), а главное, поддержать социальную стабильность в конкретном социуме.

Концептуально подход функционалистов продолжает развивать Ш. Эйзенштадт, утверждающий, что «молодежная культура – это функциональный период подготовки молодых людей к миру вне семьи»⁸⁸ и обращает внимание, прежде всего, на процесс передачи социокультурных ценностей от поколения к поколению. Таким образом, главная функция молодежной культуры состоит в усвоении и транслировании социокультурных кодов и соответствующих им социокультурных ценностей.

В России устойчивый интерес к молодежной культуре возник лишь в последние три десятилетия в связи с трансформационными процессами в обществе. Особенностью отечественной философской традиции в понимании молодежной культуры можно назвать преувеличение структурных и умаление культурных факторов в развитии молодежи.

Прежде всего, заметим, что до начала 1980-х гг. молодежная культура не являлась предметом исследования советской науки. Большинство исследователей (А.В. Асмолов⁸⁹, А.В. Кукаркин⁹⁰, А.И. Лучанкин⁹¹ и др.) рассматривали молодежную культуру лишь в качестве разновидности девиантного поведения, что было актуализировано, в том числе всплеском молодежной преступности в 1980-х гг. Отсюда молодежная культура изучалась лишь в контексте идеологического соответствия воспитания молодежи официальной культуре, нормам и ценностям советского общества.

С конца 1980-х гг. в советской, прежде всего, учебной литературе выделяются специальные разделы, посвященные молодежной культуре, в которых молодежная культура определялась как «культура молодого

⁸⁸ Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций (сборник статей). Вып. 3. М.: Наука, 1995. С. 57.

⁸⁹ Асмолов А.В. Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М.: Изд-во МГУ, 1986. 183 с.

⁹⁰ Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. М.: Политиздат, 1978. 350 с.; Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. 400 с.

⁹¹ Лучанкин А.И. Социально-клубная работа с молодежью: проблемы и подходы. В 2 кн. Кн. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 396 с.

поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов»⁹².

На рубеже 1980-1990-х гг. в отечественной науке разворачивается широкая дискуссия по проблематике молодежной культуры, в основе которой лежал тот факт, что социокультурная жизнь молодежи, как оказалось, не основывается на привычных стереотипах советской социокультурной действительности, а создает во многом свое социокультурное пространство с другими ценностями и конструирует, прежде всего, «свой Запад».

Проблематика молодежной культуры остается дискуссионной и по сей день и, таким образом, требует глубокого культурологического анализа самого феномена и специфики его проявления в современном социуме. Например, как утверждает П.С. Гуревич, «в нашей стране появление феномена молодежной культуры во многом совпадает с проявлением модернистских тенденций в социокультурном развитии российского социума»⁹³. Отсюда можно утверждать, что молодежная культура явилась прямым следствием выражения идей постмодерна 60-70-х гг. XX века.

А.Д. Плотников говорит о возрастающем усложнении современных социокультурных аспектов мирового развития: «у молодежи проявляются индивидуалистические, анархистские, радикалистские взгляды, ориентирующие на социальный паразитизм, передел собственности, свержение любой власти и даже, хотя и в незначительных масштабах, националистические воззрения в сфере этнических отношений»⁹⁴. Отсюда можно предположить, что основными отличительными особенностями современной молодежной культуры являются культурный нигилизм, отказ от авторитетов и от

⁹² Сикевич З.В. Социология молодежи. Учебник. Л.: Лениздат, 1990. С. 10.

⁹³ Гуревич П.С. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // *Общественные науки и современность*. 1995. №4. С. 154-162.; Гуревич П.С. *Философия человека*. Ч. 2. М.: ИФ РАН, 2001. 221 с.

⁹⁴ Плотников А.Д. Молодежь как важный ресурс социальных перемен в российском обществе и основа формирования института семьи // *Электронная библиотека Московского гуманитарного университета*. М., 2006. Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Plotnikov/index.html>.

традиционных социокультурных регуляторов поведения и пр., называемые И.И. Антонович⁹⁵.

Особенного внимания в изучении молодежной культуры в современной российской науке требует экстернальный подход, разработанный Т.Б. Щепанской⁹⁶. «Термин «экстернальная культура» был предложен ею для объяснения промежуточной позиции молодежной культуры в социокультурной системе. В любом цивилизованном обществе альтернативные формы культуры неизбежны и порождаются самим фактом социокультурных отношений. Культура любого общества, тем более современного, должна впитывать, ассимилировать и переосмысливать эти культурные ответвления. Тем самым культура осваивает новые прогрессивные формы и явления. Молодежная культура дает возможность самореализации личности молодого человека, то есть его субъективного воплощения, а также становится инструментом для достижения сознательных или несознательных результатов. При этом она во многом наполняется искусственными заменителями (своего рода симулякрами) социокультурной модели: виртуальное участие в жизни вымышленного и иллюзорного мира с его авторитетами и «героями» вместо реализации собственных устремлений; неприятие социокультурной действительности и «бегство» от нее вместо ее совершенствования»⁹⁷.

Рассматривая проблематику молодежной культуры, необходимо затронуть вопрос о ее типологии. Существует несколько типологий молодежной культуры, имеющих свои особенности и по ее основаниям, и по содержательным характеристикам.

Само обособление понятия «молодежная культура» говорит о том, что в основании типологии молодежной культуры лежат, прежде всего, возрастные

⁹⁵ Антонович И.И. После современности: Очерк цивилизации модернизма и постмодернизма. Мн.: Беларуская навука, 1997. 446 с.

⁹⁶ Щепанская Т.В. Система: тексты, традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

⁹⁷ Мясоутов О.В. Молодежная культура как культурологический феномен // ARTE: научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. 2019. №1. С. 35-43.

особенности человека⁹⁸. «В юношеские годы разочарование социумом и понимание того, что в социуме, по сути, нет тех идеалов и возвышенных ценностей, на которых молодого человека воспитывали, когда он был ребенком, достигает максимума. Сама молодежь в этот период, как правило, считает, что у нее достаточно сил и знаний, чтобы перестроить социум на иных социокультурных основаниях, но ей противостоят все социальные институты, чтобы сохранить стабильность и статус-кво в данном социуме»⁹⁹. Е.Л. Омельченко в статье «Молодежь в публичном пространстве современности»¹⁰⁰ утверждает, что молодежь ищет пространства для самовыражения, а государство продолжает навязывать ей единые политические идентичности. От этого позиция молодежи выливается нередко в активные социальные действия, будь то политические (митинги, демонстрации, акции протеста и т.д.) или культурные (создание собственной альтернативной музыки, поэзии, театра и т.д.).

М. Мид в своей работе «Культура и преемственность»¹⁰¹ предлагает типологию молодежной культуры, исходя из роли и статуса молодежи в конкретном социуме. Она выделяет постфигуративный, конфигуративный и префигуративный типы молодежной культуры.

В постфигуративной молодежной культуре, которая соответствует патриархальному обществу, молодые учатся у взрослых, младшие во всем слушаются старших и не помышляют ни о каких социокультурных изменениях. В этом типе молодежной культуры каждый знает свое место, традиции не подвергаются сомнению, нововведения не одобряются. Таким образом, молодежь не выступает в качестве социокультурного новатора.

⁹⁸ Мид М. Типология культур // Хрестоматия по культурологии / сост. А.И. Кравченко. М.: Акад. проект, 2003. С. 60-81.; Мид М. Культура и преемственность. Исследования конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1988. С. 322-361.; Щепанская Т.В. Система: тексты, традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.

⁹⁹ Мясоутов О.В. Молодежная культура как культурологический феномен // ARTE: научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. 2019. №1. С. 35-43.

¹⁰⁰ Омельченко Е.Л. Молодежь в публичном пространстве современности // Электронная газета Полит.ру. М., 2006. 2 дек. Режим доступа: <http://www.polit.ru>.

¹⁰¹ Мид М. Культура и преемственность. Исследования конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1988. С. 322-361.

В конфигуративной молодежной культуре молодые и взрослые учатся у равных себе, то есть у своих сверстников. Влияние старших, таким образом, постепенно падает, а влияние сверстников заметно растет. Незыблемость традиций ставится под сомнение. Молодежь уже заявляет о своей социокультурной новаторской роли.

В префигуративной молодежной культуре, которая появляется во второй половине XX века, уже взрослые во многом учатся у молодых. Молодежь, таким образом, задает новый тип социокультурных связей и отношений между поколениями, когда образ жизни старших не довлеет над младшими. Степень появления и развития новых знаний здесь настолько высока, что в некоторых аспектах знания молодежь оказывается намного компетентнее старшего поколения. От этого во многом и обостряются межпоколенческие конфликты, что в свою очередь нередко приводит к перерастанию молодежной культуры в контркультуру.

Поскольку молодежная культура – это, так или иначе, культура в культуре, то одним из оснований типологии молодежной культуры является ее традиционность/нетрадиционность в плане отношения молодежной культуры к традиционному социокультурному укладу данного социума. В соответствии с этим основанием выделяются два типа молодежной культуры: традиционалистский и инновационно-авангардный¹⁰². Традиционалистская молодежная культура является позитивной реакцией на социокультурную систему. Инновационно-авангардная молодежная культура отвергает традиционную социокультурную систему. При этом молодежь не выступает единым социокультурным монолитом. Внутри самой молодежной культуры сосуществуют несколько поколенческих слоев, каждое со своими социокультурными идеалами и ценностями.

Еще одним основанием типологии молодежной культуры является ее институциональный или внеинституциональный характер. Исходя из этого,

¹⁰² Багдасарьян Н.Г. Культурология // Электронная библиотека. М., 2007. Режим доступа: <http://www.engineer.bmstu.ru/res/kultura>.

выделяются официальный и неформальный типы молодежной культуры¹⁰³. К официальному типу молодежной культуры можно отнести, например, официально зарегистрированные молодежные общественные движения и организации, например, «Российский союз молодежи», «Российские студенческие отряды», «Российский союз сельской молодежи», «Всероссийский студенческий союз» и т.д. Неформальный тип молодежной культуры представлен многообразием направлений и течений без официального статуса (так называемые «неформалы»). «Неформалы» возникают, исходя из многих социокультурных факторов, таких, как, например, желание заявить свой социальный протест; уход из семьи из-за непонимания со стороны родных; стремление выделиться из массы; намерение утвердить свой авторитет среди сверстников; привлечение к себе внимания; неудовлетворенность деятельностью официальных молодежных организаций и движений; желание соучастия в мировом неформальном молодежном движении и т.д.¹⁰⁴

Н.Г. Багдасарьян¹⁰⁵ в качестве основания типологии молодежной культуры выделяет ее направленности. Она предлагает развернутую типологию молодежной культуры, которая может корректироваться, исходя из изменения ситуации в самой молодежной культуре: музыкальная (рокеры, рэперы и т.д.); интеллектуальная (толкиенисты, маккенисты и т.д.); религиозно-философская (неохристиане, неоязычники, агностики и т.д.); спортивная (фанаты, байкеры и т.д.); компьютерная (хакеры, геймеры и т.д.); контркультурная (хиппи, панки и т.д.).

Также в науке предлагается типология молодежной культуры, исходя из степени включенности ее носителей в социум или отчужденности от него. По этому основанию выделяются следующие типы молодежной культуры:

¹⁰³ Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Заметки социолога. Л.: Лениздат, 1990. 206 с.; Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социс. Социологические исследования. 1998. №11. С. 95-102.; Луков В.А. Молодежная культура: Молодежь и проблемы современной художественной культуры // Сборник научных трудов. СПб., 1990. С. 81-84.

¹⁰⁴ Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-Пресс, 2004. С. 171.

¹⁰⁵ Багдасарьян Н.Г. Культурология // Электронная библиотека. М., 2007. Режим доступа: <http://www.engineer.bmstu.ru/res/kultura>.

просоциальная (например, волонтеры), асоциальная (например, хиппи) и антисоциальная (например, несанкционированные молодежные движения)¹⁰⁶.

В качестве основания типологии молодежной культуры может выступать и социальное положение молодых людей. Помимо материального положения, большую роль в социокультурном определении играют мировоззрение и ценности. Студенческая жизнь, являющаяся важнейшей частью нашего исследования, служит, например, основой для формирования стиля жизни молодежи среднего класса. Академические свободы во многом приучают студенческую молодежь к самостоятельному и критическому взгляду на окружающую социокультурную действительность. Следовательно, именно студенческая молодежь «сильнее выражает мотивацию к достижению и ориентацию на карьеру, у нее выше уровень притязаний и амбиций. Эта молодежь больше оторвана от жизни, более романтична и идеалистична»¹⁰⁷.

Многообразие определений и типологий молодежной культуры, которое мы наблюдаем в современной науке, является естественным проявлением социокультурного плюрализма современной социальной среды и ускорения ее технологического прогресса. Учитывая все многообразие подходов и направлений, в качестве рабочего определения в рамках нашего исследования мы предлагаем использовать следующее: молодежная культура – это культурная подсистема базовой культуры общества, включающая молодежную систему ценностей и предпочтений, молодежный дискурс и способствующая становлению молодого человека и молодежи в качестве субъекта общественной деятельности и творца культурного идеала.

Основываясь на этом определении, мы можем сказать, что молодежная культура наиболее открыта процессам социокультурной трансформации норм и ценностей, поскольку именно она быстрее осваивает новые ценности и, следовательно, больше всего нуждается в социокультурной идентичности. Только молодежная культура помогает молодому человеку в освоении

¹⁰⁶ Фрадкин Н.Ф. Введение в педагогическую специальность. М.: Изд-во ТЦ «Сфера», 1996. 165 с.

¹⁰⁷ Давыдов Ю.Н. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980. С. 45.

социокультурных навыков поведения, в присвоении первичного статуса, в адаптации к ослаблению связей с родителями (семьей), в передаче специфических ценностных представлений, а также в удовлетворении потребности в общении с себе подобными. И сегодня молодежная культура, формируясь в условиях новой технологической реальности (о чем мы будем говорить подробно в следующем параграфе), во многом обуславливает формирование социокультурных ценностей, адекватных этой новой реальности, в молодежной среде.

Таким образом, теоретический культурологический анализ феномена молодежной культуры, позволил выявить специфику современной молодежной культуры, ее морфологическую сущность, типы и функции, а также классифицировать научные подходы к изучению проблемы культуры разных поколений и становления и развития молодежной культуры.

На основе культурологического анализа классических и современных концепций сформулированы атрибутивные признаки понятия «молодежная культура», к которым относятся молодежная система ценностей и предпочтений, молодежный дискурс с присущим им внутренним единообразием и при этом внешним протестом в отношении устоявшихся в социуме социокультурных ценностей и смыслов; тенденцией обособления разных групп в самой молодежной среде, в которых продуцируются различные социокультурные идеалы и разные системы социокультурных ценностей.

Кроме того, выявлена специфика молодежной культуры в современном мире, которая заключается в общей культурной подсистемности по отношению к базовой культуре общества и способствовании становлению молодого человека и молодежи в качестве субъекта общественной деятельности и творца культурного идеала;

Вместе с тем доказано, что молодежная культура является закономерным следствием постиндустриального общества, в котором межпоколенческий разрыв ведет к ценностному и стилевому обособлению культур. Социокультурный конфликт поколений в пространстве этно-социальной

культуры (то есть культуры данного этноса и данного социума) выражается в противоречиях между культурами, ее составляющими и формирующимися в ее недрах.

В следующем параграфе остановимся более подробно на особенностях формирования современной российской молодежной культуры в условиях новой технологической реальности, обозначим основные культурологические аспекты понятия «новая технологическая реальность» и выявим факторы взаимовлияния российской молодежной культуры и новой технологической реальности.

1.2 Российская молодежная культура и новая технологическая реальность

В наши дни становится все более очевидным, что российское общество находится на стадии перехода к новому этапу технологического развития. Как бы в подтверждение этому Президент России Владимир Путин еще 20 февраля 2019 года в своем послании Федеральному Собранию РФ отметил, что «все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность»¹⁰⁸. Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин 22 июля 2020 года в своем выступлении в Государственной Думе ФС РФ заявил о необходимости «технологического рывка»¹⁰⁹ в России. До этого, в 2018 году, Дмитрий Медведев, занимавший тогда пост Председателя Правительства РФ, в своей статье «Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития» также писал о «новой реальности»¹¹⁰. Еще ранее, в 2012 и 2015 гг., Владимир Путин и Дмитрий Медведев, так или иначе, использовали в своих выступлениях и статьях терминологию «новой технологической реальности»¹¹¹, таким образом, акцентируя внимание на этом в российском общественно-политическом дискурсе.

В период возникновения пандемии коронавируса в мире в 2020 году, мы стали особенно часто слышать от многих экспертов, ученых утверждения о том, что «после пандемии мир будет другим, мы окажемся в новой технологической реальности»¹¹².

¹⁰⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2019. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>.

¹⁰⁹ Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. 22.07.2020. Режим доступа: <http://government.ru/news/40074>.

¹¹⁰ Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. №10. С. 5-28.

¹¹¹ Владимир Путин. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 16.01.2012.; Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. №10. С. 5-29.

¹¹² Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Малеева Т.М., Сорокина С.С., Алдошина Т.Л. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Заглядывая в будущее: мир после коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. №10 (112). С. 88-91.

В рамках нашего исследования вызывает интерес тот факт, что все более проявляются социокультурные эффекты того, что мы наблюдаем и называем новой технологической реальностью. Возникает справедливая озабоченность тем, что глобальные технологические процессы, особенно проявившиеся в условиях пандемии, становятся мощным катализатором изменений, в том числе и в социокультурном пространстве, а антропологические риски сегодняшней ситуации, будь то социальная изоляция, усиление дистанционного взаимодействия между людьми и пр., впоследствии могут стать выше, чем, например, сама опасность заболевания. В доказательство этому мы уже видим усиление автоматизации процессов, снижение прямых контактов между людьми, переход преимущественно к дистанционному взаимодействию и многое другое. Все это позволяет нам, как минимум, задуматься, что так или иначе, но российское общество постепенно отходит от традиционной модели социокультурного развития и пока не до конца ясно с какими вызовами и противоречиями оно столкнется. При этом очевидно, что продолжится стремительное развитие интерактивного (виртуального) взаимодействия во всех сферах социальной жизни, в том числе и в культуре.

Вместе с тем сохранение и поддержание устойчивых социокультурных связей, образование и воспитание подрастающего поколения, формирование молодежной культуры – все это не что иное, как культурные феномены, и, следовательно, можно предположить, что новая технологическая реальность – это, прежде всего, новая культурная реальность, являющая собой нечто большее, чем инструментальное использование технологических возможностей; причем реальность, реализующаяся в основе своей именно в молодежной культуре, так как, по мнению ученых, наивысшие темпы социодинамических процессов ожидаемо наблюдаются именно в среде молодежи, которая традиционно отличается такой атрибутивно присущей ей социальной ценностью, как стремление к переменам. Здесь важно отметить, что российская молодежная культура сегодня во многом уже формируется в условиях новой технологической (или, как мы предполагаем, культурной)

реальности, ведь молодежь, являясь важнейшим субъектом социокультурного развития общества, во многом и определяет характер его технологического развития.

Исходя из вышесказанного, на фоне выявления тенденций формирования новой технологической реальности и понимания роли молодежи в этом процессе актуальной научной задачей сегодня становится раскрытие именно культурологических аспектов новой технологической реальности.

Начнем с того, что новая технологическая реальность не поддается простому восприятию. Ученые еще только начинают раскрывать феномен новой технологической реальности, при том, что возможность проявления этой новой реальности в современной культуре с ее многообразными социокультурными аспектами нарастает, как мы видим, с каждым днем. Каждая технология является, по сути, воплощением культуры социума, представляя собой своего рода социокультурные «инвестиции» этого социума в собственное будущее. Отсюда новую технологическую реальность мы рассматриваем не только (и не столько) в качестве фактора масштабных технологических изменений в обществе, но как выражение современных социокультурных тенденций.

Для начала все же следует сказать, что в качестве основных сквозных технологий, характеризующих новую технологическую реальность, чаще всего называют: «большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые, то есть микротехнологии; новые производственные технологии; Интернет; робототехнику и сенсорику; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности»¹¹³.

По сути, мы видим, что речь сегодня идет об окончательном становлении нового технологического уклада, основывающегося на глобальной технологической и цифровой трансформации социума.

¹¹³ Братищев И.М. Новая технологическая и инновационная реальность: управление цифровэкономикой как макросистемой // Берегиня. 777. Сова. 2018. №2 (37). С. 243-257.

Вместе с тем мы знаем, что социокультурное пространство включает в себя все многообразие культурных образцов (ценности, традиции, язык, способы восприятия реальности), отраженных в сознании людей. Возникающие на основе традиционных культурных образцов инновационные смыслы, преобразуются в новые культурные образцы, становясь составной частью социокультурного пространства. Технологическая трансформация, таким образом, отражает постепенное переформатирование смыслового пространства социума, осваивающего и присваивающего современные культурные образцы. При этом технологическая трансформация сегодня не сводится к временной транзитивности, она превращается в единое спонтанное состояние социальности, благодаря чему не носит временного характера.

Немногочисленные научные исследования данной проблематики свидетельствуют, что новая технологическая реальность, с одной стороны, создает, в том числе социокультурные условия для более эффективного развития социума и расширяет возможности человека, но при этом, с другой стороны, порождает большое количество социокультурных вызовов, на которые социуму и, прежде всего, молодежи предстоит искать и найти исчерпывающие ответы. К примеру, присущее молодежи стремление к переменам выступает сегодня одной из доминирующих ценностей и порождает более высокий, чем в последние десятилетия, градус противоречия между молодежью и другими группами общества, который некоторые исследователи рассматривают как предпосылку «молодежного взрыва»¹¹⁴.

Возникает вполне логичный вопрос: чем объяснить это явление и эти предпосылки, исходя из тех социокультурных условий, в которых мы находимся? Неопределенностью социокультурной модели развития общества и «образа желаемого будущего»? Отсутствием эффективной государственной молодежной и культурной политики? Преобладающей атомизацией социума,

¹¹⁴ Теории молодежи: междисциплинарный анализ: научная монография / В.А. Луков. М.: Канон +, 2012. С. 196.

которая, по мнению ученых¹¹⁵, еще более укрепляется, благодаря технологизации социокультурного пространства людей, особенно молодых? А может быть слабыми внутрисемейными связями и пониженным вниманием к проблемам подростков и молодежи? Одним словом, вопросов больше, чем ответов. Настоящее диссертационное исследование – это попытка, как минимум, определить культурологический смысл новой технологической реальности и выявить факторы взаимовлияния российской молодежной культуры и новой технологической (или культурной) реальности.

В новой технологической реальности особую, стратегическую, роль в развитии социума играют NBIC-технологии (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии). Они непосредственно влияют и на общество в целом, и на отдельно взятого человека «с точки зрения сопряжения в человеке прошлого, настоящего и будущего, его культуры и традиций, сознания и разума, что является необходимым условием формирования современного человека и концепта инновационно-технологической цивилизации XXI века, которую он вольно или невольно выстраивает и в которой ему придется жить в последующие века»¹¹⁶. Думается, в таком случае сознанию и культуре человека отводится ведущая роль, так как благодаря современным технологиям каждый получает возможность проявления своих уникальных качеств и участия в принятии жизненно важных решений. С учетом этого важнейшими для формирования и развития культуры в целом и молодежной культуры в частности становятся социальные технологии, таким образом, мы говорим уже о NBICS-технологиях (с добавлением социальных). В контексте нашего исследования необходимо учитывать адаптацию современного молодого человека к постоянно изменяющимся технологиям посредством трансформации

¹¹⁵ Калистратов А.Е. Социально-культурный контекст кризиса культурной идентичности в России // Вестник МГУКИ. 2011. №3 (41). С. 53-56.; Рыжук А.В. Особенности факторов неадекватного восприятия личностью социальной реальности России // Социально-гуманитарные знания. 2014. №12. С. 312-317.; Синецкий С.Б. Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления: автореф. дис. ... докт. культурологии. Челябинск, 2012. 49 с.; Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте // Общественные науки и современность. 2015. №1. С. 52-63.

¹¹⁶ Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер В.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 336.

своей культуры. Поэтому, на наш взгляд, мы можем говорить не просто о социальных технологиях, а о социокультурных технологиях.

В таком случае стратегическая роль современных технологий заключается в том, что они играют роль неких «драйверов», которые формируют новое (инновационное) общество с социокультурными ценностями и культурой, присущей данному обществу. По мнению ученых, «для того, чтобы получить собственно знание о мире и о человеке, нужно переработать большой объем информации и обладать мышлением. Еще более высокая гуманитарная ценность – это развитие самого человека, а не только его знаний. Ведь информация сама по себе является потенциальным ресурсом, но, пропущенная через общество, она становится актуальным информационно-энергетическим и социальным ресурсом. В частности, благодаря использованию современных технологий и форсайт-исследованиям, через обсуждения гражданским обществом, через оценку всевозможных выгод и рисков формируется образ будущего, в том числе человека, стоящего в центре социального развития. Еще одна ценность заключается в том, что совершенствовать надо не только человека, но и среду его обитания»¹¹⁷. Таким образом, можно утверждать, что ведущее место среди социокультурных ценностей в новой технологической реальности будет отводиться развитию самого человека, второе место – знанию, третье – информации, а четвертое – среде обитания.

Российская молодежная культура сегодня находится во взаимодействии с социокультурными процессами построения новой технологической реальности и определяется «диалектикой взаимодействия традиционных и инновационных парадигм социально-ценностного мышления»¹¹⁸. Следовательно, современная система новых (или инновационных) социокультурных ценностей призвана

¹¹⁷ Материалы панельной дискуссии «Информационное общество: гуманитарные аспекты модернизации (V Форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ «Инновационное и гуманитарное партнерство – основа динамичного развития стран СНГ», Москва, 14-15 октября 2010 г.) // Информационное общество. 2011. №1. С. 37.

¹¹⁸ Кулибаба С.И., Калужная Н.А. Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования. Астрахань: Изд-во ОПОУ ДПО АИПКП, 2006. С. 88.

адекватно отражать постиндустриальную основу технологической цивилизации и содержать в себе все то общечеловеческое и исторически ценное, что необходимо для культурного развития. Здесь можно согласиться с И.К. Кучмаевой, что «важно беречь и хранить максимально возможное количество позитивных и негативных ценностей во имя воссоздания картины эволюции человеческой культуры, выводя вместе с тем на уровень общественного сознания в первую очередь ценности, способствующие ее действительному обогащению»¹¹⁹.

Одним из факторов, оказывающим в сегодняшних условиях новой технологической реальности существенное влияние на формирование и развитие молодежной культуры, является процесс технологизации культуры и цифровизации социокультурного пространства. Заметим, что развитие информационных технологий приводит к погружению молодого человека в мир, в котором его ждет, по выражению французского социолога Жана Бодрийяра, «сверхреальная симуляция реальности»¹²⁰. При этом многие ученые отмечают возможность негативных последствий новой технологической реальности для формирования и развития именно молодежной культуры. Например, как пишет О.Н. Астафьева, «разрыв ценностных межсубъективных отношений, составляющих основу существования человека, лишает человека возможности взаимодействия с себе подобными, возможности установления диалога. Происходит порождение деформаций в развитии индивидов как субъектов культуры»¹²¹.

Цифровизация социокультурного пространства, изменяя форматы общения в молодежной среде, с одной стороны, увеличивает возможности и расширяет доступ молодежи к информации и общению, но, с другой стороны, делает молодых людей во многом зависимыми, а в определенном смысле даже «неполноценными», теряющими навыки проделывать многие операции лично.

¹¹⁹ Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М.: Инженер, 2006. С. 10.

¹²⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с франц. Д. Краличкина. М.: Академический проект, 2007. С. 87.

¹²¹ Астафьева О.Н. Аксиологические основы современной культуры // Духовно-культурные процессы в современной России. 1998. С. 18.

При этом заметим, что именно коммуникации выделяют мир культуры из остальной реальности. Ведь не зря в ситуации, когда отсутствует общий разговорный язык, практически невозможно появление нового культурного локуса. И здесь главной сложностью нам представляется не просто обмен какой-то информацией, а проблема накопления и передачи социокультурного опыта.

Как следствие технологизации культуры немаловажным фактором в формировании современной молодежной культуры становится виртуализация реальности, ставшая неотъемлемым элементом новой технологической реальности. Н.Н. Семенова справедливо отмечает, что «в каком-то смысле мы все живем в единой действительности, но в разных реальностях. Внедрение и использование информационных технологий сильно меняет реальность, создавая еще одну – виртуальную»¹²², что для современной культуры, а, следовательно, и культурной реальности, становится характерным признаком сегодняшнего дня и вместе с тем этической и социокультурной проблемой, до сих пор мало разработанной в культурологии. При этом многие исследователи вслед за французскими постструктуралистами, в частности Ж. Бодрийяром, воспринимают новую культурную реальность как «симулякры» физической реальности»¹²³, оказывающие в целом негативное влияние на индивида, или, по методу французского философа Ролана Барта, как «семиотическую систему мифологизации реальности»¹²⁴.

Испанский социолог Мануэль Кастельс представляет свое видение виртуальности в культуре: «мы живем в условиях особой культуры, которая является виртуальной, поскольку строится на виртуальных процессах коммуникаций. Через виртуальность мы в основном и производим наше

¹²² Материалы панельной дискуссии «Информационное общество: гуманитарные аспекты модернизации (V Форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ «Инновационное и гуманитарное партнерство – основа динамичного развития стран СНГ», Москва, 14-15 октября 2010 г.) // Информационное общество. 2011. №1. С. 37.

¹²³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с франц. Д. Краличкина. М.: Академический проект, 2007. С. 5-7.

¹²⁴ Барт Р. Мифологии / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. С. 271.

творение смысла»¹²⁵. Таким образом, можно согласиться с тем, что «виртуальным можно назвать любой искусственный (культурный) мир, существующий непродолжительный промежуток реального времени»¹²⁶.

Виртуальность в современной культуре, по мнению Д.О. Усановой, «может быть представлена как динамика следующих ключевых вариантов прочтения: 1) виртуальность как инобытие, несуществующая реальность; 2) виртуальность как непознанная реальность; 3) виртуальность как утопия – идеальная реальность; 4) виртуальность как внутренний мир, субъективно-переживаемая индивидом реальность; 5) виртуальность как мнимая имитационная реальность (псевдореальность); 6) виртуальность как информационно-техническое пространство – киберпространство»¹²⁷.

Часто термин «виртуальность» связывается только с развитием технологий (как правило, такой точки зрения придерживаются западные исследователи), при этом многие ученые (согласимся с ними) связывают виртуальность скорее с «символами и образами»¹²⁸.

В условиях виртуальной реальности (со своими знаками, символами и образами) появляются и новые способы освоения социокультурных ценностей, так как виртуализация во многом связана с определенной степенью отчуждения от традиционных элементов культуры и традиционной социокультурной системы.

Как подтверждение, согласно последним социологическим замерам ВЦИОМ, посещаемость молодыми людьми учреждений культуры в России пока находится на достаточно низком уровне.¹²⁹ Также в последние годы молодые россияне так и не стали уделять больше времени чтению книг, при том, что в книжных магазинах и библиотеках сегодня можно найти литературу

¹²⁵ Капель М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2014. С. 237.

¹²⁶ Катречко С. Трансформация сознания в эпоху Интернета // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М., 2004. С. 60-62.

¹²⁷ Усанова Д.О. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 395-397.

¹²⁸ Кириллова Н.Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. №5. С. 524-531.

¹²⁹ ВЦИОМ: Пресс-выпуск №3991. 2019. Режим доступа: <http://www.wciom.ru>.

любой тематики и любого жанра, в том числе и адресованную молодежи. Здесь важно заметить, что при потере чтением своего социокультурного ценностного статуса меняется облик и самой культуры.

Но объективности ради необходимо отметить, что в новой технологической реальности появляются новые способы производства культурных явлений, связанные, прежде всего, с сетевой платформой, например, виртуальное чтение, пользующееся интересом среди читающей молодежи. Сегодня в сети Интернет активно появляются многочисленные электронные библиотеки. Мы видим, что книга во многом теряет свойства лишь физического объекта и становится объектом также виртуальным. Показательно, что современная библиотека открывает для себя еще один формат существования – как некое виртуальное пространство, в котором люди получают возможность «собираться» для реализации своих общих социокультурных целей.

Таким образом, можно утверждать, что в новой технологической реальности при неизбежных изменениях социокультурных реалий, остается неизменной способность к сохранению высоких культурных образцов, которые служат ориентиром повседневной деятельности человека, что подтверждает наше предположение о «культурности» новой технологической реальности.

Погружение молодежи в виртуальную культурную реальность проявляется, прежде всего, в замещении межличностного взаимодействия виртуальным (общение у молодых людей переходит в основном в виртуальное пространство – социальные сети, мессенджеры и т.д.), что в свою очередь приводит к обеднению эмоционального компонента общения, изменениям в языке и молодежном дискурсе. Среди особенностей такого виртуального общения современной молодежи можно отметить принципиальную анонимность в сети, открывающую во многом возможности для социокультурной самореализации, творчества, создания некоего личного «закрытого» пространства. При этом заметим, что, с одной стороны,

«отсутствие живого общения человеческих сознаний приводит к разрушению мира человеческого в культуре и в самом человеке»¹³⁰, с другой стороны, «широкая доступность и высокое качество цифровых копий вещей только усиливают интерес к подлиннику»¹³¹.

Особенно виртуализация личности проявляется через «никнейм» в сети Интернет, то есть имя пользователя, под которым он находится в виртуальном пространстве и с которым он себя идентифицирует. Множество «никнеймов» создают во многом предпосылки к мифологизации личности пользователя. Как отмечает Е. Горный, «существование виртуальной личности в молодежной среде часто является жанром творчества»¹³². При этом основными принципами создания виртуальной личности молодыми пользователями выступают не только «самовыражение, самописание и самоанализ», но и наиболее выраженное «самоизобретение» (нередко некоторые виртуальные личности становятся результатом коллективного творчества).

Виртуальная культурная реальность резко увеличивает возможности молодого человека. Проживая в ней несколько «жизней», молодой человек может приобрести опыт, который в обычной жизни по разным причинам он приобрести не мог. Т.Д. Стерледева¹³³ называет такой феномен «уплотнением» человеческой жизни. Такое «уплотнение», по ее мнению, может нести как позитивный социокультурный эффект, связанный, прежде всего, с усилением нравственных и культурных аспектов в человеке, так и негативный, приводящий к их окончательному разрушению.

Виртуализация молодежной культуры во многом ведет молодежь к дифференциации. В период пандемии коронавируса мы все познакомились с таким явлением как «самоизоляция», так вот виртуальное пространство оказывается средством каждодневной «самоизоляции» современного молодого человека, «создавая условия, благоприятствующие ограничению сферы

¹³⁰ Астафьева О.Н. Аксиологические основы современной культуры // Духовно-культурные процессы в современной России. 1998. С. 19.

¹³¹ Иванова Ю.В. Новейшие, постмодернистские традиции посещения музеев. СПб.: Петрополис, 2009. С. 226.

¹³² Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 232.

¹³³ Стерледева Т.Д. Мир человека в виртуальной реальности. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2003. С. 265.

общения индивида лишь теми, кто разделяет его собственные взгляды»¹³⁴, а отсюда «площадкой для общения людей одинакового образа мысли»¹³⁵. Новая культурная реальность, воплощенная в виртуальном пространстве, становится для молодежи ни сколько средой размышления, сколько инструментом, способствующим самоутверждению в уже существующем в ее среде мнении.

Сегодня целесообразно говорить о появлении такого социокультурного феномена, как «человек кликающий»¹³⁶. При этом, по мнению исследователей, конечным продуктом новой технологической реальности должен все же стать так называемый «Homo eruditus» («Человек образованный»)¹³⁷. «Прогрессивное развитие человечества как системы необходимо требует появления в его составе групп людей все более и более образованных, использующих все более эффективные интеллектуальные информационные технологии, обладающих большим кругозором и более тонкими технологиями преобразования окружающего мира, то есть создания и совершенствования Homo eruditus («Человека образованного»), гражданина будущего «Общества знания», формирование которого сейчас только начинается»¹³⁸.

Отметим, что «Человек образованный» в условиях новой технологической реальности с ее массивами информации – это, прежде всего, «человек информационный». А при том, что культура – это строго структурированная информация (через символы, знаки, коды), то можно утверждать, что в новой технологической реальности речь идет о культуре и о духовности как сохранении культурного кода. Но можно ли назвать «человека образованного» в современном смысле «человеком духовным»? Едва ли. Отсюда следует, что в условиях новой технологической реальности общество все более ориентируется на адаптацию к социокультурным условиям, прежде

¹³⁴ Вайнштейн Г.И. Информационная революция и демократия: ожидания, реальность, перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №7. С. 20.

¹³⁵ Там же. С. 21.

¹³⁶ Тарасенко В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. 2000. №5. С. 111.

¹³⁷ Шевчун В.Н. Новая социальная реальность в контексте становления информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2013. 25 с.

¹³⁸ Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества // Приложение к журналу «Информационные технологии». 2013. №8. С. 15.

всего, через образование, без которого общество просто потеряет возможность прогрессивного развития в современной и постоянно усложняющейся социальной среде и которое является важнейшим социокультурным фактором формирования той самой духовности, которой не хватает сегодня «человеку образованному».

Вместе с тем в молодежной культуре большое значение начинает играть мобильное образование, ориентированное на открытость, общественное производство, коллективный характер взаимодействия людей и постоянное стремление к самообразованию, что подтверждает теорию Джона Урри о «повороте к мобильности»¹³⁹. Позволим себе предположить, что именно мобильное образование с его современными социокультурными практиками (самообразование как социокультурный процесс), в будущем может повлечь за собой переход от культуры потребления к культуре созидания.

Таким образом, мы видим, что новая технологическая реальность ведет к переоценке традиций и кардинально меняет привычный образ жизни. В свою очередь эти изменения являются причиной глубоких социокультурных трансформаций. Формируется новое социокультурное поле для молодежи, меняющее ее прежние формы социокультурного бытия, их виды общения и взаимодействия. Мы можем сказать, что сегодня на наших глазах, чуть ли не в режиме реального времени, изменяется мировоззрение молодежи, ее представления о смысле жизни, система жизненных и социокультурных ценностей молодых людей. Технологизация молодежной культуры приводит к утверждению в молодежной среде новой культурной парадигмы. «Творимая человеком культура становится, в конечном счете, силой, творящей его самого»¹⁴⁰.

Следовательно, новая технологическая реальность, обусловленная развитием современных технологий, выражается в формировании нового ценностно-смыслового и символического пространства, обеспечивающего

¹³⁹ Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социс. Социологические исследования. 2012. №5. С. 25.

¹⁴⁰ Каган М.С. Эстетика как философская наука. М.: Петрополис, 1997. С. 77.

условия для становления новых социокультурных практик, форм человеческой деятельности, а также способов социокультурной идентификации личности. Это в очередной раз подтверждает наше предположение о том, что новая технологическая реальность есть, по сути, новая культурная реальность.

И вот в условиях этой новой культурной реальности происходит формирование новых социокультурных практик, создающих качественно измененные характеристики социуму, в котором отныне по-иному понимается свобода индивида, его социокультурная самоидентификация и возможности самореализации. «Под влиянием технологической культуры для мышления становятся характерными такие свойства, как слияние логического и образного отражения реальности. Мышление молодого человека формируется на базе слияния понятийного и наглядного, определяя скорость, гибкость и реактивность мысли»¹⁴¹.

Значимость информационных технологий в новой технологической реальности, несмотря на их достаточную противоречивость, подчеркивается теорией сетевого общества М. Кастельса: «технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов»¹⁴². Современное общество есть сетевое общество (мы встречаем различные его наименования: цифровое, информационное и т.д.). В современном сетевом обществе происходит интеграция электронных средств коммуникации в социокультурное пространство и наступает время индивидуализированных масс-медиа и социальных сетей, получивших в последнее время очень широкое распространение в молодежной культуре в форме «электронной культуры»¹⁴³, обладающей своими социокультурными особенностями. «Электронная культура, - утверждает Л.В. Баева, - является порождением нового типа общества, определяющим фактором в котором

¹⁴¹ Певзнер П.Е. Процесс формирования компьютерной культуры вузовской молодежи: этапы пути Германии и России. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 44-45.

¹⁴² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 29.

¹⁴³ Шевчун В.Н. Новая социальная реальность в контексте становления информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2013. 25 с.

становятся высокие технологии в целом и информационные в особой степени. Очевидно, что главным трансформирующим фактором современной культуры становятся новые технологические достижения. Современные высокие технологии открыли человеку новые возможности: расширились горизонты пространства и времени, оказались преодолены условности языковых барьеров, открылся бескрайний мир цифровой информации и т.д. Информационные технологии оказали влияние на формирование особой культуры»¹⁴⁴.

В контексте изучения молодежной культуры в условиях новой технологической реальности важность для нашего исследования представляет понятие «культурная среда молодежи». Под культурной средой молодежи мы понимаем, прежде всего, социокультурное окружение молодого человека, обуславливающее характер и способ непосредственного общения молодых людей друг с другом. При этом, с точки зрения Э.В. Соколова¹⁴⁵, культурная среда молодежи представляет собой конкретную, локализованную во времени и пространстве сферу, в которой происходит потребление молодежью социокультурных ценностей.

Говоря о культурной среде молодежи, обратим внимание на взаимосвязь личностного и вещественного ее элементов. Личностный элемент выражается в совокупности людей, которые окружают молодого человека и воздействуют во многом на его социокультурные потребности, интересы и ориентации. Вещественный элемент в свою очередь выражается через материальные средства, при помощи которых происходит производство, распространение и потребление молодежью социокультурных ценностей. Под этим мы понимаем, например, книги, предметы искусства, культурные институты и т.д.

Культурная среда молодежи в условиях новой технологической реальности имеет огромное значение для формирования молодежной культуры. Любой молодой человек в современном социуме является одновременно и объектом, и субъектом его культурной среды. Новая технологическая

¹⁴⁴ Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. №5. С. 76-77.

¹⁴⁵ Соколов Э.В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. С. 38.

реальность при этом предстает в виде системы, представляющей собой целостность современных материальных, экономических, социальных и духовных условий жизнедеятельности людей и социальных групп. Она во многом ускоряет формирование поликультурного пространства.

Общая тенденция взаимовлияния российской молодежной культуры и новой технологической реальности заключается, таким образом, в том, что молодежная культура в условиях новой технологической реальности находится в процессе постоянного усложнения, что выражается в проблеме определения общей установки социокультурных интересов молодежи и общих социокультурных приоритетов.

Современные технологии преобразуют пространство и время и формируют в молодом человеке, как уже было сказано выше, особый стиль мышления, особый способ чувствования и даже, предположим, особый тип культуры, который мы назовем «культурой желаемого настоящего».

Культура желаемого настоящего, на наш взгляд, основана, прежде всего, на технологической культуре, переоценке традиций, развитии нового молодежного стиля и образа жизни. При этом современная молодежь, отличающаяся гибкостью в восприятии новых социокультурных образов, широким доступом к информации, конкурентоспособностью, энергичностью и пр., в какой-то мере как бы осознавая всю противоречивость новой реальности, «бежит» в еще более несовершенную виртуальную реальность, в чем, на наш взгляд, и кроются социокультурные истоки пессимистических настроений сегодняшней молодежи в отношении будущего. Молодые люди, «растворяясь» в виртуальном пространстве, формируют для себя свой собственный образ окружающей действительности (или «желаемое настоящее»), представляющий собой мир неограниченных возможностей.

Но как все это происходит в современном социуме с точки зрения формирования культурной среды молодежи? Прежде всего, родители, знающие, что называется, «всего понемногу», передают свои хаотичные «знания» и ценности ребенку. На это в последующем накладывается

неконтролируемая информация из внешнего мира (массмедиа, социальные сети и т.д.). Таким образом, мир начинает выглядеть не таким, каким он есть, а таким, каким его желает видеть конкретный молодой человек под воздействием огромного объема информации извне. «В условиях информационной эпохи, - как отмечает Н.Б. Кириллова, - массмедиа все активнее присваивает себе функцию создания новой социально-культурной среды обитания человека – параллельного, «виртуального» мира, воспринимаемого зачастую как объективная реальность»¹⁴⁶.

В конечном счете, реальность, порожденная такой культурной средой, превращается в симулякр – правдоподобный образ отсутствующей, но желаемой действительности (в нашем случае – желаемого настоящего). При этом о желаемом будущем речи не идет, ведь молодые люди, находясь в иной (виртуальной) реальности, быстро привыкающие к постоянному пребыванию в информационном поле, наполненном информацией не структурированной, нередко непроверенной и недостоверной, часто даже не испытывают ни малейшей необходимости куда-то идти и что-либо делать, не говоря уже о том, чтобы задумываться о своем будущем и прилагать усилия по его конструированию (можно просто, не выходя из дома, общаться с массой людей посредством сети Интернет и получать больше эмоций, чем может быть даже при традиционном взаимодействии).

Современная молодежная культура желаемого настоящего формируется на основе высокотехнологичных интерактивных (по большей степени виртуальных) социокультурных форм, среди которых можно назвать массовые инсталляции, перформансы, флешмобы, челленджи и другие современные социокультурные практики, адекватные новой технологической реальности.

Социокультурная трансформация в условиях новой технологической реальности – это сверхдинамичный процесс, под влиянием которого происходят различные социокультурные явления, не всегда однозначные и

¹⁴⁶ Кириллова Н.Б. «Ното medium» как объект и субъект информационной эпохи // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №17 (346). С. 17.

связанные как с подъемом, так и с упадком культуры. В духовной сфере жизни современного российского общества все еще существуют противоречия между сложившимися в прошлом ценностями и идеалами, нормами поведения, формами общения и формирующимися и утверждающимися современными ценностными ориентациями, новыми образцами общения и социального поведения. О том, как обстоят дела в российской молодежной культуре сегодня с переосмыслением исторического и культурного прошлого страны и формированием социокультурных ценностей, с оформлением символического пространства, мы будем говорить подробно в следующих параграфах диссертации. Здесь же лишь заметим, что можно выделить символы социокультурные (например, ими является национально-государственная символика), повседневные и религиозные. В рамках данного исследования нас интересуют именно социокультурные символы, основными сферами производства которых являются язык, творчество, идеология. Социокультурная символика молодежной культуры, опираясь на архетипы, воспроизводится в идеях, мнениях, ценностях и предпочтениях, актуальных для молодежного массового сознания, формирует совокупность смыслов и значений, которые характеризуют ментальность и мировоззрение российской молодежи. «Символ создает иррациональную реакцию человека, поэтому через систему символов человек оценивает и осознает окружающее пространство, идентифицирует себя с ним»¹⁴⁷. Социокультурные символы во многом связаны с политическим мифом, о чем мы будем говорить подробно во второй главе. В ней же, основываясь на результатах эмпирического исследования, постараемся определить из каких элементов складывается символическое пространство современной российской молодежной культуры в условиях новой технологической реальности. Какие символы молодежь игнорирует, какие отрицает, а какие воспринимает – все это нам предстоит выяснить в рамках нашего исследования далее.

¹⁴⁷ Кулибаба С.И., Калужная Н.А. Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования. Астрахань: Изд-во ОПОУ ДПО АИПКП, 2006. С. 59.

Таким образом, проведенный нами культурологический анализ новой технологической реальности позволил, во-первых, уточнить понятие «новая технологическая реальность», означающее, с одной стороны, все то технологически новое, что создано человеком и является объективным результатом его деятельности; с другой стороны, не что иное, как новая культурная реальность, являющая собой нечто большее, чем инструментальное использование технологических возможностей; причем реальность, реализующаяся в основе своей именно в молодежной культуре. Отсюда новая технологическая реальность - это не просто масштабные технологические изменения в обществе, но выражение современных социокультурных тенденций.

Также в ходе исследования установлено, что российская молодежная культура находится во взаимодействии с социокультурными процессами построения новой технологической реальности и определяется диалектикой взаимодействия традиционных и инновационных социокультурных парадигм, что выражается, прежде всего, в процессе технологизации культуры и цифровизации социокультурного пространства; виртуализации социокультурной реальности; переоценке традиций. В свою очередь все это становится причиной глубоких социокультурных трансформаций. Отсюда формируется новое социокультурное поле для молодежи, меняющее ее прежние формы социокультурного бытия, их виды общения и взаимодействия, а, следовательно, и мировоззрение молодежи, ее представления о смысле жизни, систему жизненных и социокультурных ценностей молодых людей, то есть к утверждению в молодежной среде новой культурной парадигмы.

Кроме этого, в рамках исследования определена культурная специфика новой технологической реальности в современной России, характеризующаяся формированием особого типа молодежной культуры - «культуры желаемого настоящего», основанной на образе окружающей действительности, во многом сконструированном в недрах виртуальной реальности, в которой безгранично

находится современный молодой человек, и представляющей собой мир неограниченных возможностей.

Все вышеназванные культурологические аспекты новой технологической реальности оказывают существенное влияние на формирование российской молодежной культуры и (можно предположить) на изменение системы ценностей молодежи. Поэтому в следующем параграфе мы более подробно остановимся на культурологической интерпретации социальных ценностей в современной российской молодежной культуре, уточним их содержание, а также определим особенности их проявления у современной российской молодежи.

1.3 Современная молодежная культура России и социальные ценности

Молодежная культура – этоместилище ценностей молодежи. Логично предположить, что факторы, существенно влияющие на молодежную культуру, как мы выяснили в предыдущем параграфе, должны привести к изменению и системы ценностей (или, как говорят некоторые исследователи, к «революции ценностных ориентаций»¹⁴⁸). Исходя из этого, для нас становится важным определить особенности проявления социальных ценностей в современной российской молодежной культуре и уточнить характер изменений социальных ценностей современной российской молодежи в условиях новой технологической реальности.

Для этого необходимо, прежде всего, разобраться в том, какую роль играют социальные ценности в культуре.

«Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»¹⁴⁹. Отсюда, имея в виду тезис П.А. Сорокина, можно предположить, что трансформация ценностей приводит к глубоким изменениям во всей социокультурной системе.

Заметим, что понятие «ценность» имеет достаточно спорное и неоднозначное определение. В науку данное понятие ввел немецкий философ Рудольф Герман Лотце, определивший его значение: «ценность – это то, что реально не существует, но значит. Ценность – не реальна, она – идеальна, противоположна реальному. Именно обогащение природного факта идеальным содержанием, смыслом, значением превращает его в феномен культуры»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Ланкин В.В., Пантин В.И. Ценностное размежевание и социально-политическая дифференциация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №4 (54). С. 84.

¹⁴⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 429.

¹⁵⁰ Лотце Р.Г. Микрокосм: мысли о естественной и бытовой истории человечества, опыт антропологии, душа / пер. с нем. Е.Ф. Корша. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. С. 156.

Но как же тогда быть, например, с современной ситуацией, когда мы видим, что молодежь выбирает все больше и больше материальных репрезентантов собственных ценностей (как пример, процесс, получивший в 1990-е годы название «вещизм», а сегодня уже воспринимающийся как норма)?

Думается, что более точным для использования в нашем исследовании является определение В.П. Тугаринова, который одним из первых начал разрабатывать теорию ценностей в отечественной науке: «Ценность суть предметы, явления и их свойства, которые нужны членам определенного общества или класса, или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала»¹⁵¹.

По мнению П.А. Сорокина¹⁵² (основоположника историко-антропологического подхода к ценностям), именно эпоха создает и определяет условия социокультурной динамики, формирующей в свою очередь систему ценностей. Если это так, то в сегодняшней ситуации можно с большой долей вероятности предположить, что новая технологическая реальность должна создать такие условия социокультурной динамики в обществе, при которых формируется и новая система ценностей.

Известно, что в науке существует также философско-культурологический подход к ценностям. В его рамках, на наш взгляд, важно понять, какого рода ценности формируются у сегодняшней молодежи – предметные, субъектные, ценности-средства или ценности-цели, относительные или абсолютные. При этом заметим, что ценность выражает определенную связь: «ценность – всегда ценность чего-то. То есть это значит, что для ценностного отношения необходим предмет, имеющий ценность. Предмет не есть ценность, он имеет ценность»¹⁵³. Таким образом, мы можем сказать, что ценность – это нечто, что принадлежит объекту. Вместе с тем ценность может стать реальной, но лишь,

¹⁵¹ Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 261.

¹⁵² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

¹⁵³ Кулиджанишвили А.Э. Ценность как принцип, объясняющий социальное бытие человека // Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции. Вып. 3 / под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 304.

если субъект признает ее таковой. С.Л. Рубинштейн, например, отмечал «значимость для человека чего-то в мире, и только признаваемая ценность способна выполнять важнейшую ценностную функцию – функцию ориентира поведения»¹⁵⁴.

Согласно еще одному – социолого-культурологическому подходу, культуре каждого этноса или каждой социальной группы присущи свои, уникальные по содержанию, ценности. Следовательно, с точки зрения проблематики нашего исследования, важно понять какие ценности формирует сегодня у молодежи ее картина мира, формируемая в свою очередь новой технологической реальностью.

Как мы знаем, ценностные ориентации отдельного человека, под которыми в рамках исследования молодежной культуры мы понимаем относительно устойчивое и социально обусловленное избирательное отношение молодежи к совокупности материальных и духовных благ, то есть такой социокультурный феномен, который характеризует направленность и содержание активности молодежи и определяет общий подход молодого человека к социуму и к себе, формируются на основе господствующей в социуме системы ценностей, изменяющейся в процессе социокультурного и исторического развития.

Таким образом, ценности имманентно присущи культуре. При этом, на наш взгляд, каждая культура создает свою цивилизацию, а цивилизация в свою очередь создает свою систему ценностей, которая и определяет направленность деятельности человека и всего социума в рамках данной цивилизации, а также обеспечивает социальный порядок и стабильность в социуме.

Так как молодежная культура является целостным социокультурным образованием (как мы определили в предыдущих параграфах), она отличается и «особой картиной мира, в которой, несмотря на субкультурные различия, есть единое ценностное ядро, которое при этом состоит из деления на «своих» и

¹⁵⁴ Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. С. 87-88.

«чужих», четкого разделения поколений, определенного пространства свободы и т.д.»¹⁵⁵.

В условиях новой технологической реальности в российском социуме наблюдается смена «аксиологических знаков»¹⁵⁶, что выражается, по данным различных исследований¹⁵⁷, прежде всего, в глубоком конфликте поколений, порождающем отсутствие передачи материального и духовного наследия от поколения к поколению и в конечном счете, по замечанию Л.И. Кемаловой¹⁵⁸, приводит к потере ценностных ориентиров в обществе и распаду социальных связей.

Таким образом, в подобных условиях молодежь вынуждена по большей мере сама вырабатывать свои ценностные ориентиры, адекватные новой технологической реальности. Но всегда ли новые молодежные ценности – это отрицание старого в культуре? Получается, что отрицание – есть вечная ценность молодежи? А может быть это отрицание чего-то в цивилизации (то есть именно в системе технологий), а не в культуре вообще, и молодежь отрицает какие-то аспекты цивилизации, пользуясь при этом «старыми» культурными кодами? Предположим это и попробуем разобраться с ценностями в молодежной культуре более подробно.

Молодежь, являясь наиболее открытой к новой технологической реальности, быстрее других осваивает те социальные ценности, которые влечет за собой эта новая реальность, но вместе с тем больше других нуждается в социальной и культурной идентичности. При этом, по мнению одних исследователей (Е.В. Полтораднева, Э.А. Куруленко)¹⁵⁹, современное

¹⁵⁵ Слесарева И.В. Молодежная клубная культура на рубеже XX-XXI веков: аксиологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2008. 163 с.

¹⁵⁶ Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социс. Социологические исследования. 1998. №5. С. 99.

¹⁵⁷ Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. 168 с.; Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социс. Социологические исследования. 2010. №1. С. 28-36.

¹⁵⁸ Кемалова Л.И. Маргинальность общества переходного периода // Поколения в истории: ритмы духовности / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. С. 44.

¹⁵⁹ Полтораднева Е.В., Куруленко Э.А. Особенности социокультурной идентификации подростков в современном российском обществе // Электронная версия журнала «Вестник Самарского государственного университета». 2001. №3. Режим доступа: <http://ssu.samara.ru/vestnik/est>.

российское общество с его социальными ценностями облегчает культурное самоопределение молодежи, предоставляя широкий простор для построения молодыми людьми собственной социокультурной идентичности и даже формирования новых социальных ценностей; а с точки зрения других ученых (Н.В. Рыбалкина)¹⁶⁰, перенасыщенность современной социокультурной среды множеством образцов и стилей для социокультурной самоидентификации рассматривается в качестве «экстремальных условий для реального самоопределения» молодежи.

Вместе с тем нам представляется, что в социокультурном плане не менее важен тот факт, что молодежь сегодня связывает ожидаемые перемены в жизни общества, вызываемые новой технологической реальностью, непосредственно с собственной социокультурной самореализацией нового типа. Здесь есть два важных момента.

С одной стороны, мы наблюдаем традиционный «прометеевский эгоизм» молодежи в ее противостоянии устоявшимся общественным тенденциям и аспектам государственной политики, который базируется, по мнению К.С. Курганского, «на социокультурном понимании молодости как процессе перехода от детства к взрослости, от зависимости – к независимости, от безответственности – к ответственности»¹⁶¹. И в наши дни, как мы видим, ей по-прежнему присуща во многом кажущаяся оригинальной собственная стилистика поведения; интерпретация социокультурных норм и ценностей; восприимчивость к информации, способность ее быстрой переработки и усвоения. С другой стороны, важно уточнить, что из себя представляет тот новый тип ее социокультурной социализации, который сегодня уже имеет выраженную специфику.

Первая особенность молодежной социализации нового типа связана с тем, что социокультурные изменения в условиях новой технологической

¹⁶⁰ Рыбалкина Н.В. Проблема самоопределения и модальная педагогика. Ситуация тоталитарного и постмодернистического общества. Объективная невозможность самоопределения. 2005. Режим доступа: <http://two.cityline.ru/idcriast/shgo/ribalkina>.

¹⁶¹ Курганский К.С. Генезис и метаморфозы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. С. 18.

реальности, а также манипуляции средств массовой коммуникации оказывают во многом провокативное действие на молодежь, что во многом выражается в таких молодежных социокультурных характеристиках, как максимализм, достаточно скептическое отношение к каким бы то ни было авторитетам, бунтарский характер поведения и т.д.

Нам представляется, что именно следствием этого является другая сложившаяся на сегодняшний день особенность «молодежного социокультурного типа» - не только поиск молодыми людьми собственной социокультурной идентичности в условиях формирования социальных ценностей (как объективно формируемых современной социокультурной ситуацией в рамках новой технологической реальности, так и целенаправленно навязываемых масс-медиа), но и стремление непременно придать миру эти «социально-ценностные очертания». Добавим, очертания не только конструктивные, но и зачастую нереалистичные и даже парадоксальные. Потенциал такого «похода против существующей цивилизации» отчетливо демонстрируют массовые акции от имени «молодого поколения планеты» (например, концепт Греты Тунберг и ряд других «зеленых» проектов).

Третья особенность молодежной социокультурной самореализации нового типа - ориентированность на быстрый взлет по карьерной лестнице и рост доходов, сосредоточение в этой плоскости всех жизненных устремлений и усилий и, как следствие, «отложенная жизнь»: сдвиг на более поздний возраст таких важнейших жизненных проектов, как «семейный» и «детский», перенос личной жизни как таковой (любви, дружбы, хобби) на второй план, что только усиливает социальную неадаптивность, которая, как ни странно, способна серьезно помешать желанному карьерному взлету.¹⁶²

Еще одна характеристика социализации нового типа, которую можно выделить, учитывая социально-групповые особенности молодежи – новый

¹⁶² Стрункина Т.С., Шмелева Е.А. Конструирование понятия социокультурных потребностей личности // Международный студенческий научный вестник. 2015. №5 (2). С. 241.

«социокультурный механизм» самоорганизации как типа жизнедеятельности.¹⁶³ Идеалообразование как форма самоорганизации перешло у современной российской молодежи от продуцирования персонифицированных «героев времени» и образцов поведения (из религии, истории, художественной литературы) к обобщенным образам, отражающим не столько духовные основы, сколько материальные символы и модные поведенческие тренды. Что само по себе, уже ближе к специфически западному нормообразованию, чем к характерному для российской ментальности идеалообразованию. Причем темпы социодинамических сдвигов в этом «слое» самоорганизации особенно высокие – по данным различных социологических исследований, еще десять лет назад такими обобщенными образами были, например, «интеллигент» и «интеллектуал»; пять лет назад – «креатор» и «рокер»; а сегодня это уже «блогер», «хипстер» и так далее.

Идеалы, как известно, продуцируются в мировоззренческой и духовно-нравственной сфере. Замена ментального процесса идеалообразования на заимствованное, как модный тренд, «потребительское нормообразование» с необходимостью приводит к размытости мировоззренческой основы у молодого поколения. Здесь, к примеру, лежат корни безразличия к национальным и государственным символам, что в потребительской модели поведения вкупе со стремлением повысить собственные доходы продуцирует активную массу людей, готовых за деньги на любое игровое, бытовое или политическое шоу. Следствием этого, например, является тот факт, что добровольчество в России как средство решения общественных проблем значительно уступает в массовости среди молодежи такой разновидности бесплатно оказываемых услуг как волонтерство на крупных спортивных или фестивальных мероприятиях. Бескорыстие здесь условное: такие статусные мероприятия ассоциируются у молодых людей с престижностью участия,

¹⁶³ Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н. Ростовской Т.К., д.с.н. Зубок Ю.А. М.: Экон-информ, 2019. С. 16.

возможностями интересного общения или дальнейшего карьерного роста. Свою лепту в затруднение «передачи социокультурных кодов» вносит и особая социокультурная отстраненность молодых людей, формирующаяся на основе сильной зависимости от технологий и научно-технических факторов.¹⁶⁴

На фоне радикального изменения идеалообразования менее очевидными выглядят трансформации таких форм самоорганизации как лидерство, объединение на основе общих групповых интересов и некоторые другие; тем не менее, эти изменения есть.

В любом случае можно утверждать, что в условиях новой технологической реальности социальные ценности молодежи отражают, прежде всего, социокультурную реальность и социокультурные потребности самой молодежи. Все это мы понимаем, прежде всего, в качестве единого культурогенетического процесса, затрагивающего социальный микроуровень и приводящего к изменениям культурной идентичности. Многие социальные ценности в молодежной среде, как считает Л.Г. Ионин, «сначала появляются на уровне формального подражания, а затем постепенно входят в социокультурную жизнь молодежи и, таким образом, в молодежную культуру»¹⁶⁵. Заметим, что во многом это происходит в зависимости от социокультурной реальности, влияющей (как мы говорили выше) на социальные ценности молодежи, и при которой, по мнению Н.В. Тишуниной, «глобальное воздействует через локальную культурную специфику, благодаря чему локальное укрепляется, но через соединение с глобальным, то есть из основания превращается в маркер»¹⁶⁶.

Таким образом, в новой технологической реальности ценностными приоритетами в молодежной среде становятся мобильность, креативность и, по выражению некоторых исследователей, «глобальная коммуникация»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Матуров И.З. Молодежь как социокультурный феномен // Вестник НЦБЖД. 2018. №3 (37). С. 29-35.

¹⁶⁵ Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социс. Социологические исследования. 1996. №3. С. 67.

¹⁶⁶ Тишунина Н.В. «Традиционная» и «интеграционная» культура в контексте современных глобализационных процессов // Проблемы самоопределения современной культуры: глобальное, региональное, национальное в современных социокультурных процессах. Сборник научных трудов. СПб.: Янус. С. 66-70.

¹⁶⁷ Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. С. 32.

Картина мира современного молодого человека во многом становится космополитичной, в ней границы между «своим» и «чужим» условны и «чужое» также «осваивается», тем более все зарубежное, как правило, традиционно связывается в молодежной культуре с высокими стандартами («там хорошо, где нас нет»). Отсюда многие социальные ценности, становящиеся новыми для российской молодежной культуры, заимствуются извне (прежде всего, из западной культуры). Следовательно, одной из тенденций в формировании социальных ценностей российской молодежной культуры можно назвать «вестернизацию». Вместе с тем возникает логичный вопрос: как проявляется при этом в молодежной культуре патриотизм как ценность? Можно предположить, что он проявляется, прежде всего, на уровне различных отношений в молодежной культуре к отечественной истории, перспективам исторического развития и «привязанности» к историческому наследию своей страны. Реальное содержание ценности патриотизма (как и других ценностей) мы уточним во второй главе, анализируя итоги эмпирического исследования.

В условиях новой технологической реальности молодежная картина окружающей действительности формируется под влиянием Интернета и, прежде всего, социальных сетей, ведь молодежь сегодня, по сути, «окутана» сетями Интернета, гаджетов, различной техники, при этом постоянное использование молодыми людьми различных гаджетов является существенным фактором современной молодежной культуры и, таким образом, оказывает влияние на позиционирование молодым человеком себя в социальной структуре путем постоянной и непрерывной включенности в различные коммуникативные процессы. Заметим, что в современном социуме молодые люди очень часто испытывают категорическую нехватку времени при том, что время у них во многом и забирают современные коммуникации и технологии, а так называемая «виртуализация» постоянного присутствия (не физического, а воображаемого, посредством информационных технологий) приводит к

изменению социокультурных ценностей молодежи в сфере общения и взаимоотношений.

Учитывая это воздействие, структурируем современную молодежную культуру по критерию степени интеграции молодежи в глобальное технологическое пространство. По этому критерию, предложенному Т.В. Земрах, можно выделить молодежь, «ориентированную на глобальную сеть обмена информацией; активных молодых пользователей сетевых информационных каналов; пассивных молодых потребителей глобального информационного продукта; а также, пусть и достаточно небольшую, часть молодых людей, отчужденных от глобального информационного потребления»¹⁶⁸.

Здесь следует заметить, что с учетом современных российских реалий молодежь формирует образ жизни, в основе которого лежит использование различных технологических новшеств, что «в значительной степени востребует от человека такие качества, как целеполагание, творческое мышление, импровизацию»¹⁶⁹.

В свете этого интересен анализ результатов различных мониторингов потребителей игровой компьютерной культуры среди молодых людей, проведенный Е.Л. Болескиной, которая отмечает, что молодые люди активно осваивают все технологические новшества и считает, что вполне справедливо отнести современную молодежь к «новому поколению»¹⁷⁰.

Также вызывает интерес исследование О.Н. Вершинской, в котором она указывает на последствия активного развития средств коммуникации: «исчезновение границ между рабочим и свободным временем, все большее сокращение личного пространства из-за «вторжения» в него общественной жизни»¹⁷¹ через информационные технологии и пр. В подобных условиях

¹⁶⁸ Земрах Т.В. Базовые ценности современной молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 94.

¹⁶⁹ Суртаев В.Я. Молодежь и культура. СПб., 1999. С. 162.

¹⁷⁰ Болескина Е.Л. Потребители игровой компьютерной культуры // Социс. Социологические исследования. 2000. №9. С. 83-85.

¹⁷¹ Вершинская О.Н. Информационно-коммуникационные технологии и общество. М.: Наука, 2007. С. 8.

социокультурное самоопределение молодого человека оказывается связанным не столько с отождествлением себя с общностью, сколько с определением своей личной уникальности. Это и обосновывает, например, во многом формальное отношение современной российской молодежи к институту образования и институту семьи (о чем мы скажем подробнее чуть позже и что подтверждают различные исследования¹⁷²), а также возрастание роли масс-медиа в процессе социализации, социокультурной самоидентификации и инкультурации молодежи.

Вместе с тем постоянное потребление чего-то нового (к чему молодежь быстро привыкает) исключает потребность в самостоятельном создании этого нового, поэтому, например, одной из молодежных тенденций становится комбинирование уже имеющегося вместо создания нового, то есть техническая, а не творческая работа. Как отмечает Жак Сегела, «нынешние взрослые привыкли к содержанию, слову, которые взаимодополняются в едином сюжете. Молодежь же разрушила этот язык... Они выражают себя в клипах, кратких сообщениях, заметках»¹⁷³.

Таким образом, можно утверждать, что тенденции к заимствованию и смысловой несвязности во многом выступают характеристиками состояния современной молодежной культуры, адекватного новой технологической реальности.

Исходя из иерархии социальных ценностей (ценности базовые/общественные/индивидуальные) ученые отмечают усиление в российской молодежной культуре ценности самой жизни¹⁷⁴. При этом (вспомним «культуру желаемого настоящего», о которой мы говорили в предыдущем параграфе) в случае несоответствия жизни той реальности, которая оказывается сформированной в самой молодежной культуре, жизнь

¹⁷² Давидова М.А. Влияние медиа потребительского общества на деструктивный индивидуализм в молодежной среде // Потребление как коммуникация: Материалы 5 международной конференции, 26-27 июня 2009 г. / под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 65-68.; Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья (Социологическое исследование). СПб.: Наука, 2003. 368 с.

¹⁷³ Дольто Ф. На стороне подростка. СПб.: Петербург – XXI век, 1997. С. 162.

¹⁷⁴ Слесарева И.В. Молодежная клубная культура на рубеже XX-XXI веков: аксиологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2008. С. 76.

становится тяжким бременем, от которого современная молодежь «уходит» в иллюзорный виртуальный мир. Особое положение молодежи в условиях тех социальных ценностей, которые проявляются в новой технологической реальности, выражается неким ее пограничным состоянием между детством и взрослостью, то есть сегодня молодость становится неким проходящим (и проходящим) состоянием, но вместе с тем, можно утверждать, что ответственность за собственное развитие ложится сегодня все чаще на плечи самого молодого человека. Во многом это как раз и есть тот новый стимул к индивидуализации и выработке особой социокультурной самоидентичности.

Одной из главнейших социальных ценностей в современной молодежной культуре в условиях новой технологической реальности остается знание. Однако это знание становится, по выражению М. Кастельса, лишь «знанием о применении»¹⁷⁵. В новых условиях у современной российской молодежи по-новому проявляется ценность образования как получения знания. Образование воспринимается в современной молодежной культуре в качестве определенного средства доступа к неким социальным привилегиям. Таким образом, для молодежи более значимым становится сам факт получения образования, а не качество полученных знаний или приобретенная специальность. При этом, заметим, что наиболее развитая в интеллектуальном и образовательном аспекте часть молодежи как раз и становится во многом тем самым источником новых социальных ценностей.

Еще одним проявлением социальных ценностей в российской молодежной культуре, формирующихся в условиях новой технологической реальности, можно назвать внесемейную ориентацию, что объясняется, во-первых, пониманием самой молодежной культуры как «группы сверстников», а во-вторых, внеинституциональным общением в молодежной среде. Как следствие, по данным различных социологических исследований¹⁷⁶,

¹⁷⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 51.

¹⁷⁶ Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социс. Социологические исследования. 2009. №6. С. 125-129.

внесемейная ориентация молодежной культуры, утрата семейных ценностей и, таким образом, фактическая трансформация семьи в иные (современные) формы, адекватные новой реальности. При этом по данным этих же социологических исследований семейные ценности входят в число базовых ценностей российского социума в целом. Молодежная культура в свою очередь предлагает, по сути, те же социальные отношения, что и семья, только на основе общности интересов и стиля жизни. Поэтому в молодежной среде вполне закономерно ослабление традиционных семейных ценностей и замещение их, прежде всего, субкультурными ценностями.

В свете этого особенно актуальной оказывается теория сетевого индивидуализма. «Сетевой индивидуализм – это социальная структура, а не собрание изолированных индивидов. Индивидуумы строят свои сети, основываясь на своих интересах, ценностях, склонностях и проектах»¹⁷⁷. Такая форма новой социальности, на наш взгляд, вполне применима в отношении российской молодежной культуры.

В условиях новой технологической реальности в молодежной культуре возрастает ценность досуга и активного его проведения. При этом современные социокультурные практики молодежного досуга (см. данные социологических замеров ВЦИОМ, о которых мы упоминали ранее) оказывает существенное влияние на формирование в молодежной культуре такой социальной ценности, как гедонизм, «высшим принципом которого является принцип удовольствия, наслаждения, выступающий побудительным мотивом и целью поведения»¹⁷⁸. Во многом гедонистический характер современной молодежной культуры провоцирует доминирование в молодежной среде потребительских ориентаций над креативными, творческими и созидательными.

Несмотря на общую гуманизацию современной социальной среды в сферу молодежных повседневных отношений сегодня все больше проникает

¹⁷⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2014. С. 157.

¹⁷⁸ Бобахо В.А., Левикова С.И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 59.

тенденция коммерциализации, что требует, прежде всего, значительных материальных затрат для, например, проведения досуга. При этом заметим, что одна из особенностей современной молодежной культуры в том, что ценность денег не возрастает, а даже наоборот уменьшается. Деньги рассматриваются молодыми людьми только лишь в качестве средства удовлетворения своих потребностей, в том числе и социокультурных. Если появляются деньги, они спешат скорее их потратить, что нельзя назвать расточительностью или безответственностью. Это явление, скорее всего, следует рассматривать с позиции сложившейся визуальной культуры и культуры потребления, то есть символического потребления.

Таким образом, мы можем утверждать, что в российской молодежной культуре наметились существенные изменения социальных ценностей, адекватные новой технологической реальности. При этом, как мы видим, складывающаяся картина новых социальных ценностей во многом представляет собой, по выражению Н.И. Лапина, «единство противоположных ценностей»¹⁷⁹, находящихся на различных стадиях институционализации. Молодежь, дистанцируясь от признания в качестве доминирующих традиционных ценностей, строит свою позицию на некой «корректировке» ценностей и восприятию их во многом по-новому, исходя, прежде всего, из своей картины мира и своего стиля жизни, в свою очередь выстроенных под влиянием новой технологической реальности.

Рассмотрев ценностную составляющую российской молодежной культуры, вернемся к нашему предположению, что молодежь, стремясь к переменам, быстрее других отрицает старые и осваивает новые, но именно технологии (то есть определенный цивилизационный уклад), а не культуру вообще с ее этно-социальным укладом, и приведем суждение американского философа Элвина Тоффлера¹⁸⁰ о том, что специфика технологизации (или в

¹⁷⁹ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. Социологические исследования. 1996. №5. С. 11.

¹⁸⁰ Тоффлер Э. Футурошок / пер. с англ.: Е. Руднева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, И. Москвина-Тарханова, А. Микиша, А. Мирер, В.Кулагина-Ярцева, Н. Хмелик, Е. Комарова. СПб.: Лань, 1997. 461 с.

нашем случае новой технологической реальности) в социокультурном аспекте заключается, прежде всего, в адаптации именно к новым технологиям, а не к новому социокультурному укладу в широком смысле, то есть в формировании умения их (эти технологии) использовать. При этом новая технологическая реальность, напомним, ведет к социокультурным трансформациям, являясь, по сути, новой культурной реальностью.

Вместе с тем, как мы знаем, к примеру, каждое «новое поколение техники и технологий (2-3 года в современном обществе мы наблюдаем моду на одно технологическое новшество) влечет за собой новые технологические возможности, за которыми пытается «угнаться» только молодежь»¹⁸¹, находясь во многом под воздействием современных масс-медиа и «героев» Интернета, которые, по сути, эксплуатируют данный аспект молодежной культуры, приучая молодого человека ценить всякий стиль, обозначенный как новый, и при этом легко расставаться с теми технологическими продуктами, которые еще недавно были также в новинку, при этом не отрицая самой культуры как условия появления новой техники и новых технологий.

В завершении отметим одну интересную деталь: большую роль в мироощущении современной молодежи сегодня играет музыка. Мы видим, что молодежь вокруг нас, как правило, постоянно слушает музыку, пользуясь при этом наушниками. Так возникает новое для российской молодежной культуры явление, получившее в западной научной традиции название «демократия шума»¹⁸², что приводит к тому, что молодой человек, практически не имея достаточных промежутков тишины, не может сосредоточиться и додумать до конца какую-либо связную мысль. При этом, учитывая, что молодежи сегодня и так достаточно сложно ориентироваться в окружающей действительности в условиях изменения системы ценностей, это становится, таким образом, важнейшим фактором ее незащитности в отношении формирования мифологических конструктов, воспринимаемых практически

¹⁸¹ Мясоутов О.В. Молодежная культура как культурологический феномен // ARTE: научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. 2019. №1. С. 35-43.

¹⁸² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с.

непроизвольно в виде фрагментов реальности, выхватываемых воспринимающим субъектом (молодым человеком) из огромного информационного потока.

В целом, все это приводит к формированию в молодежной культуре мифологических социокультурных образов и смыслов, выявлению и анализу которых будет посвящена вторая глава диссертации.

Таким образом, анализ ценностной системы современной российской молодежной культуры, определение особенностей проявления социальных ценностей и уточнение характера их изменений у современной российской молодежи в условиях новой технологической реальности позволил установить, что ценности имманентно присущи культуре, являясь основой всякой культуры. При этом всякая культура создает свою цивилизацию, а цивилизация в свою очередь создает свою систему ценностей, определяющую направленность деятельности человека и всего социума в рамках данной цивилизации и обеспечивает социальный порядок и стабильность в социуме.

Кроме того, стремительный отказ молодежи от устаревающих технологий и столь же активное освоение ею новых технологических продуктов сегодня не экстраполируется непосредственно на молодежный выбор в области культуры в целом. Традиционное культурное наследие не отвергается ею как некое «устаревшее целое», как можно было бы ожидать: нынешняя молодежная культура, как и культура общества в целом, представляет собой своеобразный дайджест самых разнообразных культурных текстов различных социальных стратов, эпох, цивилизаций и этносов.

И вместе с тем российская молодежная культура в новых условиях изменяется, в том числе в аспекте своих ценностей, а это значит, что новая технологическая реальность неизбежно приводит к изменению и системы ценностей молодежи; формированию новых социальных ценностей. При этом изменения ценностей носят социокультурный характер, что доказывается фактом не только поиска молодыми людьми собственной социокультурной идентичности в условиях формирования новых социальных ценностей, но и

стремлением непременно придать эти новые ценностные очертания окружающей социокультурной действительности. Все это позволяет говорить о «культурном сценарии» социализации современной молодежи: формы социализации современной молодежи в России носят, прежде всего, характер культурных практик. Более того вектор изменений социальных ценностей современной российской молодежи в последние десятилетия по преимуществу социокультурный.

Вместе с тем «главной проблемой остается мониторинг молодежных культурных смыслов, изучение факторов, которые реально влияют и на уровень духовности молодых людей, и на присвоение ими культурных традиций и новых социальных ценностей. Среди таких факторов отметим семейные традиции, ценности молодежных групп, личные контакты»¹⁸³, средства массовой коммуникации, образовательно-коммуникативный процесс в вузе и др. «Внутри молодежной культуры сегодня идет активный процесс трансформации полученных извне образов и фактов в инварианты заимствуемых моделей и смыслов путем преобразования действительности с учетом новой технологической реальности и новых социальных ценностей. Сама эта новая «среда обитания» молодежных смыслов активно содействует такой трансформации: в виртуальной реальности смысловые конструкты распространяются существенно проще, практически не встречая сопротивления»¹⁸⁴.

В рамках диссертации мы представляем эмпирическое исследование, в ходе которого попытаемся ответить на вопрос: действительно ли в условиях новой технологической реальности затруднен процесс социокультурной самоидентификации молодежи, а изменение привычной социокультурной картины мира приводит к более яркому выявлению ее политико-мифологических оснований? Нам также показалось продуктивным проверить эмпирически с использованием качественных методов исследования

¹⁸³ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

¹⁸⁴ Там же.

утверждение В.С. Полосина, высказанное им в конце XX века, о том, что «приобретение молодежью субъектности в социокультурном процессе связано именно с восстановлением политического мифа как одного из основных государствообразующих факторов, причем основным методом национальной идентификации является обращение общественного сознания на национальный миф»¹⁸⁵.

Поэтому в следующей главе мы рассмотрим основные культурологические аспекты политического мифа, а также через вычленение ведущих смыслов бытующего в современной российской молодежной культуре политического мифа выявим его содержание (на материале эмпирического исследования, проведенного в Красноярске) и определим его роль в формировании ценностей в сфере политики у современной молодежи.

¹⁸⁵ Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1998. С. 83.

2 Политический миф и российская молодежная культура

2.1 Содержание политического мифа в культуре: рациональное, сакральное, этническое, идеологическое

В условиях новой технологической реальности молодежная социализация нового типа (как мы выяснили в предыдущей главе) сопровождается формированием мифологических конструктов, образов и смыслов в молодежной культуре, то есть усвоением того или иного мифа. Основываясь на нашем изначальном предположении, что в интересующем нас в рамках исследования политическом мифе в современной молодежной культуре наиболее ярко представлена именно культурная доминанта, и учитывая, что в научных исследованиях сегодня практически отсутствует культурологический анализ содержания политического мифа (при том, что феномен культурного мифа вообще является объектом многих научных исследований¹⁸⁶), в настоящей диссертации мы представляем анализ культурных оснований (или культурного «фундамента») содержания политического мифа через различные аспекты его бытования и проявления в культуре современного общества.

Перед тем, как перейти к содержанию непосредственно политического мифа как предмета нашего исследования, немного углубимся в проблематику мифа в культуре вообще.

Определение мифа с самых древних времен включало в себя аллегорические образы и символы, посредством которых отображается реальность. В целом понимание культурного мифа в философии и

¹⁸⁶ Антипов Г.А., Донских О.А. Миф и мифологическое в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. №54. С. 39-50.; Балабалина Т.А. Современное мифотворчество: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2005. 124 с.; Воеводина Л.Н. Мифотворчество как феномен современной культуры: дис. ... докт. филос. наук. М., 2002. 282 с.; Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М., 2013. 129 с.; Карлова О.А. Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: дис. ... докт. филос. наук. Красноярск, 2001. 310 с.; Малеева М.А. Миф как социокультурный феномен: дис. ... докт. филос. наук. Черкесск, 2005. 163 с.; Петров Н.В. Тимофеев В.Г. Миф как социокультурный феномен // Вестник Чувашского университета. 2010. №4. С. 133-137.; Ставицкий А.В. Миф как способ культурного освоения действительности // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. №1 (14). С. 43.

культурологии строится на основе либо синтагматического смысла (миф как текст), либо парадигматического (миф как система представлений и образов)¹⁸⁷. В рамках нашего исследования мы понимаем миф в качестве знаково-символического образного отражения действительности.

По мнению Б. Малиновского, впервые поставившего вопрос о месте мифа в культуре, «каждая культура обязана своей целостностью и самодостаточностью тому факту, что она служит удовлетворению всего спектра... потребностей»¹⁸⁸, при этом миф как часть культуры, играет свою роль в удовлетворении социокультурных потребностей, сохраняя социокультурные ценности и нормы в социуме посредством интерпретации окружающей действительности.

При этом, согласно теории К.Г. Юнга, миф есть порождение архетипов, структур «коллективного бессознательного», то есть глубин человеческой души. Архетипы универсальны. Социокультурные проблемы оживляют бессознательное, выступая в роли катализатора (некоего энергетического импульса). Таким образом, архетипы оживают при появлении соответствующих социокультурных условий, являя миф, который в свою очередь становится проводником культуры в ее борьбе за обуздание, по теории К.Г. Юнга, «хаотических импульсов души»¹⁸⁹.

Культурную матрицу мифологического мышления эксплицировал А.Ф. Лосев, предложив некую «формулу» мифа: «миф есть развернутое магическое имя»¹⁹⁰. При этом заметим, что миф – это не просто «выдумка», а культурный феномен (культурный, потому что смыслообразующий), который изначально не поддается простому анализу. Миф – это не сказка, ведь сказка есть вымысел и осознается как вымысел, увлекая человека мечтой об иной действительности. Миф же отождествляет мечту с реальностью. Сказка – явление уже более

¹⁸⁷ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 28.

¹⁸⁸ Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 9.

¹⁸⁹ Акопян Л.О. Предисловие // К.Г. Юнг о современных мифах / под ред. М.О. Оганесяна. М.: Практика, 1994. С. 3-13.

¹⁹⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 170.

поздней эпохи. Миф – древний феномен. Он не мирится с сомнением. Человек, создавая его, как бы осуществляет свое абсолютное знание истины.

Обобщая вышесказанное, в качестве рабочего определения культурного мифа мы возьмем за основу предложенное авторами монографии «Новое сибирское китаеведение. Мифы и концепты китайской культуры»: культурный миф – это «такой метаобраз реальности, который включает в себя закрепленную в культурной традиции определенную систему объективных эталонов, сложившиеся критерии их отбора, специфику выбора алгоритмов предметной деятельности, отражающие семантику данной культуры»¹⁹¹.

При этом авторы монографии замечают, что «метаобраз» как понятие означает буквально «после образа», напоминая, что «в аристотелевской традиции морфема «мета» выражает смысл обобщения картины мироустройства, фиксации связей и зависимостей, не совпадающих с определенностью отдельных вещей и явлений. Кроме того, метаобраз выступает как система (язык) описания тех или иных образов»¹⁹².

В рамках культурологического подхода к проблематике мифа для нас важно, что «миф как метаобраз реальности включает в себя систему объективных эталонов, закрепленную в культурной традиции и отражающую семантику данной культуры. В этом своем качестве миф обобщает картину мироустройства, фиксирует связи и зависимости с точки зрения смыслов данной культуры»¹⁹³. Заметим, что миф есть не только культурная форма, но и форма познания действительности.

Мифы разных культур и народов, не связанных между собой, имеют фундаментальное сходство и строятся по общим канонам, что исключает заимствования. Но как тогда быть с «многоликостью» мифа, наблюдающейся на протяжении всего исторического и социокультурного развития? Думается,

¹⁹¹ Новое сибирское китаеведение. Мифы и концепты китайской культуры: монография / Н.П. Копцева, О.А. Карлова, Лия Ма [и др.]; науч. ред. Н.П. Копцева, О.А. Карлова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 14.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. С. 26.

что ответ кроется в динамизме мифа и «распыленности» его в культурном контексте.

И тогда, с одной стороны, можно считать вполне обоснованным утверждение о доминировании мифологического восприятия реальности лишь на ранних этапах социокультурного развития человечества. Тем не менее, с другой стороны, можно предположить, что на последующих этапах социокультурного генезиса миф также не сошел с «повестки дня», оставаясь одним из репрезентантов социокультурных ценностей. Миф к знаниям о действительности отношения не имеет, но при этом является необходимым элементом социокультурной реальности, поскольку социокультурные ценности выступают в качестве фактора выбора, а, следовательно, свободы.

Таким образом, можно предположить, что миф существует в культуре с момента возникновения, и, как справедливо определил М. Элиаде, «мифы сохраняют и передают парадигмы – образцы, в подражание им осуществляется вся совокупность действий, за которые человек берет на себя ответственность»¹⁹⁴. Мы видим, что даже в современном обществе значение мифа сохраняется.

Как бы в доказательство этому приведем слова известного немецкого исследователя мифа Курта Хюбнера: «научное «расколдовывание» мира, развивающееся дальше и дальше, создает вместе с тем гнетущее впечатление пустоты и недостатка чего-то. В будущем видится почти неудержимое технологическое развитие, которое может привести, в конце концов, к самоуничтожению человека. Поэтому многие впадают в мифоподобные эрзацрелигии, священные учения или политические доктрины, от которых ждут освобождения»¹⁹⁵.

Таким образом, можно утверждать, что при всей обоснованности «теории рационализма» М. Вебера миф вовсе не исчезает из общественной жизни с изменением типа социальности, он «лишь прячется во мраке, ожидая своего

¹⁹⁴ Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с франц. А.А. Васильева. М.: Ладомир, 2000. С. 30.

¹⁹⁵ Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996. С. 3.

часа»¹⁹⁶ и заявляет о себе как о важнейшей части общественного сознания и бытия.

В качестве «базисного феномена человеческой культуры» миф «проявляется в специфическом качестве общественного сознания, в специфическом типе мышления, а также в специфическом языке описания вечных моделей социального и природного космоса»¹⁹⁷.

Мы можем предположить (исходя из материалов предыдущей главы), что в условиях новой технологической реальности миф в молодежной культуре во многом компенсирует недостаток объективной информации и становится для современной молодежи важнейшим способом восприятия окружающего мира и средством социального ориентирования. Став носителем мифа, молодой человек воспринимает и осмысливает мир с позиции данного объективно-мифологического взгляда на него.

Как уже было отмечено выше, миф не является «выдумкой» и некой интеллектуальной иллюзорной схемой, хотя, безусловно, воспринимается по-разному. Иллюзорность мифа и одновременно его реальность, на наш взгляд, являются проявлением присущей мифу двойственности, которую можно осмыслить только в парадигме «миф – иной миф». Миф для его носителя есть самоочевидная реальность, потому как не требует опытного подтверждения. Таким образом, демифологизация есть не что иное, как переход от взгляда на миф «изнутри» к взгляду «извне».

Окружающая действительность, отображаемая посредством мифа, видится во всех аспектах человеческого восприятия. Отсюда мы понимаем, что миф – это один из способов «мирочувствования», при этом действительность в мифе не обладает социокультурной объективностью. Следовательно, миф имеет свойство расширять свои социокультурные границы.

Реальность, сформированная мифом, отображается через символы (совокупность образа и структуры) как особый семантический мифомир, где в

¹⁹⁶ Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляции. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 384.

¹⁹⁷ Новое сибирское китаеведение. Мифы и концепты китайской культуры: монография / Н.П. Копцева, О.А. Карлова, Лия Ма [и др.]; науч. ред. Н.П. Копцева, О.А. Карлова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 14.

основе лежат смыслы, а не факты. Таким образом, мифологическая интерпретация действительности – это результат пересечения фактов и смыслов, при том, что любой феномен в мифе есть неделимый микрокосм.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что миф есть культурный феномен, который в свою очередь является комплексом фиксированных на уровне архетипов бессознательных стереотипов, определяющих «форму и скорость усвоения тех или иных культурных смыслов и реагирования в пространстве культуры»¹⁹⁸.

Отсюда миф понимается нами в качестве одного из древнейших и глубинных оснований культуры, традиционной и наиболее устойчивой детерминанты, в значительной мере определяющей функционирование и развитие социокультурного пространства и оказывающей постоянное воздействие на важнейшие феномены социальной жизни в процессе социокультурного развития.

Под воздействием культурного мифа все социальные процессы и явления (в том числе и политические) предстают как единая смысловая композиция, создаваемая из фактов действительности и выступающая как способ духовной самоорганизации. В результате такого воздействия рождаются не конкретные факты, но смыслы, чувства, переживания, правда духовного опыта, образно воплощенного всеединства. Так миф позволяет сформировать определенную систему взглядов на мир, при этом не просто воспринимая мир, но переживая его.

Теперь обратимся непосредственно к мифу политическому.

Основы в понимании мифа культурного, используемого при этом в сфере политического, были заложены еще в начале XX века. С тех пор в научной мысли разрабатывалось понимание большого (если не сказать огромного) влияния иррационального, применяемого с рациональными целями в сфере политического. Таким образом, понятие «политический миф» становилось

¹⁹⁸ Давыдов А.И. Миф как культурная установка // Гуманитарные исследования. 2020. №1 (26). С. 10.

одним из дискуссионных в науке и справедливо характеризуемым «по своей природе сущностно оспариваемым понятием»¹⁹⁹.

При этом, когда говорят о политическом мифе, рассматривают его преимущественно с политологической точки зрения и основной массив исследований касается сугубо проблематики мифа в политике. Нас же в политическом мифе интересует тот самый культурный «фундамент», который, на наш взгляд, становится преимущественным и основополагающим в политическом мифе современной молодежной культуры. Но обо всем по порядку.

Основоположником научных исследований в области политического мифа можно считать французского философа начала XX века Жоржа Сореля. В соответствии с его концепцией, политический миф во многом аналогичен религии, являясь плодом воображения и воли. При этом заметим, что сакральное – это всегда культурное и даже глубоко культурное, отсюда и религиозное, ритуализированное имеет в себе, прежде всего, культурную основу. Таким образом, можно предположить, что для Сореля политический миф есть вполне культурный феномен, символически переводящий рациональность на язык масс и во многом активизирующий их общественно-политическую мобилизацию. Как пишет Сорель: «Политический миф – это реализация надежд через действие»²⁰⁰. Общественно-политическая мобилизация, таким образом, становится результатом совокупности образов и воли народа.

Позднее немецкий философ Эрнст Кассирер в своей работе «Философия символических форм» (1922) подчеркивал, что «из всех явлений человеческой культуры миф и религия хуже всего поддаются логическому анализу»²⁰¹. Таким образом, мы видим прямое утверждение, что политический миф – это явление, прежде всего, человеческой культуры. При этом Э. Кассирер отмечал

¹⁹⁹ Ильин М.В. Приключение демократии в Старом и Новом Свете // *Общественные науки и современность*. 1995. №3. С. 73.

²⁰⁰ Сорель Ж. *Размышления о насилии* / пер. с франц. Б. Скуратова, В. Фриче, ред. В. Акулова. М.: Фаланстер, 2013. С. 48.

²⁰¹ Кассирер Э. *Избранное. Опыт о человеке* / пер. с нем. Б. Вимер и др. М.: Гардарики, 1998. С. 524.

двойственный характер политического мифа, что означает, с одной стороны, рождение политического мифа в недрах массового политического сознания и (что особенно важно) при определенных социокультурных условиях; с другой стороны, создание политического мифа в результате целенаправленного конструирования. Позже Э. Кассирер в своем труде «Миф о государстве» (1946) представил политический миф силой, «порождающей подчинение народов политическим вождям и, таким образом, лишаящей личность индивидуальности»²⁰².

Французский философ Ролан Барт в своей работе «Мифологии» (1957) писал о том, что «политический миф превращает историю в идеологию»²⁰³ и носит искусственный характер, а основной функцией его становится «удаление реальности».

К. Флад в работе «Политический миф. Теоретическое исследование» (1996) определил политический миф как «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего»²⁰⁴, при этом являющееся неотъемлемой составляющей любой культуры, во многом и определяя мировоззрение той культуры, в которой бытует. Политический миф принимается в качестве истины, а форма подачи политического мифа совпадает с формой подачи культурного мифа в визуальных образах, коллективных церемониях, художественной литературе и т.д.

В последней четверти XX века теория политического мифа связана в основном с исследованиями французского исследователя Сержа Московичи²⁰⁵. С. Московичи развивает теорию социальных представлений. Массы в политике опираются на поддержку вождя, подчиняя себя авторитетом, а не доводами

²⁰² Cassirer E. The Myth of the State. Middletown: Book Crafters, 2014. 303 p.

²⁰³ Барт Р. Мифологии / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

²⁰⁴ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 43.

²⁰⁵ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с франц. Т.П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.

рассудка, действуя при этом бессознательно, поскольку бессознательное имеет коллективный характер (вспомним теорию Юнга).

Мы видим, что в целом европейская научная мысль XX века определяет политический миф как некую «злую иллюзию» в культуре данного социума, от которой неясно как избавиться. Вместе с тем спорными остаются вопросы генетической связи политического мифа с иными социокультурными явлениями; о времени присутствия и функциях политического мифа в культуре; а также о соотношении политического мифа и культурного мифа.

Совершенно иной подход к политическому мифу мы можем встретить в отечественной научной традиции, в рамках которой имеется достаточный накопленный опыт именно духовного измерения культуры и политики.

Так, очень важной и актуальной для исследования политического мифа является работа русского философа А.Ф. Лосева «Диалектика мифа»²⁰⁶ (1930). Опираясь на теорию Лосева, можно согласиться, что «толкование политического мифа в культуре – это не буквальное его понимание и не механистическое объяснение, а прочтение смысла. Смысл, содержащийся в политическом мифе, как раз и есть культурный смысл событий, предсказанных политическим мифом или описанных им»²⁰⁷.

В отличие от Лосева Н.А. Бердяев в своем труде «Опыт эсхатологической метафизики» (1947) пишет так: «Народы не смогут существовать без мифов, без мифов не может существовать власть и управлять человеческими обществами. Мифы соединяют, покоряют, вдохновляют. Через них охраняется общество и через них делаются революции. Все это фикции, создаваемые в коллективном социальном процессе. Именно сакрализация относительного есть абсолютизация, есть внушение народам, что самые относительные феномены, самые несвященные акты имеют священную санкцию и священный источник»²⁰⁸. Таким образом, мы видим явное противоречие: без политических

²⁰⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

²⁰⁷ Шукшина Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Саранск, 2010. 39 с.

²⁰⁸ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. М.: Республика, 1995. С. 237.

мифов нельзя, но и политические мифы наносят культуре определенный вред. При этом одни политические мифы могут играть полезную социокультурную роль, другие – наносить вред культуре.

Обращаясь к отечественной науке советского периода, мы можем видеть, что политический миф здесь оценивается, как правило, «в качестве иллюзорного знания прошедших эпох»²⁰⁹. В целом несомненное углубление понимания политического мифа и «мифоподобных» элементов в политической мифосемантике сопровождалось односторонним ослаблением интереса к историческим и социокультурным формам отражения политического. Однако эта однобокость, сама по себе неприемлема, она не должна зачеркивать теоретических достижений в понимании политического мифа и его внутренней структуры. Это отчасти подтверждается подходом к проблеме политического мифа в советской науке.

Отношение к политическому мифу в отечественной науке начало изменяться лишь в конце XX века. Связано это не только и не столько с трансформацией политического процесса в стране, сколько с изменением социокультурной среды и ее восприятия участниками социальных процессов.

Отсюда возникает объективная потребность в глубоком анализе политико-мифологических аспектов социального развития. Нам же важно показать, что в основе политического мифа лежит социокультурное, позволяющее более основательно интерпретировать политическое. Наиболее полное представление о содержании политического мифа в культуре в данном случае возможно, на наш взгляд, лишь через исследование рационального, сакрального, этнического и идеологического аспектов его проявления, что и составляет одну из важнейших задач данного параграфа.

Политический миф (как мы видим из анализа приведенных различных теоретических положений) есть «преимущественно символическая модель социума и от его «тиражности» и способности вызывать эмоциональные, духовные состояния, значимые для политического выбора, а также от «игры

²⁰⁹ Кольев А.Н. Политическая мифология (ремифологизация социального опыта). М.: Логос, 2003. С. 40.

символов», усиливающей воздействие на поведение масс в политике, во многом зависит его «вес» в политической системе социума и степень его влияния на общественное политическое сознание»²¹⁰. Как отмечает Д.Н. Михайлов, «миф имеет иррациональный фундамент, укоренен в эмоциональной сфере. Без эмоций не будет сопереживания герою, идентификации с ним. А это главное условие эффективности политического мифа. Он увлекателен, динамичен, образен. В его основе, как правило, лежит страх, избавиться от которого можно только с помощью героя»²¹¹.

Однако, по мнению О.А. Карловой, «сегодня целый ряд исследователей утверждает, что миф обладает своеобразной логикой. Путь поиска рациональных аспектов мифа актуален и плодотворен в той мере, в какой позволяет научно осмыслить феномен мифа, найти новые средства и методы его исследования, ранее не востребованные в связи с его провозглашенной иррациональностью»²¹². Как отмечает исследователь, «мифологию уже невозможно свести ни к локальному философскому понятию, ни тем более к сумме исторических заблуждений человеческого разума. Если полагать, что миф и мифологическое сознание принципиально иррациональны, то проблема конструирования мифов в XX веке представляется совершенно неразрешимой»²¹³.

Во многих научных исследованиях политический миф прямо называется рациональным феноменом, ведь для носителя политической традиции политический миф является высшей ценностью, значительно более реальной, чем окружающая его политическая действительность.

В рамках такого подхода среди современных российских исследований политического мифа необходимо, прежде всего, отметить наиболее полную и фундаментальную работу А.Н. Кольева «Политическая мифология

²¹⁰ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

²¹¹ Михайлов Д.Н. Политическая мифология: проблема определения, структура и функции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. №2. С. 122.

²¹² Карлова О.А. Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: дис. ... докт. филос. наук. Красноярск, 2001. С. 3.

²¹³ Там же. С. 5.

(ремифологизация социального опыта)»²¹⁴ (2003) и разработанную им теорию формирования политического мифа, в основе которой, по мнению автора, лежит расхождение управленческих технологий и этических учений у политической элиты. Автор вводит понятие «человека политического» в качестве потребителя политического мифа как искусственной надстройки, а не органической части культуры.

А.М. Цуладзе определяет политический миф как «миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимации власти, осуществления политического господства»²¹⁵.

В.С. Полосиным политический миф определяется как первичная, цельная и универсальная форма познания политической действительности, в которой «объект созерцается в единстве его внешнего актуального образа и знания о его прошлом, настоящем и будущем»²¹⁶ и «которая продолжает скрытое существование в культуре даже в эпоху расцвета рационализма. Это вызвано, прежде всего, желанием некой постоянной и даже абсолютной стабильности политического бытия. Это желание даже у самого последовательного рационалиста остается, как минимум, в подсознании. Отсюда элементы политического мифа: иррациональные, образные, чувственные представления о всеобщей смысловой цельности политического бытия как условия абсолютной стабильности. Современный рационализм, как это ни странно на первый взгляд, еще более усиливает потребность в политическом мифе, так как для включения в коллективную память новых рациональных знаний их необходимо трансформировать в зрительно узнаваемые политические образы, иначе их не удастся инкорпорировать в существующую культуру.

Признание политического мифа формой познания политической действительности позволяет представить его не только составным элементом любой политической деятельности, но и важнейшим критерием культуры социума. Политический миф в своем пределе упраздняет политическую

²¹⁴ Кольев А.Н. Политическая мифология (ремифологизация социального опыта). М.: Логос, 2003. 384 с.

²¹⁵ Цуладзе А.М. Политическая мифология. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. С. 56.

²¹⁶ Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. С. 40.

реальность и создает вместо нее новую, более совершенную – «политический мифомир». В этом процессе конструирования политического мифомира, на наш взгляд, и закодирована рациональность»²¹⁷, понимаемая нами, в соответствии с концепцией А.И. Ракитова, как «единство стандартов, эталонов, норм поведения, принципов деятельности, правил и ценностных установок, общезначимых для членов социума и транслируемых от поколения к поколению, зафиксированных в языке данного социума и осуществляющих функцию адаптации в социоприродной среде обитания»²¹⁸.

В процессе рационального познания создаются понятия, образы и теории, ориентирующие человека в окружающем мире. Данная цель является одной из важнейших и для политического мифа, обеспечивающего ориентацию человека в окружающем мире политического. При этом, как пишет Е.М. Мелетинский, «миф нарушает законы формальной логики... Логика мифа использует ложное основание... в мифе есть условное безусловно, а безусловность условна»²¹⁹. Однако «внутри мифологической системы существует своя логика, благодаря которой возможно познание и развитие политического мифа. Политический миф изнутри целен и универсален, включая в себя каждый предмет и событие окружающей политической реальности. Каждый элемент политического мифа имеет закономерные причины и предсказуемые последствия. Следовательно, структура политического мифа и характер его внутренних связей может трактоваться с позиций рационального, как соответствующего принятым в социуме правилам, предполагающего особого рода диалектику политического мифомира»²²⁰ и доступного для понимания как с аксиологической, так и с функциональной точки зрения.

Таким образом, рациональность политического мифа объясняется с точки зрения всеобщей диалектики политического мифа. Политическому мифу

²¹⁷ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

²¹⁸ Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.

²¹⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 142.

²²⁰ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

присущи упорядоченность, сложность, организованность, системность, всеобщая связь явлений, что выступает в качестве стандарта рациональности. Рациональное в мифе (в том числе в политическом) может обладать как регламентирующими культурными смыслами, так и собственно актуальными политическими смыслами. В политическом мифе точно так же, как в древнем мифе, работает, например, бинарная система оценки типа «свой- чужой».

До недавнего времени в отечественной научной традиции и в некоторых зарубежных источниках феномен мифа трактовался в качестве понятия, во многом тождественного религии. Отметим, что миф с архаических времен остается генетически наиболее близким именно к религии, взаимодействуя с ней в процессе социокультурного развития.

По утверждению В.С. Полосина²²¹, религиозность политического мифа проявляется, прежде всего, в партийных и личностных культурах и выражается, например, в идеологии технократизма и общества потребления. Заметим, что религия как социокультурный феномен невозможна без мифа, но миф существует и вне религии, ведь политический миф вполне игнорирует и даже отрицает понятие Бога. При этом мы можем наблюдать в нем присутствие специфически понятого абсолюта. Следовательно, предположим, что политический мифомир религиозен постольку, поскольку каждый факт он связывает с сакральностью своего представления об абсолюте и, таким образом, имеет прямое отношение к культу, поклонению основным идеалам и, следовательно, к культуре вообще, ведь «религия начинается именно там, где складывается система сакрализации особо ценных идеалов»²²² и проявляется вера. Вместе с тем Д.В. Пивоваров отмечает, что «почти все люди веруют в какое-нибудь абсолютное первоначало и, следовательно, являются либо верующими в Бога, либо верующими в материю-субстанцию, либо верующими во всеобщие законы природы и т.д.»²²³.

²²¹ Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.

²²² Пивоваров Д.В. Идея Бога в философии религии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2012. 178 с.

²²³ Там же. С. 4.

Таким образом, религия есть категория, одновременно обращенная к трансцендентальному и при этом оказывающая зримое влияние на социокультурное пространство. Можно утверждать, что религия во многом «дополняет эмоционально-чувственные образы политического мифа. Предлагаемая политическим мифом система ценностей корректируется этическим компонентом, имеющим природу сакрального. Религия наряду с политическим мифом активно участвует в процессе легитимации существующей политической действительности и действующих в ее рамках политических отношений. В религии же, будучи дополненными теологической аргументацией, находят свое отражение реализованные в политическом мифе функции интеграции социума и противопоставления его инокультурным сообществам»²²⁴.

При этом, как замечает М.Ю. Смирнов, «политический миф воспринимает религию магически, рассматривая ее как инструмент решения проблем существования человека и общества»²²⁵. Так, к примеру, многообразие сакральных персонажей политического мифа хоть и отрицается внешне некоторыми религиями, но скрыто присутствует в виде культов многочисленных святых.

Также примером взаимного проникновения политического мифа и религии в условиях новой технологической реальности может служить современное отечественное православие, представляющее собой неоднородное образование, внутри которого, как отмечает Н.А.Митрохин, «можно выделить канонический и мифологический уровни реализации религиозных отношений. Данные уровни различаются по способу мировосприятия, формам религиозной деятельности и системе значений, сопровождающих используемые верующими

²²⁴ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

²²⁵ Смирнов М.Ю. Социокультурное бытие религии в ракурсе философии мифа // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 276-281.

образы и понятия»²²⁶. При этом, по мнению ученого, в современном российском социокультурном пространстве количество приверженцев мифологического восприятия православия опережает число носителей канонического восприятия.

Вместе с тем «религия как форма общественного сознания неспособна самостоятельно сформировать политическую программу и, следовательно, независимый от иных факторов политический миф. И даже, если мы говорим о политизации религии, то лишь в случае использования политических средств в религиозных целях, а не наоборот»²²⁷. Как замечает С.В.Рязанова²²⁸, религиозные движения нового типа, в основе которых лежат неорелигиозные учения, получающие распространение именно в современной молодежной культуре и включающие в себя политико-мифологическое стремление к регулированию социальных отношений, религиозные представления о сакральном и набор светских ценностей. Таким образом, подобные движения представляют собой социокультурные феномены, активно проникающие в молодежную культуру и относящиеся не только к пространству веры, но и активно действующие в различных сферах политического пространства.

Таким образом, мы можем сказать, что в российской молодежной культуре «конструирование собственного отношения к сакральному происходит сегодня в гораздо меньшей степени под влиянием религиозных канонов и требований, нежели под воздействием политического мифа. При этом конструируемые политико-мифологические образы внедряются в молодежную культуру, сочетаясь в той или иной мере с религиозными положениями и установками»²²⁹.

Рассмотрение сакрального компонента в содержании политического мифа в молодежной культуре актуализирует не только анализ религиозности

²²⁶ Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 650 с.

²²⁷ Пивоваров Д.В. Философия религии. Праксеология религии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. 474 с.

²²⁸ Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2009. 238 с.

²²⁹ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

политических мифов, но и исследование их национальной традиционности и ментальности через изучение этнического и идеологического аспектов политического мифа в культуре.

Говоря о содержании политического мифа в культуре, мы имеем в виду, в том числе и национально-мифологическую форму национальной культуры. Обобщение смыслоносущих аспектов национального самосознания в культуре выражается, прежде всего, в национальной идее, которая представляет собой совокупность национального самосознания и политического мифа. Для бытования национальной идеи естественна генетическая устойчивость политического мифа. Отсюда политический миф является одним из способов национальной самоидентификации нации в мире. Дополняя политический мифомир представлением о том, «кто мы?», национальный политический миф всегда ставит вопрос о будущем: «куда мы идем?». Для этого выстраивается общий исторический сюжет, наполненный политическими мифами по поводу национального прошлого, настоящего и будущего. В этом историческом сюжете, безусловно, формируется «образ врага», причем как внутреннего, так и внешнего, а политический миф непосредственно участвует в его дискредитации, с одной стороны, и в утверждении национальной полноценности носителей политического мифа, с другой стороны.

Как отмечает В.С. Полосин, «мифология нации – это иносказательный образ ее нравственного идеала, ее «крови» и «почвы», это аллегорическая автобиография нации»²³⁰. Отсюда национальный политический миф включает в себя, прежде всего, архетип Великой Родины-Матери – тот образ, символизирующий происхождение и предназначение народа, посредством которого каждый индивид видит себя члена макросемьи со своим собственным назначением в истории; коллективный социокультурный опыт народа, то есть реальную историю социальных групп, образующих вместе единую макросемью в конкретном историко-географическом пространстве; систему иносказательных образов – тот самый политический миф, символика которого

²³⁰ Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1998. С. 94.

позволяет «раскодировать» мифологизированный коллективный опыт («должное») и соотносить с ним «желаемое» народом. В этом и заключается синтез национально-политического мифа.

В современной российской культуре исследователями выделяется три модели политического мифа с точки зрения этнического компонента его содержания: советский политический миф, идентифицирующий своего носителя с мифологическим единством «советского народа» и определяющий советский период как «золотой век» союза наций; западнический политический миф, абсолютизирующий цивилизацию европейских государств и Америки как «золотой век» большого западного мира и призывающий Россию стремиться войти в этот мир; русский (имперский) политический миф, относящий «золотой век» к дореволюционному прошлому России и обращающийся к избранничеству русской нации и русской миссионерской идее.

В этой парадигме российской культуры сегодня становятся все более актуальными культурные традиции макрорегионов, например, современная сибирская культурная традиция, выразителем которой может служить политико-мифологическая концепция «Енисейской Сибири» с ее установкой об особом характере (или «гене») енисейских сибиряков.

Французский социолог К. Леви-Стросс²³¹ утверждал, что ничто так не напоминает политический миф, как политическая идеология. Он предполагал, что в современном обществе политическая идеология нередко просто заменяет политический миф. В любом случае политическая идеология является отражением политико-мифологического сознания и идей масс. «При этом политическая идеология не стремится объяснить политическую реальность, она более призвана управлять коллективным политическим сознанием и поведением масс, а в политическом мифе функция замещения политической реальности доминирует настолько, что она в своем пределе стремится к уничтожению этой реальности.

²³¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Однако при всей тождественности понятий политического мифа и политической идеологии эти два феномена не являются идентичными, так как миф политический основывается на мифологическом сознании, эмоционально окрашенном, чувственном представлении о политической действительности, замещающем и вытесняющем реальное представление о ней. Таким образом, политический миф формирует политическое мироощущение, идеологические и психологические установки. Популяризация политических мифов происходит по причине дефицита объективной информации, столкновения с новыми неконтролируемыми явлениями и служит эффективным средством манипуляции массовым сознанием»²³².

Таким образом, политический миф – это не изображение вещей такими, какие они есть и должны быть, но это выражение общей воли. Политический миф есть идея, которая может превратиться в убеждение социальных групп, он всегда явлен через бытие личностное и личное переживание смыслов и включает в себя, по мнению В.С. Полосина, «архетип какой-либо опытной ситуации; содержание конкретного опыта; систему иносказательных образов, которые соотносят желаемое с должным»²³³. Политическая идеология в свою очередь есть сфера идей, представляющих собой теоретическое выражение «чужих» смыслов. Следовательно, политический миф кардинально отличается от политической идеологии.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что особенностью бытования и проявления политического мифа в культуре современного общества является стремление перенести определенную причинную связь в сферу мифических образов, в которой может явиться новая причинная связь и быть перенесена в политическую реальность. Таким образом, политический миф несет в себе своеобразный поиск, действующий в отсутствии полноты исходных данных. При этом культурная задача политического мифа, таким образом, кроется в восстановлении социокультурной картины мира, которая

²³² Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

²³³ Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. С. 193.

разрушается во время социокультурных кризисов. Для выживания политического мифа необходима мифотворческая деятельность, которая, по сути, и является политикой.

Возвращаясь к нашему предположению о том, что в современной молодежной культуре наиболее ярко представлена именно культурная доминанта политического мифа, можно утверждать, что в случае с молодежной культурой культурные смыслы политического мифа уже никак нельзя игнорировать.

В условиях новой технологической реальности в сознании молодежи, во многом благодаря «практике постмодернизма и масскульта, возрастает иррациональная составляющая; мышление, вследствие противоречивого и дезориентирующего воздействия информационного пространства, создаваемого СМИ, теряет способность выделять истину, которая размывается и утрачивает свою ценность»²³⁴. Политический миф становится ведущей чертой политического мышления современного молодого человека, а пребывание его в сфере политических мифов – характерной особенностью.

Таким образом, анализ феномена политического мифа в культуре позволил нам установить, что политический миф проявляется в культуре как сконструированная политическая реальность, как особый способ объяснения политического, в котором из-за нехватки знаний и опыта человек домысливает причины явлений и событий доступными его образу мышления способами.

Вместе с этим в политическом мифе современной молодежной культуры наиболее ярко выражена культурная доминанта, так как миф – изначально культурный феномен, несущий в себе смыслы культуры, а политический миф – это культурный миф, обращенный в сферу политического.

И кроме того, в условиях новой технологической реальности политический миф в современной молодежной культуре компенсирует недостаток объективной информации и становится для молодежи способом

²³⁴ Барт Р. Мифологии / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. С. 213.

восприятия окружающей политической действительности (миф конструирует в молодежной культуре ту самую социокультурную реальность, обращенную в сферу политического и воспринимаемую как объективно данную) и средством социального ориентирования в сфере политического.

Однако, как мы уже говорили в самом начале диссертации, мифотворчество «без берегов» не безобидно, оно действительно может привести молодых людей к потере реальной политической ориентации и к неразличению своих внутренних образов и реалий внешнего мира. Исходя из этого, нам видится очень важным именно культурологический анализ содержания молодежного политического мифа в целом и политического мифа в контексте студенческой культуры в частности с тем, чтобы уточнить, какие конкретно культурные смыслы доминируют в современной молодежной культуре. Этому посвящен следующий параграф нашей работы.

2.2 Ведущие смыслы политического мифа в культуре современного красноярского студенчества

Современная молодежная культура России (как мы выяснили в предыдущих параграфах) характеризуется массовым производством политических мифов, которые становятся средством социального ориентирования молодежи. При этом политический миф в культуре обладает качеством универсальности и достаточно сложной структурой²³⁵. Заметим, что «исторические периоды доминирования определенных политических смыслов (периоды содержательной стабильности мифа) в том или ином обществе рано или поздно сменяются периодами продуктивного мифотворчества. Ученые подчеркивают, что трансформации в культуре особенно усиливаются на рубеже столетий. Что же касается рубежа третьего тысячелетия, который человечество преодолело не так давно, то следует говорить не просто об усилении изменений, а о более радикальном явлении – о смысловой турбулентности политического мифа в современной культуре»²³⁶.

В данном параграфе мы представляем результаты культурологического анализа данных эмпирического исследования, целью которого было выявление ведущих смыслов политического мифа, бытующего в культуре современной красноярской молодежи (на примере студенческой молодежи).

Заметим, что вопрос о существовании специфической студенческой культуры является на сегодняшний день дискуссионным. Под носителями студенческой культуры в рамках нашего исследования понимается студенческая молодежь, регулярно посещающая учебные занятия, имеющая постоянные контакты с такими же студентами внутри студенческого сообщества, а также обладающая определенными социокультурными характеристиками, например, специфическим языком (студенческим сленгом).

²³⁵ Карлова О.А. Миф разумный. М.: Акад. поэзии, 2001. 205 с.

²³⁶ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

Напомним, что основной гипотезой нашего исследования явилось предположение, что политический миф молодежи наполнен, прежде всего, культурологическим содержанием и имеет тот самый культурный «фундамент», о котором мы говорили на протяжении всего нашего исследования.

Для эмпирического исследования особенностей политического мифа в молодежной среде мы привлекли 100 студентов семи ведущих высших учебных заведений Красноярска (от 18 до 24 лет), отобранных методом случайной выборки. Исследование проводилось в феврале-марте 2020 года²³⁷. В исследовании приняли участие студенты Сибирского федерального университета, Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Красноярского государственного аграрного университета, Красноярского государственного медицинского университета им. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, Сибирского государственного института искусств им. Д. Хворостовского, Сибирского юридического института МВД России.

В рамках исследования нами были отобраны методы, которые позволяют вычленивть ведущие смыслы политического мифа, бытующего в красноярской региональной студенческой культуре, и определить их роль в формировании культурной идентичности современной молодежи. Исследование проводилось с использованием комплекса диагностических методов: фокус-группы, групповые интервью, анкетирование. При проведении исследования нами использовался, в том числе мониторинговый инструментарий, теоретически обоснованный и экспериментально подтвержденный методикой Л.Г. Бызова²³⁸.

²³⁷ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.; Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.; Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.

²³⁸ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 54-55.

Как уже говорилось выше, проблематика студенческой культуры сегодня имеет выраженный дискуссионный дискурс: одни исследователи полагают ее частью молодежной культуры (субкультуры); другие настаивают на ее близости по роду деятельности, интересам и социальным ориентациям к культуре интеллигенции; третьи просто отказывают ей в относительно самостоятельном существовании. Рассматривая студенческую культуру в качестве устойчивого социокультурного феномена, мы полагаем, что именно существование в такой специфической «пограничности», именно «двойственность» ее демографических притязаний и интеллектуально-духовного поиска порождают ряд ее особенностей, важных для исследования молодежных культурных смыслов.

Полученные нами в ходе проведения фокус-групп и групповых интервью результаты позволяют говорить, прежде всего, о том, что в содержании красноярской региональной студенческой культуры мы обнаруживаем два вида политического мифа: традиционный политический миф, представленный сакрализованными архетипами, основанными на архаических формах ментальности, и современный политический миф, выражающийся в эмоциональном, чувственном представлении о политической действительности, замещающем и вытесняющем подлинное знание. Все это отражает процессы трансформации в современной молодежной культуре России традиционных политических мифов, среди которых патернализм, авторитаризм, взгляд на роль женщины в политике и т.д., и появление новых политических мифов, среди которых можно назвать наиболее выраженный политический миф об идеальном обществе.

Политическому мифу, бытующему в красноярской региональной студенческой культуре, «присущ как спонтанный, бессознательный характер, так и осознанный, когда политический миф конструируется целенаправленно. Здесь мы имеем в виду деструктивные аспекты влияния политического мифа и использование его в качестве средства манипуляции политическим сознанием студенческой молодежи. Этому во многом способствуют такие факторы, как

большие объемы неконтролируемой информации в сети Интернет; влияние массовой культуры на морально-нравственные ориентиры студенческой молодежи; повышение роли внешних условий для создаваемых политических мифов»²³⁹.

Социокультурное содержание политического мифа об идеальном обществе содержит в себе ряд специфических архетипических образов и сюжетов, оказывающих воздействие на восприятие окружающей политической действительности. Одним из таких образов можно назвать архетип «Правды», которая предстает в качестве совокупности представлений об «Истине» и правильной справедливой жизни. С архетипом «Правды» связан образ «Свободы», которая имманентно заключает в себе «Правду». Образ «Свободы» предстает как совокупность представлений о свободе «от»: угнетения, работы, государства, власти и т.д.

Определение образа идеального общества и отношения к нему в красноярской региональной студенческой культуре в свою очередь позволило нам выявить различные смыслы политического мифа: «о власти; об обществе; о России; о роли личности в развитии страны.

Центральное место среди смыслов политического мифа в культуре современного красноярского студенчества, определяющее сущность его формирования, транслирования и актуализации в молодежной культуре, занимает идентичность как осознание и переживание самотождественности «Я» и в то же время уподобления другим, чувство принадлежности к определенной социальной группе»²⁴⁰.

В красноярской региональной студенческой культуре особое место занимают мифы о специфике российского менталитета. По результатам исследования можно сказать о том, что очень часто (33,8%) красноярская студенческая молодежь формирует эмоционально-негативные образы России. Основное смысловое содержание данного политического мифа строится на

²³⁹ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

²⁴⁰ Там же.

различных жалобах и указаниях о низком уровне жизни и низком уровне свободы. В соответствии с этим второе место по популярности (20,6%) занимает амбивалентное отношение к России; на третьем – смыслы, отражающие любовь к Родине (14,7%) и образ России как великой державы (также 14,7%).

Следующими по выраженности смыслами можно назвать противопоставляющие отношение к России как к стране, к Родине и отношение к государству (7,4%), а также подчеркивающие уникальность России и ее отличие от других стран (6,4%). Уникальность России объясняется, в том числе и особенностями национальной культуры с ее самобытностью и оригинальностью. Здесь мы можем говорить о «конструктивном влиянии политического мифа о России, функцией которого становится стремление внести в молодежную культуру черты идеального общества, подчеркнуть самобытные качества национального характера.

Деструктивное влияние политического мифа о России проявилось в нашем исследовании через отношение красноярской студенческой молодежи в целом к образу идеального общества в России»²⁴¹. Исследование показало, что красноярское студенчество очень восприимчиво к т.н. «черным политическим мифам о России»²⁴². «К их числу относятся мифы о том, что Россия не способна решать задачи развития и управления страной, мифы о «дураках и дорогах», бюрократизме, равнодушии и т.д.»²⁴³.

Представления красноярской студенческой молодежи об образе идеального общества в России тесно переплетаются с представлениями о характере российского народа, что является, по сути, ключевым моментом в политическом мифе о России. В этом проявляется противоречивость политического мифа красноярской студенческой молодежи, которая приписывает российскому народу во многом разноплановые характеристики.

²⁴¹ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

²⁴² Мединский В.Р. Мифы о России. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 560 с.

²⁴³ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

Например, открытость в общении, гостеприимность и доброта упоминаются наряду с конфликтностью, недоверчивостью и закрытостью. Россиянам приписываются одновременно смекалка, ум и недостаток умственного развития или образования; упорство и лень.

Заметим, что «одним из ведущих смыслов политического мифа в красноярской региональной студенческой культуре является отношение народа и власти. Необходимо отметить, что в культуре красноярского студенчества российскому народу приписываются и патернализм, с одной стороны, и, одновременно, привычка постоянно ругать власть, с другой стороны»²⁴⁴.

Максимально «окультуренными» оказались и ответы студентов на вопрос об оппозиции «свой-чужой» («мы-они»), в которых актуальная политическая повестка ушла на второй план или просто не учитывалась. Респонденты высказали свои представления о типичном россияnine. Это русский, но не в этническом, а именно в культурно-цивилизационном смысле.

Образ «другого» в красноярской региональной студенческой культуре выражен более «пестро» и по этнорелигиозному принципу: он включает в себя несистемные политические мифологемы, описывающие разные расовые признаки, иную религиозную принадлежность и даже агрессивный атеизм. Эти образы характеризуются разной степенью случайности и являются, на наш взгляд, следствием действия защитных механизмов опять же в культурном мифе, а не в актуальном политическом аспекте. А вот такие смысловые конструкты, как «фашист», «укрофашист», «бандеровец», «правый сектор», «войска НАТО» вызывают у студентов единодушное и устойчивое отторжение: но и тут «ментальная реакция» молодых красноярцев оказалась сильнее потребности в критическом анализе конкретной политической ситуации.

Заметим при этом, что транслируемые сегодня с Запада «отрицательные знаки» - тоталитаризм, закрытость, отверженность, терроризм – взяты именно из молодежного дискурса, то есть молодежных ценностей и «бинарной

²⁴⁴ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

знаковой системы» описания мира (тоталитаризм-демократия, открытость-закрытость, успешность-отверженность, защищенность-террор). В то же время на дискуссионных площадках российских телеканалов молодежный дискурс, как правило, отсутствует, что, на наш взгляд, является одной из причин недоверия студентов к российским информационным источникам и оценкам старшего поколения. Так, несмотря на в основном убедительную для россиян информационную картину международного противостояния США (Западный мир) – Россия, образ Соединенных Штатов Америки как «стратегического врага» в молодежной среде имеет только единичное бытование.

По результатам эмпирического исследования в качестве угроз идеальному обществу в России 56% молодых людей называют российские имперские амбиции и взаимные экономические санкции. Среди причин фигурирует «напряжение со стороны России в отношениях с другими странами» и, как следствие, ограничения в экономике. При этом 45% респондентов назвали угрозой международный терроризм, о котором сегодня в официальных источниках говорится мало, а в 10% случаев в качестве угрозы для России вообще назван Китай, что означает либо реальную обеспокоенность стремительным и безудержным его развитием и высокой плотностью населения, либо идеологическую кальку с американских политических мифов (заметим, что социологические замеры проводились до возникновения пандемии коронавируса в мире).

Приведенные особенности мифологизированных представлений современной молодежи показывают, что для молодого человека в условиях новой технологической реальности смыслы бытующего в молодежной культуре политического мифа имеют большое значение. Современная красноярская региональная студенческая культура несет в себе модель идеального общества, сконструированную в политическом сознании самими молодыми людьми. Эта модель идеального общества и воплощается в политическом мифе.

Политический герой в политическом мифе молодежи призван решить неразрешимые проблемы, он не имеет реального прошлого, личной жизни и

человеческих слабостей. Любопытно, что уровень персонификации политических смыслов (которая была так важна, например, в советском идеологическом мифе) у современной молодежи существенно снижается. К таким мифологизированным образам идеальной личности, с точки зрения красноярских студентов, относятся Петр I, Владимир Ленин, Иосиф Сталин. В меньшей степени Екатерина II, Александр II и Владимир Путин. Называемые студентами исторические личности в представлении респондентов есть некие исторически не нагруженные знаки, функция которых в том, что они стояли (стоят) во главе государства в период радикальных изменений и имели (имеют) стремление вывести Россию на принципиально новую позицию в мире. Какова их политическая программа и в какой исторический период они осуществляли свою деятельность молодые люди, как правило, не знают, да это им и не важно. За такой оценкой прослеживается, прежде всего, потребность студентов в современном сильном лидере, что большинство социологов считают устойчивой чертой общероссийской ментальности. Кроме того, все вышесказанное могло бы быть косвенным подтверждением наличия потенциала революционизма в среде студенческой молодежи, если бы не довольно высокое эмоциональное неприятие ряда «правителей-революционеров» - например, Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Бориса Ельцина. При этом ближе всех к образу «идеального политика» оказался Владимир Путин (57%). Таким образом, противоречивость указанного политического выбора отражает противоречивый характер самой молодежной культуры: настроенная скептически студенческая молодежь осознает стремление политиков манипулировать общественным мнением; но, тем не менее, выбирает сильных лидеров.

Как уже было сказано выше, «фокус-группы показали, что образ «Свободы» у респондентов архетипически связан не только с представлениями об отсутствии угнетения, но и с желаемой индивидуальной независимостью от работы, семьи, государства, близкой российскому общинному архетипу «Воли». Как это принято в общинной жизни, и у современных студентов

«стремление к воле» не означает готовность отказаться от помощи этих общественных институтов (общины, государства, семьи, рабочего коллектива) или освобождать их от ответственности за себя самих.

Отвечая на вопросы, как они относятся к свободе, закону, частной собственности, студенты обнаружили характерное для молодежной культуры поверхностное и противоречиво-«гибридное» представление о либерально-демократических ценностях. Так, две трети респондентов высказались за приоритет прав и свобод личности над интересами государства в желаемом «идеальном обществе» (то есть за демократию); при этом более трети студентов считают, что в демократии больше недостатков, чем достоинств. И вообще понятие «демократия» вызывает позитивные эмоции только у половины респондентов»²⁴⁵.

В процессе групповых интервью было выявлено, что среди источников информации красноярские студенты в качестве основных называют Интернет (67,3%), телевидение (45,5%), друзей/однокурсников (31,7%), газеты/журналы (27,9%), близких родственников (22,2%), радио (15,6%), иные источники (5%), при этом ими особо отмечается ведущая роль Интернета и телевидения в получении основной политической информации. Среди Интернет-ресурсов основными источниками политической информации студентами называются Интернет-издания СМИ, блоги и социальные сети. Среди телевизионных каналов в качестве основных источников политической информации красноярское студенчество называет федеральные каналы, среди которых чаще всего «Россия 1» и «Россия 24». Однако высокого уровня доверия ни к одному из источников информации высказано не было. Респонденты считают все источники информации в той или иной степени ангажированными. Для получения более объективной информации, по мнению участников исследования, необходимо анализировать несколько источников и соотносить полученную информацию с собственным представлением. Отдельно

²⁴⁵ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

большинство респондентов отмечало, что распространение в современных СМИ пропагандистской информации вносит дополнительные сложности в интерпретацию политических событий. Отсутствие плюрализма мнений вызывает недоверие к основным средствам массовой информации со стороны студенческой молодежи и переориентирует их в получении информации на социальные сети и межличностное общение.

Такой высокий уровень способности студенческой молодежи к распознаванию технологий, благодаря которым конструируется и функционирует ее собственный политический миф, мог бы быть важнейшим показателем ее политической (да и культурной) идентичности и субъектности. Но то, что в условиях новой технологической реальности студенты исповедуют недоверие по большей части к российским средствам массовой информации и оказываются нечувствительны при распознавании манипуляций со стороны их западных аналогов, заставляет воздержаться от высокой оценки молодежной политической субъектности и предположить (исходя из уже приведенного утверждения В.С. Полосина), что политическая идентичность красноярского студенчества, в ее «направленности на национальный миф», далека от оформленности. Это подтверждается и следующим распределением мнений опрошенных относительно информации, получаемой ими из внешних источников (в первую очередь, из Интернета и телевидения): согласны с информацией – 25,4% респондентов, иногда согласны – 31,2%, никогда не согласны – 4,4%, не смогли определиться с мнением – 39%. Традиционные культурно-политические стереотипы, как уже говорилось, в красноярской региональной студенческой культуре очень распространены: так, 67% студентов согласились с утверждением, что «власть ворует везде и у нас в городе тоже». Между тем на вопрос «Как Вы оцениваете государственную власть в целом?» 65% студентов ответили, что возлагают на нее большие надежды; 59% считают, что все проблемы должно решать государство и в достижении своих целей они будут опираться на него, а не на себя; и только 35% оценили государственную власть в целом негативно.

Факторный анализ показал, что в красноярской региональной студенческой культуре «смысловыми полюсами» выступают «космополитический миф» и «патриотический миф». «Космополитический миф» включает в себя планетарные и глобальные культурные смыслы, отрицание патриотических и консервативных ценностей, стремление к спонтанности мировосприятия. «Патриотический миф» включает в себя мифологемы идентичности, патернализма, экологизма и русской культуры. Он связан с ощущением себя частью национального целого и с проявлением интереса к вечным российским ценностям и традициям»²⁴⁶.

Результаты эмпирического исследования указывают на мозаичный, дискретный характер представления идеального общества в красноярской региональной студенческой культуре.

С точки зрения ориентации на ведущую компоненту политического мифа определились пять групп красноярских студентов: «чистые индивидуалисты» (17% опрошенных), «либеральные демократы» (18%), «социальные оптимисты» (20%), «консерваторы и традиционалисты» (21%); «приверженцы «особого пути» России» (24%).

При этом первые две группы составляют по преимуществу коренные жители больших городов.

Вся эта довольно широкая палитра мнений, существующая в молодежном политическом дискурсе, не находит искомого разнообразия в реальной российской политической жизни. Более привлекательной по оригинальности и парадоксальности утверждений, критической активности и яркой событийности красноярским студентам представляется политическая партия «ЛДПР» – за нее сегодня проголосовали бы 54% опрошенных. 10% выбрали бы «Единую Россию», по 5% - КПРФ и «Справедливую Россию», а 15% поддерживают внесистемную оппозицию. При этом респонденты перечислили следующие политические партии: «Единая Россия» (94%), «ЛДПР» (89%), КПРФ (85%),

²⁴⁶ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

«Справедливая Россия» (46%), «Яблоко» (40%), Партия роста (16%), «Патриоты России» (8%). Культурную опосредованность в отношении политического процесса в стране и даже известную отстраненность студентов от политики демонстрируют две цифры: 12% респондентов вообще не пошли бы на выборы, а 40% уверены, что их голос ничего не решит.

В целом, результаты проведенного эмпирического исследования показывают, что базовые типы политических мифов красноярской региональной студенческой культуры находятся во многом в стадии формирования. В культуре современного красноярского студенчества прослеживается ценностный конфликт, вызванный столкновением индивидуалистических и либерально-демократических ценностей с ценностями консервативного толка. Следовательно, рассмотренные нами политические мифы хоть и обеспечивают групповую интеграцию, но не характерны для всей красноярской студенческой молодежи в целом.

Анкетирование красноярской студенческой молодежи было направлено, в первую очередь, на «выявление уровня информационно-теоретической базы молодых людей как необходимого компонента молодежной культуры. Анализ результатов анкетирования показал, что у современной красноярской студенческой молодежи не существует четкой системы знаний в отношении политической действительности, их представления о политическом размыты, неточны и представляют собой лишь набор некоторых базовых понятий и определений, связанных в большей степени не столько с политическим, сколько с общественным. Бытующие в студенческой культуре политические конструкты хоть и обеспечивают групповую интеграцию, но в целом показывают разнообразие политических представлений, характерное для стадии формирования политического мифа. «Мифологизм» политических представлений доказывается отсутствием четкой системы знаний опрошенных в отношении политической действительности, размытостью и неточностью бытующих в их сознании понятий: только 29% от общего числа респондентов смогли дать более и менее адекватную характеристику политическим понятиям

«демократия», «либерализм», «консерватизм», «социализм», «авторитаризм», «тоталитаризм», «толерантность»²⁴⁷.

Таким образом, можно утверждать, что «большинство смысловых конструкторов политического мифа красноярских студентов базируются не на их политических знаниях или представлениях о реальной политической ситуации и угрозах, а на архетипах и образах молодежной культуры, связанных с представлениями об отношениях личности и власти (государства, общества, России), важнейшим вместилищем которых является молодежный дискурс. Этот дискурс характеризуется ценностной спецификой (в которой преобладает индивидуализм), оригинально-ассоциативным характером суждений, алогизмом и мифологическим генетизмом, а также характерной для культурно-мифологического сознания «бинарной знаковой системой» описания мира. В последней помимо оппозиций «свой-чужой», «тоталитаризм-демократия», «открытость-закрытость», «успешность-отверженность», «защищенность-террор» сегодня актуализировалась оппозиция «США-Россия». Готовность молодых людей верить в «неангажированность» западных СМИ, не задумываясь осуждать большинство российских реформ, возрастающая поддержка ими либерально-демократических преобразований по западному образцу (в большинстве случаев, без глубокого понимания их сути) говорит о значительной «проницаемости» студенческой культуры для внешних влияний, и, следовательно, о низком уровне критического мышления и политической субъектности.

Особенно сильным внешнее влияние оказалось в российской молодежной культуре, где новая технологическая реальность выступает не только как условие особого бытования культурных и политических смыслов, но и как активный агент их формирования. Можно утверждать, что красноярская региональная студенческая культура транслирует представление об «идеальном обществе» (открытом, свободном, всем доступном и успешном), как, образно

²⁴⁷ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

говоря, о своего рода «реальном политическом Интернете». Как мы видим, новая технологическая реальность заявляет свои права на смысловое политическое пространство в молодежной культуре: она транслирует определенные образцы, которые имеют в молодежной среде потенциал желаемого воплощения в политической реальности, во многом задает нормативную культурную базу молодого поколения. Мы находим в студенческой культуре Красноярска проявления своего рода инновационных (связанных с новыми цивилизационными аспектами жизни) культурных смыслов. При этом ситуация такова, что эти инновационные культурные смыслы оказываются довольно тесно связанными с заимствованными инокультурными практиками и установками»²⁴⁸.

В связи с этим характерная для российской традиционной культуры ориентация на социокультурное производство смыслов у студентов сегодня оказалась вытеснена на второй план заимствованной на Западе в предшествующие годы ориентацией на социокультурное потребление смыслов. «Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками»²⁴⁹. В силу этого особую роль в молодежной культуре играют средства массовой коммуникации, массовые инсталляции, перформансы и другие практики современного массового искусства, адекватные знаковой системе новой технологической реальности.

В этом процессе – как в России, так и на Западе, - с необходимостью происходит «дальнейший поиск молодыми людьми новой культурной идентичности и формирование стиля жизни, характерного для новой технологической реальности. И этот поиск, как мы полагаем, наиболее активно ведет студенчество именно в силу своей «культурной двойственности» - демографической и интеллектуально-духовной. Естественно, что в условиях процесса культурной самоидентификации молодых людей важную роль в таком

²⁴⁸ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

²⁴⁹ Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. Д. Краличкина. М.: Рудомино, 1995. С. 214.

поиске играет интерес к «другой культуре» (западной, восточной, африканской и др.), ее известная романтизация и идеализация. Однако нами в ходе исследования неоднократно отмечено, что потребление и «культурная переработка» западных образцов и ценностей происходит у регионального студенчества в основном по законам традиционной российской ментальности (в большей степени – у выходцев из сельской местности, в меньшей – у коренных жителей мегаполиса). Заметим, например, что «потребительская ориентация» студенческой культуры еще более актуализирует в ней характерные для российских традиций патерналистские настроения, уход от активной социальной позиции, общую политическую пассивность и относительно невысокий уровень политической субъектности. Как показало исследование, красноярская студенческая культура обладает той же преимущественно «развлекательно-рекреативной и коммуникативной направленностью», а также «внеинституциональной культурной самореализацией», что и молодежь Москвы.²⁵⁰

Полученные нами в ходе проведения эмпирического исследования результаты позволяют говорить, прежде всего, о том, что, как довольно устойчивая группа молодежи, студенты отличаются наиболее активным поиском смыслов в ходе освоения профессиональной культуры, в процессе социальной идентификации и взаимодействия с государством через институт образования. И, что не менее важно, этот социально активный в настоящее время страт молодежи в дальнейшем в значительной мере будет определять вектор культурного развития страны.

Эмпирическое исследование показало нам, что студенчество включает в себя участников разнообразных молодежных сообществ и субкультур (волонтерство, КВН, спорт, музыка и т.д.).

При этом несомненно, что период обучения в вузе является важнейшим периодом социализации молодежи, который включает в себя как освоение культуры человеческих отношений, так и общественно-политического опыта,

²⁵⁰ Сергеев В.К. Молодежь Москвы: от культа силы – к культуре мира. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 45 с.

социальных норм и ролей, новых форм деятельности и общения. Как справедливо замечает В.К. Сергеев, «предоставить молодежи высшее образование недостаточно, чтобы быть уверенным, что веками складывающаяся и оберегаемая предками многонациональная культура передастся в надежные, заботливые руки, которые сохранят и приумножат ее. Общество должно развивать в молодых людях не только интеллектуальные способности, но и высочайший уровень духовности»²⁵¹.

Новая технологическая реальность, основанная на технологизации и цифровизации социокультурного пространства современного российского общества, оказывает сегодня большое влияние на изменение отношения студенческой молодежи к политической действительности и во многом способствует созданию «культурного хаоса, который размывает любую возможную культурную идентичность»²⁵². При этом в современном обществе постоянно совершенствуются информационные технологии, позволяющие целенаправленно внедрять политический миф в молодежную культуру.

Проведенный нами культурологический анализ эмпирических данных показал, что современные тенденции в студенческой культуре в определенной степени связаны с процессом ремифологизации в обществе. Современное социокультурное пространство не воспринимается студенческой молодежью в качестве единого и непротиворечивого. В условиях новой технологической реальности у «студенческой молодежи затрудняется процесс самоидентификации, который при контакте с «чужим» становится острым и приводит к когнитивному диссонансу и противоречиям. Изменение привычной социокультурной картины мира ведет к более яркому выявлению ее политико-мифологических оснований»²⁵³. Это говорит нам о важной роли мифологизированных образов в формировании современной молодежной культуры.

²⁵¹ Сергеев В.К. Молодежь Москвы: от культа силы – к культуре мира. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. С. 31-32.

²⁵² Богдановская И.М. Современные социальные мифы в сознании студенческой молодежи // Вестник гражданских инженеров. 2012. №3 (32). С. 420.

²⁵³ Богдановская И.М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе России современной молодежи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. №142. С. 15-27.

Таким образом, анализ ведущих смыслов политического мифа в культуре современного красноярского студенчества и его роли в формировании культурной идентичности современной молодежи помог нам определить присущий политическому мифу в современной российской молодежной культуре определенный набор политических ориентаций, предпочтений и мнений.

Политический миф молодежи наполнен, прежде всего, культурологическим содержанием потому что, с одной стороны, в нем находят отражения принципы, подходы, понятия, символы, знаки, противоречия и другие структурообразующие феномены молодежной культуры (что мы постарались доказать в ходе анализа эмпирических данных), а с другой стороны, потому что это миф, а миф, как мы уже говорили, принадлежит культуре – это ее смыслонесущий феномен.

Вместе с тем бытующие в студенческой культуре политические мифы базируются не на политических знаниях или фактах реальной политической ситуации и угроз, а на архетипах и образах молодежной культуры. В отличие от политологического знания любой культурный миф – это специфическое знание, в нем на «древних» архетипах основаны отдельные значимые разрозненные части современной информации, его логика – это не научная логика, у мифа (как мы поняли по материалам предыдущего параграфа) специфическая рациональность. А потому миф – это не политическое знание (стройное, фактологическое, строящееся по законам политологической логики). Отсюда можно утверждать, что политический миф есть явление, порожденное культурой и существующее в культуре, прежде всего, потому, что это миф, а не политологические концепты и теории.

Также, когда речь идет о молодежи, мы сталкиваемся на сегодняшний день с феноменом, при котором содержание политического сознания (теории, концепты, термины, понятия, объективные представления и др.) перестают работать в логике научного знания и работают только в логике культурного мифа и самой молодежной культуры. Следовательно, политический миф – это

не столько политический, сколько именно культурный феномен, построенный по типу культурного мифа и имманентный специфике современной молодежной культуры.

В целом на основе культурологической интерпретации эмпирических данных мы можем сделать вывод о культурном «фундаменте» основных политических образов и смыслов студенчества; причем в региональной студенческой культуре обнаруживаются как фрагменты традиционных российских мифологем, так и смысловые заимствования из западных культурно-идеологических конструктов, и инновационные аспекты, диктуемые новой технологической реальностью.

В следующем параграфе, используя результаты эмпирического исследования, определим роль политического мифа в формировании у современной молодежи ценностей в сфере политики и выявим культурологические аспекты содержания политических предпочтений в современной российской молодежной культуре.

2.3 Современная молодежная культура России: ценности в сфере политики и политические предпочтения

Современная молодежная культура России (как показали нам результаты эмпирического исследования) характеризуется бытованием в ней различных политических мифов, которые становятся для сегодняшней молодежи важнейшим регулятором их восприятия политического. В этой связи возникают логичные вопросы: в каком направлении развиваются сегодня ценности в сфере политики у современной российской молодежи и какова роль политического мифа в этом процессе? В данном параграфе, опираясь на результаты эмпирического исследования, мы постараемся определить общий вектор развития ценностей в сфере политики у российской молодежи и выявить культурологические аспекты содержания политических предпочтений в современной российской молодежной культуре.

Итак, политический миф в молодежной культуре (как показали нам результаты эмпирического исследования) становится существенным фактором формирования социокультурных ценностей современной молодежи. Политические реалии в таком мифе также опосредованы культурной «сеткой ценностной размерности»²⁵⁴ мифотворчества. Современная российская молодежная культура, «идентифицируясь с одними социокультурными ценностями, отвергая другие и индифферентно относясь к третьим, способствует формированию у молодежи определенных социокультурных ценностей в сфере политики и, следовательно, формированию соответствующих политических предпочтений у современной молодежи»²⁵⁵.

Ценности в сфере политики в молодежной культуре служат социокультурными ориентирами в мире политического. Они относительно немногочисленны, характеризуются своей отвлеченностью, абстрактностью и

²⁵⁴ Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.

²⁵⁵ Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.

иерархичной упорядоченностью, а также в определенной степени составляют ядро политического мифа. В молодежной культуре ценности в сфере политики устойчивы к изменениям социально-политического и «потере оснований для оценки происходящих событий, проявляющейся в ощущении отсутствия возможностей субъективного контроля над ними»²⁵⁶.

Основу формирования ценностей в сфере политики у современной молодежи в условиях новой технологической реальности в России, как видно из результатов эмпирического исследования, во многом составляют ментальные особенности современной российской молодежи. Будучи устойчивой основой существования молодого человека, ментальность выступает важнейшим вектором развития ценностей в сфере политики в молодежной культуре.

Мы видим, что сегодня содержание молодежного дискурса включает в себя:

«1) фрагменты традиционных культурных архетипов (что имеет отношение к национальной культуре, с которой современная молодежь в силу участия в образовательном процессе и личной смысловой идентификации тесно соприкасается), а также ментальность этой культуры и среды обитания, семьи, языка (этот аспект выражен в конкретных смыслах, которые молодежь во многом оценивает по-российски);

2) цивилизационные смыслы и ориентации (нормы и стереотипы современного общества потребления, сформированного, в том числе и в России, но по западному образцу), однако важно заметить, что эти нормы также охотнее принимаются по российскому принципу;

3) заимствованные культурные идеологемы – из-за усиленной самоидентификации, сильной тяги к другой культуре, а еще и потому, что «запретный плод сладок» (дискретные, то есть несистемно заимствованные западные культурные образцы и принципы);

²⁵⁶ Селезнева А.В. Социально-активная молодежь в России: политические ценности и предпочтения // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века, Ежегодник РАПН. М., 2012. С. 380-390.

4) смыслы, форматы и образцы новой технологической реальности (это задает новые культурные форматы виртуальной и реальной жизни, делает Интернет своего рода образцом идеального социума)»²⁵⁷.

Кроме того, своего рода «сакральное мифологическое ядро молодежного дискурса притягивает такие образы и смыслы, которые соответствуют специфике молодежной культуры. А в чем эта специфика? Мы знаем ее характеристики: визуальность, клиповость, алогизм (игнорирование формальной логики или скорее наличие мифологической логики), самоидентификация (значит известное обособление себя от «прирожденной» национальной культуры и ментальный поиск себя в безграничном и свободном мире), протест в его культурных формах, индивидуализм, креатив, оригинальность мышления и культурных практик – и все это ценно само по себе, а не потому, что есть идеальное общество»²⁵⁸.

По результатам эмпирического исследования видно, что, «с одной стороны, молодежная культура России впитала в себя немало национальных культурных архетипов и обнаруживает множественные следы фольклорных и литературных образов (мифологема о «дураках и дорогах», литературно-сатирические образы резонеров, чиновников и бюрократов дореволюционного и советского времени, нашедшие своих «двойников» в современных образах «депутата», «министра», «политика» и др.); с другой стороны, в политическом мифе российской молодежной культуры есть современные смысловые конструкты, заимствованные во многом из западных идеологических источников – о «непреодолимой отсталости» страны, неспособности «тоталитарной России» решать задачи развития; о «закрытости» России и ее «отверженности» западным «прогрессивным миром» и др. Устойчиво-образные

²⁵⁷ Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.

²⁵⁸ Там же.

«одежды» этих смысловых конструктов прямо адресуют нас к источникам направленной информации из «всемирной паутины»²⁵⁹.

Мы знаем, что в любом социуме молодежь во многом влияет на умонастроения всего этого социума, выступая в качестве своеобразного ретранслятора ценностных установок, моделей поведения, идейно-политических ориентаций. Однако выполнить данную функцию молодежь способна лишь в случае, если она обладает групповой социокультурной идентичностью, включающей в себя присущие только ей социокультурные ценности (в том числе и ценности в сфере политики начинают носить социокультурный характер), а также уровень самоорганизации, достаточный для оказания влияния на социальные и политические процессы в стране. Есть ли у современной российской молодежи эта групповая социокультурная идентичность, обращенная в сферу политического? Результаты проведенного исследования не дают однозначного ответа на этот вопрос. Наличие ряда консенсусных политических предпочтений не дает основания говорить, что формирование групповой социокультурной идентичности российской молодежи является свершившимся фактом. Так, в ее отношении к тем или иным аспектам политического, через которые и преломляются ценности в сфере политики, наблюдается значительный разброс этих ценностей, а следовательно, и политических предпочтений.

Вместе с тем по результатам исследования можно отметить, что архаическая основа создает условия для утверждения новых социокультурных механизмов поддержания групповой социокультурной идентичности в современной молодежной культуре, которые в свою очередь также архаизированы и проявляются в самоидентификации молодого человека с теми группами, которые оказываются ближе. К примеру, для красноярской молодежной культуры, как оказалось, это образ «красноярцев» или «сибиряков», в основу которого сегодня положен политический миф о

²⁵⁹ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

«Енисейской Сибири» как особом макрорегионе со своим «геном» и особенным характером жителей. При этом следует отметить, что с помощью создаваемых искусственно мифологических образов этносов и наций, закрепляемых нередко в таком понятии, как «национальный характер», часто осуществляется манипулирование современной молодежью.

Анализ социокультурных ценностей современной молодежи России в условиях новой технологической реальности показал нам всю сложность и противоречивость процесса их формирования и роли политического мифа в этом процессе. Отсюда, согласившись с утверждением О.В. Сорокина, можно утверждать, что «многие молодые люди не могут четко обозначить свою политическую позицию, свои политические предпочтения. Отсутствие политического опыта, несформированность ценностного поля, поверхностное, отрывочное представление о политических событиях позволяет говорить о фрагментарности и мозаичности политического сознания молодежи»²⁶⁰.

Заметим при этом, что при изучении политического сознания молодежи, как правило, изучаются знания и представления. На наш взгляд, исследуя этот феномен, в той или иной мере затрагиваются «конструкты политического мифа, сформированные в молодежной культуре – у одних молодых людей таких конструктов в политическом сознании больше, у других меньше. При малом объеме или отсутствии в молодежном дискурсе конкретных понятий и знаний о политике молодежная культура характеризуется производством политического мифа, который становится ее важнейшим регулятором»²⁶¹.

В ходе эмпирического исследования в содержании политического мифа современной молодежи обнаружили как дискретные следы традиционных сакрализованных архетипов российской культуры разных исторических эпох, так и «клиповый набор» эмоциональных, чувственных представлений о

²⁶⁰ Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. 2007. №8. С. 48.

²⁶¹ Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.

политической действительности, как правило, замещающих и вытесняющих конкретное политическое знание.

Остановимся подробнее на социокультурной ценности патриотизма в сфере политики у современной молодежи. «Культурный архетип «Родины» в молодежной культуре оказался ожидаемо связан (как положительно, так и отрицательно) с особенностями российского менталитета. 33,8% опрошенных молодых людей транслируют эмоционально-негативный образ России, аргументируемый низким уровнем жизни и недостаточной личной свободой.

У части опрошенных молодых людей (29,4%) преобладают смыслы, отражающие любовь к Родине и образ России как великой державы, который составляет основу отношения к Родине. Эта часть молодежи транслирует культурные архетипы такого традиционного национального мифа как великодержавно-патриотический. Заметим, что продуктивному мифотворчеству способствует и отсутствие в современной России доминирующей политической идеологии. Конечно, на образ мыслей молодых людей оказывает некоторое влияние сформированное в последние годы смысловое ядро официальной политической информации – идеи патриотизма и защиты интересов Родины. Но то, что это именно мифообраз, а не отрефлексированная личная позиция, доказывает такой факт в ходе «перекрестных» вопросов-ответов: эти же респонденты в списке характерных черт российской ментальности отвели патриотизму лишь последнее место.

В ответах еще 20,6% молодых людей представления о России почти в равной степени содержат позитивные и негативные смыслы, о которых мы уже упоминали.

Итак, более 80% опрошенных молодых людей опираются в своем представлении о центральном образе политического мифа – образе Родины – на исторически сложившиеся культурные архетипы, оформленные в дискурсе молодежной культуры. Только около 14% из числа опрошенных респондентов продемонстрировали определенные навыки рефлексии: 7,4% из них аргументировали различие своего отношения к Родине и отношения к

государству, а 6,4% интервьюируемых настаивали на уникальности России и ее отличии от других стран в связи с самобытностью российской национальной культуры»²⁶².

При этом, как следует из результатов эмпирического исследования, особенность молодежного дискурса сегодня, помимо «бинарной системы» описания мира и специфики политических предпочтений, состоит в выраженной эмоциональной «окраске» коммуникации, оригинальности и ассоциативности суждений, при этом алогизм, если не приветствуется, то, как минимум, игнорируется. Как известно, мифологический генетизм плодотворно уравнивает самые различные понятия по признаку нахождения рядом или отдаленных ассоциаций²⁶³.

В предыдущем параграфе мы упоминали о представлениях молодежи о характере русского народа. «В полном соответствии с принципами культурно-мифологического генетизма, молодые люди, давая ментальные характеристики русскому народу, называют открытость в общении, гостеприимство и доброту и в то же время конфликтность, недоверчивость и закрытость. Некоторые приписывают россиянам одновременно смекалку, ум и недостаток умственного развития или образования; упорство в труде и лень. При этом о рефлексии этих черт национального характера в молодежном сознании речи нет: мало кто из молодежи, принявшей участие в нашем исследовании, грамотно различает понятия разума, интеллекта, образования, профессиональной компетентности, социального лифта, карьеры; мало кто осознает, что привычка россиян ругать власть есть неотъемлемая «оборотная сторона» патернализма. Точно так же мало кто из молодых людей понимает, что наша «неулыбчивость» связана с конкретной социально-коммуникативной нагрузкой улыбки в сложившейся общественной практике. В отличие, например, от Америки, где натренированная открытая улыбка – маркер

²⁶² Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

²⁶³ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. с франц. П. Арискина. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

материального благополучия и психологического здоровья (как говорят, «только бизнес, ничего личного»), в России она исторически означала (и до сих пор означает) действительно позитивные чувства, испытываемые к партнеру по диалогу, то есть исключительно «личное» (см. также фольклорный фразеологизм: «смех без причины – признак дурачины»). Но «западный» дрейф наметился: так, селфи, ставшие сегодня неотъемлемой частью молодежной культуры в России, предполагают, по большей части, «западную маркировку» демонстрируемых улыбок и сбора «лайков» на них как средства самоидентификации в оппозиции «успешный-отверженный».

Исследование ценностного аспекта восприятия мифологизированных образов показало, что современная молодежь идентифицируется с образом идеального общества по ценностному вектору: «достаток», «внимание к людям», «безопасность», «образование», «вера», «независимость». Вместе с тем «достаток», «внимание к людям» и «независимость» видятся более значимыми для образа идеального общества, а «безопасность», «образование» и «вера» наделяются большей индивидуальной значимостью.

При этом результаты исследования ценностного аспекта показывают, что либерально-демократические ценности воспринимаются меньшим числом молодых людей, чем государственно-консервативные ценности. Например, восприятие демократии неоднозначно. С одной стороны, две трети респондентов высказались за приоритет прав и свобод личности над интересами государства в идеальном обществе. С другой стороны, позитивное восприятие молодежью демократии как формы управления не является общераспространенным: более трети опрошенных молодых людей считают, что в ней больше недостатков, чем достоинств. Дополняют картину восприятия молодежью политического мифа, интерпретирующего демократию, результаты, касающиеся выявления ассоциативных эмоций в отношении понятия «демократия». Таким образом, позитивные эмоции выявлены у 50% респондентов и только 8,7% испытывают негативные эмоции, нейтральное отношение характерно для 26% респондентов. В целом, несмотря на

противоречивость отношения к либерально-демократическим ценностям в молодежной культуре, большинство среди молодых людей, принявших участие в исследовании, верят в необходимость свободного выбора, как в экономической сфере, так и в политике»²⁶⁴.

Сегодня мы видим невысокую социально-политическую «активность» современной молодежи, что сама молодежь (на примере красноярской студенческой молодежи) отнюдь не рассматривает как проблему. Результаты эмпирического исследования показывают, что в целом молодые люди, увлеченные культурными практиками, будущей карьерой или самореализацией в виртуальной реальности, проявляют умеренный интерес к политике. 55% респондентов не принимают активного участия в политической жизни, так как не считают это возможным или необходимым; 30% не принимают активного участия, но хотели бы; 5% заявили, что активное участие в политике противоречит их нравственным установкам. При этом возможность влиять на политику не вызывает большого интереса у молодежи, а 40% опрошенных молодых людей согласились бы участвовать в политической демонстрации за особую плату. Таким образом, мы видим, что степень активного массового участия современной российской молодежи, например, в протестных политических акциях весьма преувеличена. Это не значит, однако, что потенциал политического протеста и массового недовольства молодежи отсутствует совсем: с учетом естественной склонности молодых людей к изменениям окружающей действительности они вполне могут актуализироваться в определенной объективной или искусственно созданной ситуации, подогреваемой материальными стимулами или иллюзорной «политической самостью» молодых людей, в случае ограничения каналов социальной мобильности, когда под вопросом окажутся перспективы социального роста и социальной реализации молодежи.

²⁶⁴ Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.

Возможная мотивация политического участия/неучастия молодежи достаточно разнообразна, но при этом определяющих мотивов и стимулов, распространенных в массовом порядке и объединяющих большое число молодых людей, практически нет. Конечно, молодежь готова отстаивать свои ценности и идеалы, но возникает вопрос: какие именно ценности молодые люди готовы отстаивать? В первую очередь, это как раз ценности их «самости», независимости, то есть ценности, определяющие зону их личностного и социального комфорта. Если государство, общество со своими позициями не внедряются в зону личностного и социального комфорта молодых людей, то все в порядке. Если же происходит вмешательство в зону социального комфорта, то молодежь может проявлять некую степень терпимости. Ну а если происходит вмешательство в зону личностного комфорта молодежи, то молодые люди готовы отстаивать свой внутренний комфорт, границы которого определяются уровнем культуры и воспитания.

Таким образом, массовая политическая мобилизация современной молодежи возможна, но, как показывают результаты исследования, только через политическую нестабильность, когда в связи с действительно серьезными потрясениями в стране сам ситуативный контекст мобилизует молодых людей, задав т.н. «моду на революцию», а главное создаст иллюзию «субъектности» и самостоятельности молодежи в политике. В настоящий момент в молодежной культуре присутствует оправданная с точки зрения самой молодежи ориентация на неполитическую реализацию (в работе, личном деле, социальной деятельности, семье и т.д.).

Исходя из основных составляющих социокультурной жизни молодого человека, в ходе анализа результатов эмпирического исследования нами были определены условные типы «активности» молодежи:

Первый тип. Для молодых людей этого типа характерен достаточно узкий и традиционный круг общения, ориентация в основном на устойчивые контакты с родственниками, знакомыми, в отдельных случаях с коллегами по учебе, а также простые или «домашние» формы проведения досуга (чтение,

просмотр телевизора, прослушивание музыки и т.д.). Среди опрашиваемой нами студенческой молодежи этот тип не является широко распространенным и насчитывает порядка 16% респондентов.

Второй тип. Молодые люди ориентируются, прежде всего, на контакты с широким кругом друзей. Представители этого типа используют более продвинутые формы досуга – компьютер, музыка, различные хобби. Практически доминирующей формой их социальной жизни становятся общение и регулярные встречи с друзьями. Распространенность данного типа гораздо шире и составляет 34% респондентов.

Третий тип. В жизни молодых людей наличествуют регулярные социальные контакты вне устоявшегося семейно-дружеского круга. Данный тип можно назвать «развлекающимся», он насчитывает 24% респондентов. Развлекательно-потребительский аспект общения и досуга становится для них очень значимым. Интересный факт: среди данного типа молодежи высока доля поклонников современной музыки.

Четвертый тип. Молодые люди сконцентрированы на развивающих формах общения и досуга (посещение спортклубов, музеев, выставок, активное участие в объединениях по интересам, дополнительное занятие самообразованием и т.д.), нежели на простом отдыхе и встречах с друзьями. Отношение к свободному времени молодых людей данного типа становится более избирательным. Данный тип объединяет 26% опрошенных молодых людей и может быть назван «социально активным».

Таким образом, как показывает исследование, можно говорить не просто об активной молодежи как однородной социальной группе, а о принципиально различных типах активности внутри современной российской молодежной культуры. При этом особую группу молодежи в России составляют молодые люди, активно участвующие в образовательных, развлекательных, добровольческих (волонтерских) мероприятиях, организуемых в сфере молодежной политики. Если говорить о студенческой молодежи, то это те студенты, которые активно участвуют во внеучебной деятельности. Заметим,

что социально активная молодежь, составляя менее половины всей молодежи, вместе с тем представляет собой ту ее часть, с которой во многом всегда связываются надежды на будущее страны со стороны социума»²⁶⁵. Однако социокультурные ценности в сфере политики и политические предпочтения у представителей этого типа молодежи мало отличаются от социокультурных ценностей в сфере политики и политических предпочтений в молодежной культуре в целом.

Полученные в ходе нашего исследования результаты позволяют нам говорить о более глубоком осознании молодежью проблем и недостатков современного социума. При этом политический миф в той или иной степени формирует «мозаично-эkleктичную» молодежную культуру, которая предполагает противоречивую и во многом неопределенную совокупность осознаваемых и неосознаваемых социокультурных ценностей в сфере политики и политических предпочтений (возникает т.н. «парадоксальный молодой человек»²⁶⁶).

В целом можно отметить, что «мозаично-эkleктичная» молодежная культура, которая базируется на противоречивой и во многом неопределенной совокупности осознаваемых и неосознаваемых социокультурных ценностей в сфере политики, порождает и соответствующий ей дискретно-клиповый политический миф. Современный молодой человек даже в условиях образовательного процесса и мировоззренческого поиска, как правило, не обретает (или не стремится обрести) личностную целостность и глубокие представления о мире, позволяющие сформировать устойчивую социально-политическую позицию, а потому легко становится объектом манипуляции.

²⁶⁵ Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.

²⁶⁶ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. Социологические исследования. 2006. №6. С. 26-36.

Причем специфической манипуляции, утверждающей истину, что «запретный плод сладок»²⁶⁷.

В силу молодого возраста, небольшого жизненного опыта и недостаточно развитых рефлексивных способностей молодежи содержание социокультурных ценностей в сфере политики и политических предпочтений в молодежной культуре достаточно шаблонно и стереотипизировано.

В завершении добавим, что процесс трансляции социокультурных ценностей в сфере политики в молодежной культуре происходит в определенных институциональных формах.

Формирование социокультурных ценностей в сфере политики и политических предпочтений начинается с семьи, при этом характер и достоверность понимания молодыми людьми различных аспектов политического в большей степени определяется уровнем культуры их родителей и господствующими в семье социокультурными ценностями в сфере политики и политическими предпочтениями.

Далее этот процесс продолжается в общеобразовательных и высших учебных заведениях. В это время происходит быстрое приобретение и освоение молодыми людьми новых знаний о политическом, во многом благодаря их приобщению к изучению обществоведческих и гуманитарных дисциплин. У молодых людей постепенно проявляется потребность в сопоставлении знаний, полученных в теории, с реальной жизнью на практике. При этом в процессе формирования молодежной культуры важен не формальный уровень образования и не знания как таковые, а культурные аспекты образования.

Заметим, что «не-знания» и «не-размышления» молодежи – во многом следствие неактуального содержания политологических, социологических, философских и культурологических вузовских курсов, не затрагивающих личный опыт и молодежный дискурс; впрочем, это не меньшее следствие и дефицита (при отсутствии времени или присутствии боязни) внеучебных

²⁶⁷ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

коммуникаций между преподавателями и студентами. И вот эти нарастающие дефициты постепенно трансформируются в опасный показатель низкого уровня межкультурных коммуникаций разных поколений российского общества»²⁶⁸. При этом коммерциализация и утилитаризация современного образования во многом превращает образовательную систему в сферу массового производства даже не профессионалов, а прежде всего, «квалифицированных потребителей».

Отсюда сегодняшние социокультурные характеристики молодежи и продуцируемые ею события, которые, по сути, есть суровая оценка состоянию «социокультурных кодов» в современном обществе (как западном, так и российском), становятся серьезным социокультурным вызовом современному обществу.

Ответ на этот вызов нам видится в развитии современных социокультурных форматов работы с молодежью, которые должны быть адекватны ее социокультурным ценностям и условиям новой технологической реальности, но вместе с тем формироваться на основе культуросообразности, единства аксиологии и культурной антропологии.

При этом очевидна необходимость разработки и реализации государственной политики приобщения молодежи к «русской ментальной генетике». Она должна включать в себя, в первую очередь, эмоциональные молодежные социокультурные «практики интересного». Цель их – присвоение молодежью нового опыта в процессе собственной самореализации в исследовательски-творческом (инновационном) и творческо-нарративном (фантазийном) направлении (чего, на наш взгляд, в современном образовании критически не хватает). Глобальная задача таких практик – формирование навыков утрачивающегося национального алгоритма идеалообразования путем создания в молодежном сознании обобщенного образа-клипа «молодого народного героя», «героя времени», формирования ценностной семантики собственных семейных историко-культурных корней (например, через

²⁶⁸ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

движение «Бессмертный полк», фестиваль «Красноярск: летопись Победы», мультимедийный исторический парк «Россия – моя история»). Как показывает опыт Китая, все это способно сыграть существенную роль в сохранении и поколенческой передаче социокультурных кодов, необходимых для плодотворного баланса в развитии социума. С другой стороны, как нам видится, важнейшим фактором – эмоциональным «усилителем» и понятийно-клиповым способом перевода – является передача этой важной социокультурной информации таким образом, чтобы «усилителями» и «переводчиками» в дальнейшем диалоге с молодежью выступали бы сами молодые люди – ее носители. Все это неизбежно приведет к обеспечению комплексного культурно-образовательного подхода через понимание культуры как целостного прообраза социальной реальности.

Таким образом, анализ общего вектора развития ценностей в сфере политики у современной российской молодежи и культурологических аспектов содержания политических предпочтений в современной российской молодежной культуре позволил нам определить, что молодежная культура России включает в себя, наряду с национальными культурными архетипами, современные смысловые конструкты, заимствованные во многом из западных идеологических источников. Все это оказывает существенное влияние на формирование в молодежной культуре социокультурных ценностей в сфере политики и политических предпочтений, во многом адекватных новой технологической реальности с ее социокультурными ценностями.

При этом современная молодежь не представляет собой однородную социально-политически активную группу, скорее можно говорить о принципиально различных типах активностей внутри современной российской молодежи.

Кроме того, социокультурные характеристики молодежи и продуцируемые ею события – это серьезный социокультурный вызов современному обществу, ответ на который нам видится в развитии социокультурных форматов работы с молодежью, адекватных ее

социокультурным ценностям в условиях новой технологической реальности на основе принципов культуросообразности, единства аксиологии и культурной антропологии. Антрополого-аксиологической платформой для предложенных форматов выступают, прежде всего, эмоциональные социокультурные «практики интересного».

Итоги предпринятого нами эмпирического исследования позволяют утверждать, что социокультурные ценности в сфере политики и политические предпочтения, как производные политического мифа, бытующего в современной молодежной культуре России, базируются главным образом на культурном «фундаменте». Все это дает возможность говорить, что мы имеем дело с молодежной культурой как полноценным культурным феноменом, характеризующим новое поколение российских людей и являющимся по преимуществу базовым для формирования различных современных смысловых конструктов (в том числе и политических).

Трактуя столь расширенно контекст молодежной культуры, можно смело утверждать, что на сегодняшний день она приобрела качество активного мифологического смыслопорождения²⁶⁹. На базе бытующих в молодежной культуре политических предпочтений и ценностей, а также обрывков различных культурных мифов формируются новые (или обновленные) смысловые конструкты, которые помимо специальных характеристик (правовых, политических, социальных и др.) обладают базовым культурным содержанием, отражающим специфику молодежи как субъекта культурного действия.

²⁶⁹ Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема культурного определения политического мифа в молодежной культуре в современных условиях новой технологической реальности (когда молодежный активизм все больше и больше переходит из пространства политики в пространство культуры) актуализировала цель настоящего диссертационного исследования – выявление культурологических оснований политического мифа в современной российской молодежной культуре.

Исследование этой научной проблемы, с одной стороны, основывается на изучении обширного материала из области философии и культурологии (в ходе исследования было изучено 198 библиографических источников, в том числе 7 зарубежных), при этом, с другой стороны, обнаруживает дефициты в современных культурологических исследованиях молодежной проблематики, связанные, прежде всего, с недооценкой феномена молодежной культуры с точки зрения культурологического понимания как самой молодежной культуры, так и в целом «молодежной повестки». Собственно, культурология пока еще только начинает «присматриваться» к молодежи как объекту исследования, следовательно, встретить подробный культурологический анализ молодежной культуры, а тем более политического мифа в контексте культуры – на сегодня большая редкость. При этом объект и предмет исследования, как оказалось, обнаруживают именно культурное содержание: молодежная культура являет собой культурную подсистему базовой культуры общества, включающую молодежную систему ценностей и предпочтений, молодежный дискурс и способствующую становлению молодого человека и молодежи в качестве субъекта общественной деятельности и творца культурного идеала; политический миф, в свою очередь, проявляется в культуре в качестве сконструированной политической реальности и «особого способа объяснения

политического, в котором из-за нехватки знаний и опыта человек домысливает причины явлений и событий доступными его образу мышления способами»²⁷⁰.

В рамках данного исследования в первой главе, посвященной культурологическим аспектам молодежной культуры в условиях современной социальной среды, были сделаны следующие выводы:

Первое. На основе культурологического анализа концепций молодежной культуры и систематизации накопленных знаний о феномене молодежной культуры определена культурологическая специфика понятия «молодежная культура», а также выявлены социокультурные особенности современной молодежной культуры.

Основываясь на культурологической интерпретации, мы можем сказать, что молодежная культура наиболее открыта процессам социокультурной трансформации норм и ценностей, при этом только молодежная культура помогает молодому человеку в освоении социокультурных навыков поведения, в присвоении первичного статуса, в передаче специфических ценностных представлений, а также в удовлетворении потребности в общении с себе подобными. Сегодня молодежная культура, формируясь в условиях новой технологической реальности, во многом обуславливает формирование социокультурных ценностей в молодежной среде, адекватных этой новой реальности.

Второе. Новая технологическая реальность в основе своей есть не что иное, как новая культурная реальность, являющаяся нечто большее, чем просто инструментальное использование технологических возможностей; причем реальность, реализующаяся в основе своей именно в молодежной культуре. Каждая технология при этом является воплощением культуры социума, представляя собой некие социокультурные «инвестиции» этого социума в собственное ближайшее будущее. Таким образом, новая технологическая реальность - не только (и не столько) фактор масштабных технологических

²⁷⁰ Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

изменений в обществе, сколько выражение современных социокультурных тенденций.

Новая технологическая реальность формирует сегодня особый тип молодежной культуры - «культуру желаемого настоящего», основанную на образе окружающей действительности, во многом сконструированном в недрах виртуальной реальности и представляющем собой мир неограниченных возможностей. Современная молодежная культура желаемого настоящего формируется на основе высокотехнологичных интерактивных (по большей степени виртуальных) социокультурных форм, среди которых можно назвать массовые инсталляции, перформансы, флешмобы, челленджи и другие современные социокультурные практики, адекватные новой технологической реальности.

Третье. Культурологические аспекты новой технологической реальности оказывают существенное влияние на формирование российской молодежной культуры и на изменение системы ценностей молодежи. При этом изменения молодежных социальных ценностей в условиях новой технологической реальности, с одной стороны, носят социокультурный характер (что доказывается фактом не только поиска молодыми людьми собственной социокультурной идентичности в условиях формирования новых социальных ценностей, но и стремлением непременно придать эти новые ценностные очертания окружающей социокультурной действительности, на основе которой молодежь формирует свою картину мира, испытывая вместе с тем осязаемое влияние глобальных социокультурных процессов), с другой стороны, формирующиеся новые социальные ценности молодежи не отрицают старого в культуре. Молодежь быстрее других отрицает старые и осваивает новые технологии, но не культуру вообще. Подлинное стремление к прогрессу (как социокультурному явлению) подменяется в современной молодежной культуре стремлением всего лишь к новому приобретению очередного технологического новшества (как технологического явления).

Вместе с тем «внутри молодежной культуры сегодня идет активный процесс трансформации полученных извне образов и фактов в инварианты заимствуемых моделей и смыслов путем преобразования действительности с учетом новой технологической реальности и новых социальных ценностей. Сама эта новая «среда обитания» молодежных смыслов активно содействует такой трансформации: в виртуальной реальности смысловые конструкты распространяются существенно проще, практически не встречая сопротивления»²⁷¹.

Во второй главе диссертации нами представлено эмпирическое исследование, в ходе которого мы попытались ответить на вопрос: действительно ли в условиях новой технологической реальности затруднен процесс социокультурной самоидентификации молодежи, а изменение привычной социокультурной картины мира приводит к более яркому выявлению ее политико-мифологических оснований? Для этого мы рассмотрели основные культурологические аспекты политического мифа, выявили содержание ведущих смыслов бытующего в современной российской молодежной культуре политического мифа (на материале авторского эмпирического исследования с применением метода фокус-групп), а также определили его роль в формировании ценностей в сфере политики у современной молодежи. Таким образом, по итогам эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

Первое. В условиях новой технологической реальности политический миф в современной молодежной культуре компенсирует недостаток объективной информации и становится для молодежи способом восприятия окружающей политической действительности и средством социального ориентирования в сфере политического. Миф конструирует в молодежной культуре ту самую социокультурную реальность, обращенную в сферу политического и воспринимаемую как объективно данную. При этом

²⁷¹ Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.

мифотворчество «без берегов» во многом приводит молодых людей к потере реальной политической ориентации и к неразличению своих внутренних образов и реалий внешнего мира.

Второе. Политический миф молодежи наполнен, прежде всего, культурологическим содержанием, потому что в нем находят отражения принципы, подходы, понятия, символы, знаки, противоречия и другие структурообразующие феномены молодежной культуры, а также потому, что это миф, а миф принадлежит культуре – это ее смыслонесущий феномен. Вместе с тем бытующие в молодежной культуре политические мифы базируются не на политических знаниях или фактах реальной политической ситуации, а на архетипах и образах молодежной культуры. А потому политический миф – это не политическое знание. Следовательно, политический миф есть явление, порожденное культурой и существующее в культуре, прежде всего, потому, что это миф, а не политологические концепты и теории. При этом стоит отметить, что содержание политического сознания (теории, концепты, термины, понятия, объективные представления и др.) перестает работать в логике научного знания и работает только в логике культурного мифа и самой молодежной культуры.

Третье. Анализ общего вектора развития ценностей в сфере политики у современной российской молодежи и культурологических аспектов содержания политических предпочтений в современной российской молодежной культуре позволяет утверждать, что молодежная культура России включает в себя, наряду с национальными культурными архетипами, современные смысловые конструкты, заимствованные во многом из западных идеологических источников. Все это оказывает существенное влияние на формирование в молодежной культуре ценностей в сфере политики, которые начинают носить социокультурный характер, и политических предпочтений, во многом адекватных новой технологической реальности с ее социокультурными ценностями.

Справедливости ради, необходимо отметить, что почва для политического мифотворчества сейчас достаточно плодотворна: уже несколько десятилетий Россия переживает процесс активной трансформации культурных и политических ценностей и установок, начавшийся ломкой советской идеологической системы. Трудно ожидать, что тотальная «открытость» России 1990-2000-х годов навстречу западным ценностям и политическим манипуляциям, следствием которой, в том числе, является вступление нашей страны в новое мировое технологическое пространство, не в состоянии оказывать «долгоиграющего» влияния на «поле» культурных смыслов России или будет преодолена в одночасье даже в условиях смены официального вектора на культурную идентификацию и политическую субъектность. Особенно сильным западное влияние оказалось в российской молодежной культуре, где новая технологическая реальность выступает не только как условие особого бытования культурных и политических смыслов, но и как активный агент их формирования. Как мы видим, новая технологическая реальность заявляет свои права на смысловое политическое пространство в молодежной культуре: она транслирует определенные образцы, которые имеют в молодежной среде потенциал желаемого воплощения в политической реальности, во многом задает нормативную культурную базу молодежи. Мы находим в молодежной культуре проявления своего рода инновационных (связанных с новыми цивилизационными аспектами жизни) культурных смыслов. Вместе с тем ситуация такова, что эти инновационные культурные смыслы оказываются довольно тесно связанными с заимствованными инокультурными практиками и установками.

При этом социокультурные характеристики молодежи, не представляющей собой однородную социально-политически активную группу, и продуцируемые ею события – это серьезный социокультурный вызов современному обществу, ответ на который нам видится в развитии социокультурных форматов работы с молодежью, адекватных ее

социокультурным ценностям в условиях новой технологической реальности (прежде всего, эмоциональных социокультурных «практик интересного»).

В целом итоги предпринятого нами исследования позволяют утверждать, что и политический миф, бытующий в современной российской молодежной культуре, и социокультурные ценности в сфере политики, и политические предпочтения молодежи, как производные политического мифа, базируются главным образом на культурном «фундаменте», в котором бытуют и фрагменты традиционного российского культурного мифа, и смысловые заимствования из западной культуры и идеологии, и инновационные аспекты, диктуемые новой технологической реальностью. Все это дает нам возможность утверждать, что молодежная культура есть полноценный культурный феномен, характеризующий новое поколение российских людей и являющийся по преимуществу базовым для формирования различных современных смысловых конструктов (в том числе и политических).

Результаты проведенного исследования были апробированы в ходе участия с докладами в различных конференциях, в том числе в XI Международной научной конференции «Образование и социализация личности в современном обществе» и Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей «Воспитание современной молодежи: проблемы и пути решения». Кроме того, они нашли свое отражение в 33 научных публикациях, связанных с тематикой диссертации, в том числе 7 публикациях в журналах, рекомендованных ВАК РФ (4 статьи по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры).

В дальнейшем культурологическое изучение политического мифа в контексте молодежной культуры может быть продолжено в рамках исследования особенностей познания политической реальности в политическом мифе; механизма формирования в политическом мифе новых знаний о политическом; содержания политико-мифологического знания как особого социокультурного феномена. Ведь мы имеем дело с фактом «нахождения» молодежи в области политического мифа, с которым необходимо считаться и,

следовательно, выстраивать коммуникации с молодежью с учетом этой социокультурной особенности. Актуальным также является выявление в дальнейшем политико-мифологических оснований политической культуры современной молодежи как основы ее социально-политической активности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян Л.О. Предисловие // К.Г. Юнг о современных мифах / под ред. М.О. Оганесяна. М.: Практика, 1994. С. 3-13.
2. Антипов Г.А., Донских О.А. Миф и мифологическое в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. №54. С. 39-50.
3. Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1. Философия древности и средневековья. Часть 1 / ред. коллегия: В.В. Соколов и др. М.: Мысль, 1969. 576 с.
4. Антонович И.И. После современности: Очерк цивилизации модернизма и постмодернизма. Мн.: Беларуская навука, 1997. 446 с.
5. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
6. Асмолов А.В. Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М.: Изд-во МГУ, 1986. 183 с.
7. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Малеева Т.М., Сорокина С.С., Алдошина Т.Л. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Заглядывая в будущее: мир после коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. №10 (112). С. 88-91.
8. Астафьева О.Н. Аксиологические основы современной культуры // Духовно-культурные процессы в современной России. 1998. С. 13-19.
9. Багдасарьян Н.Г. Культурология // Электронная библиотека. М., 2007. Режим доступа: <http://www.engineer.bmstu.ru/res/kultura>.
10. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. №5. С. 75-83.

11. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
12. Балабалина Т.А. Современное мифотворчество: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2005. 124 с.
13. Барт Р. Мифологии / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
14. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 534 с.
15. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996. 272 с.
16. Белоусова М.М. Антропологические основания и знаково-символические формы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. 161 с.
17. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. М.: Республика, 1995. 654 с.
18. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2007. 668 с.
19. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
20. Бобахо В.А., Левикова С.И. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 56-65.
21. Богдановская И.М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе России современной молодежи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. №142. С. 15-27.
22. Богдановская И.М. Современные социальные мифы в сознании студенческой молодежи // Вестник гражданских инженеров. 2012. №3 (32). С. 418-423.
23. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с франц. Д. Краличкина. М.: Академический проект, 2007. 335 с.

24. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. Д. Краличкина. М.: Рудомино, 1995. 168 с.
25. Болескина Е.Л. Потребители игровой компьютерной культуры // Социс. Социологические исследования. 2000. №9. С. 80-87.
26. Братищев И.М. Новая технологическая и инновационная реальность: управление цифрозкономикой как макросистемой // Берегиня. 777. Сова. 2018. №2 (37). С. 243-257.
27. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. 150 с.
28. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 156 с.
29. Вайнштейн Г.И. Информационная революция и демократия: ожидания, реальность, перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №7. С. 13-21.
30. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М. Прогресс, 1990. 565 с.
31. Вебер М. Хозяйство и общество // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
32. Вершинская О.Н. Информационно-коммуникационные технологии и общество. М.: Наука, 2007. 202 с.
33. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. Социологические исследования. 2006. №6. С. 26-36.
34. Владимир Путин. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 16.01.2012.
35. Воеводина Л.Н. Мифотворчество как феномен современной культуры: дис. ... докт. филос. наук. М., 2002. 282 с.
36. ВЦИОМ: Пресс-выпуск №3991. 2019. Режим доступа: <http://www.wciom.ru>.

37. Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М., 2013. 129 с
38. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. СПб.: Наука. 2015. 443 с.
39. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. 168 с.
40. Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 336 с.
41. Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с франц.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М. Прогресс, 1992. 376 с.
42. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Информационные технологии в истории Человечества // Приложение к журналу «Информационные технологии». 2013. №8. С. 1-32.
43. Гуревич П.С. Культурология. М.: Гардарики, 2001. 335 с.
44. Гуревич П.С. Философия человека. Ч. 2. М.: ИФ РАН, 2001. 221 с.
45. Гуревич П.С. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // Общественные науки и современность. 1995. №4. С. 154-162.
46. Давидова М.А. Влияние медиа потребительского общества на деструктивный индивидуализм в молодежной среде // Потребление как коммуникация: Материалы 5 международной конференции, 26-27 июня 2009 г. / под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 65-68.
47. Давыдов А.И. Миф как культурная установка // Гуманитарные исследования. 2020. №1 (26). С. 9-11.
48. Давыдов Ю.Н. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980. 264 с.
49. Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социс. Социологические исследования. 2009. №6. С. 125-129.
50. Дольто Ф. На стороне подростка. СПб.: Петербург – XXI век, 1997. 277 с.

51. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды / под ред. А. Маковельского. Мн.: Харвест, 1999. 784 с.
52. Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. 22.07.2020. Режим доступа: <http://government.ru/news/40074>.
53. Завершинский К.Ф. Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 252-254.
54. Земрах Т.В. Базовые ценности современной молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. 198 с.
55. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н. Ростовской Т.К., д.с.н. Зубок Ю.А. М.: Экон-информ, 2019. С. 15-35.
56. Иванова Ю.В. Новейшие, постмодернистские традиции посещения музеев. СПб.: Петрополис, 2009. 368 с.
57. Ильин М.В. Приключение демократии в Старом и Новом Свете // Общественные науки и современность. 1995. №3. С. 71-84.
58. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 696 с.
59. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социс. Социологические исследования. 1996. №3. С. 31-42.
60. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 431 с.
61. Каган М.С. Эстетика как философская наука. М.: Петрополис, 1997. 543 с.

62. Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер В.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М, 2012. 383 с.
63. Калистратов А.Е. Социально-культурный контекст кризиса культурной идентичности в России // Вестник МГУКИ. 2011. №3 (41). С. 53-56.
64. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с.
65. Карлова О.А. Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: дис. ... докт. филос. наук. Красноярск, 2001. 310 с.
66. Карлова О.А. Миф разумный. М.: Акад. поэзии, 2001. 205 с.
67. Карлова О.А., Мясоутов О.В. Культура современных студентов: ведущие смыслы политического мифа // Вестник СПбГИК. 2020. №2 (43). С. 132-139.
68. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. с нем. Б. Вимер и др. М.: Гардарики, 1998. 779 с.
69. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Проблема человека в западной философии / пер. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1988. С. 3-31.
70. Кассирер Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляции. Самара: Бахрах-М., 2001. С. 382-394.
71. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2014. 328 с.
72. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
73. Катречко С. Трансформация сознания в эпоху Интернета // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М., 2004. С. 60-62.
73. Кемалова Л.И. Маргинальность общества переходного периода // Поколения в истории: ритмы духовности / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. 564 с.
75. Керви А. Молодежные субкультуры США и Великобритании с конца 40-х по наши дни. Режим доступа: <http://vookstock.narod.ru>.

76. Кириллова Н.Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. №5. С. 524-531.

77. Кириллова Н.Б. «Номо medium» как объект и субъект информационной эпохи // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №17 (346). С. 17-23.

78. Кольев А.Н. Политическая мифология (ремифологизация социального опыта). М.: Логос, 2003. 382 с.

79. Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социс. Социологические исследования. 2012. №5. С. 19-28.

80. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. М.: Политиздат, 1978. 350 с.

81. Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. 400 с.

82. Кулибаба С.И., Калюжная Н.А. Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования. Астрахань: Изд-во ОПОУ ДПО АИПКП, 2006. 123 с.

83. Кулиджанишвили А.Э. Ценность как принцип, объясняющий социальное бытие человека // Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции. Вып. 3 / под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 303-306.

84. Курганский К. С. Генезис и метаморфозы молодежной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. 190 с.

85. Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М.: Инженер, 2006. 256 с.

86. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. 286 с.

87. Ланкин В.В., Пантин В.И. Ценностное размежевание и социально-политическая дифференциация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №4 (54). С. 54-63.

88. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. Социологические исследования. 1996. №5. С. 3-20.
89. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социс. Социологические исследования. 2010. №1. С. 28-36.
90. Левикова С.И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-Пресс, 2004. 607 с.
91. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. с франц. П. Арискина. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
92. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
93. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социс. Социологические исследования. 1998. №5. С. 98-104.
94. Лисовский В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья (Социологическое исследование). СПб.: Наука, 2003. 368 с.
95. Лисовский В.Т. Социология молодежи. М.: Политиздат, 1982. 457 с.
96. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
97. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
98. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
99. Лотман М.Ю. Быт и культура // Лотман М.Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
100. Лотце Р.Г. Микрокосм: мысли о естественной и бытовой истории человечества, опыт антропологии, душа / пер. с нем. Е.Ф. Корша. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 160 с.
101. Луков В.А. Молодежная культура: Молодежь и проблемы современной художественной культуры // Сборник научных трудов. Л.: ЛГИТМИК, 1990. С. 81-84.

102. Луков В.А. Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н. Ростовской Т.К., д.с.н. Зубок Ю.А. М.: Экон-информ, 2019. С. 36-47.
103. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. Социологические исследования. 2002. №10. С. 79-87.
104. Лучанкин А.И. Социально-клубная работа с молодежью: проблемы и подходы. В 2 кн. Кн. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 396 с.
105. Малеева М.А. Миф как социокультурный феномен: дис. ... докт. филос. наук. Черкесск, 2005. 163 с.
106. Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.
107. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
108. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. С. 7-260.
109. Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. М.: Прогресс, 1981. 216 с.
110. Материалы панельной дискуссии «Информационное общество: гуманитарные аспекты модернизации (V Форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ «Инновационное и гуманитарное партнерство – основа динамичного развития стран СНГ», Москва, 14-15 октября 2010 г.) // Информационное общество. 2011. №1. С. 23-41.
111. Матуров И.З. Молодежь как социокультурный феномен // Вестник НЦБЖД. 2018. №3 (37). С. 29-35.
112. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. №10. С. 5-29.

113. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. №10. С. 5-28.
114. Мединский В.Р. Мифы о России. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 560 с.
115. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
116. Мертон Р. Явные и латентные функции / пер. с англ. Ю. Асеева // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 379-448.
117. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1988. 429 с.
118. Мид М. Типология культур // Хрестоматия по культурологии / сост. А.И. Кравченко. М.: Акад. проект, 2003. С. 60-81.
119. Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 650 с.
120. Михайлов Д.Н. Политическая мифология: проблема определения, структура и функции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. №2. С. 118-127.
121. Молодежь в современном мире: проблемы и суждения (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1990. №5. С. 12-32.
122. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с франц. Т.П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
123. Мясоутов О.В. Мифологичность молодежной культуры как основание политических предпочтений и ценностей молодежи (на материале анализа красноярской региональной студенческой культуры) // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №2. С. 119-130.
124. Мясоутов О.В. Молодежная культура как культурологический феномен // ARTE: научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. 2019. №1. С. 35-43.

125. Мясоутов О.В. Политический миф в российской молодежной культуре: к вопросу о смыслах // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №2. С. 140-152.

126. Новое сибирское китаеведение. Мифы и концепты китайской культуры: монография / Н.П. Копцева, О.А. Карлова, Лия Ма [и др.]; науч. ред. Н.П. Копцева, О.А. Карлова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 264 с.

127. Омельченко Е.Л. Молодежь в публичном пространстве современности // Электронная газета Полит.ру. М., 2006. 2 дек. Режим доступа: <http://www.polit.ru>.

128. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социс. Социологические исследования. 2013. №10. С. 52-61.

129. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №1 (149). С. 3-27.

130. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 2003. 704 с.

131. Парсонс Т. Теоретические ориентиры. Системы действия и социальные системы // Системы современных обществ (сборник) / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. 269 с.

132. Певзнер П.Е. Процесс формирования компьютерной культуры вузовской молодежи: этапы пути Германии и России. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 142 с.

133. Петров Н.В. Тимофеев В.Г. Миф как социокультурный феномен // Вестник Чувашского университета. 2010. №4. С. 133-137.

134. Пивоваров Д.В. Идея Бога в философии религии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2012. 178 с.

135. Пивоваров Д.В. Философия религии. Праксеология религии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010. 474 с.

136. Плотников А.Д. Молодежь как важный ресурс социальных перемен в российском обществе и основа формирования института семьи // Электронная библиотека Московского гуманитарного университета. М., 2006. Режим доступа:

<http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Plotnikov/index.html>.

137. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.

138. Полтораднева Е.В., Куруленко Э.А. Особенности социокультурной идентификации подростков в современном российском обществе // Электронная версия журнала «Вестник Самарского государственного университета». 2001. №3. Режим доступа: <http://ssu.samara.ru/vestnik/est>.

139. Полутин С.В., Тюлякова О.Н. Социология молодежи: история становления и перспективы развития // Интеграция образования. 2010. №1. С. 110-117.

140. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2019. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>.

141. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 364 с.

142. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

143. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.

144. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.

145. Рыбалкина Н.В. Проблема самоопределения и модальная педагогика. Ситуация тоталитарного и постмодернистического общества. Объективная невозможность самоопределения. 2005. Режим доступа: <http://two.cityline.ru/idcriast/shgo/ribalkina>.

146. Рыжук А.В. Особенности факторов неадекватного восприятия личностью социальной реальности России // Социально-гуманитарные знания. 2014. №12. С. 312-317.
147. Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь: Пермский гос. унт-т, 2009. 238 с.
148. Селезнева А.В. Социально-активная молодежь в России: политические ценности и предпочтения // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века, Ежегодник РАПН. М., 2012. С. 380-390.
149. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. Е.Н. Перцова. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
150. Сергеев В.К. Молодежь Москвы: от культа силы – к культуре мира. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 45 с.
151. Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социс. Социологические исследования. 1998. №11. С. 95-102.
152. Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Заметки социолога. Л.: Лениздат, 1990. 206 с.
153. Сикевич З.В. Социология молодежи. Учебник. Л.: Лениздат, 1990. 204 с.
154. Синецкий С.Б. Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления: автореф. дис. ... докт. культурологии. Челябинск, 2012. 49 с.
155. Слесарева И.В. Молодежная клубная культура на рубеже XX-XXI веков: аксиологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2008. 163 с.
156. Смирнов М.Ю. Социокультурное бытие религии в ракурсе философии мифа // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 276-281.
157. Соколов Э.В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. 228 с.
158. Сорель Ж. Размышления о насилии / пер. с франц. Б. Скуратова, В. Фриче, ред. В. Акулова. М.: Фаланстер, 2013. 163 с.

159. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. 2007. №8. С. 48-52.
160. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
161. Ставицкий А.В. Миф как способ культурного освоения действительности // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. №1 (14). С. 43.
162. Стегний В.Н. Политические ориентации студенческой молодежи: типы, факторы, особенности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. №2. С. 8-18.
163. Стерледева Т.Д. Мир человека в виртуальной реальности. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2003. 343 с.
164. Стрункина Т.С., Шмелева Е.А. Конструирование понятия социокультурных потребностей личности // Международный студенческий научный вестник. 2015. №5 (2). С. 241.
165. Суртаев В.Я. Молодежь и культура. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры, 1999. 223 с.
166. Тайлор Э.Б. Первобытные культуры / пер. с англ. Д.А. Коропчевского. М.: Политиздат, 1989. 572 с.
167. Тарасенко В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. 2000. №5. С. 111-120.
168. Теории молодежи: междисциплинарный анализ: научная монография / В.А. Луков. М.: Канон +, 2012. 527 с.
169. Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте // Общественные науки и современность. 2015. №1. С. 52-63.
170. Тишунина Н.В. «Традиционная» и «интеграционная» культура в контексте современных глобализационных процессов // Проблемы самоопределения современной культуры: глобальное, региональное,

национальное в современных социокультурных процессах. Сборник научных трудов. СПб.: Янус. С. 66-70.

171. Гоффлер Э. Футурошок / пер. с англ.: Е. Руднева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, И. Москвина-Тарханова, А. Микиша, А. Мирер, В.Кулагина-Ярцева, Н. Хмелик, Е. Комарова. СПб.: Лань, 1997. 461 с.

172. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 343 с.

173. Усанова Д.О. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 395-397.

174. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 263 с.

175. Фрадкин Н.Ф. Введение в педагогическую специальность. М.: Изд-во ТЦ «Сфера», 1996. 165 с.

176. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Я и Оно: сочинения / пер. с нем. М.: Эксмо, 2005. С. 363-529.

177. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.

178. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. 539 с.

179. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996. 447 с.

180. Цаплина С. П. Современные вызовы и угрозы самобытным народным культурам России // Социокультурные взаимодействия регионов приграничья: Материалы международного круглого стола (30 ноября 2016 г.). Смоленск, 2016. С. 127-131.

181. Цуладзе А.М. Политическая мифология. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 382 с.

182. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве, проблемы и перспективы. М.: Ин-т соц.-полит. исслед., 2000. 114 с.
183. Шевчун В.Н. Новая социальная реальность в контексте становления информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2013. 25 с.
184. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 414 с.
185. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 637 с.
186. Шукшина Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Саранск, 2010. 39 с.
187. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
188. Щепанская Т.В. Система: тексты, традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
189. Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций (сборник статей). Вып. 3. М.: Наука, 1995. С. 54-61.
190. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с франц. А.А. Васильева. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
191. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Республика, 1994. 527 с.
192. Cassirer E. The Myth of the State. Middletown: Book Crafters, 2014. 303 p.
193. Hall G. Stanley. Youth: Its Education, Regiment and Hygiene. New York, 1906. 206 p.

194. Keniston K. *The Uncommitted Alienated Youth in American Society*. New York, 1965. 231 p.
195. Merton R.K., Kendall P.L. *The Focused Interview* // *American Journal of Sociology*. Vol. 51. P. 541-557.
196. Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press, 1973. 438 p.
197. Schelling F.W.J. *Philosophie der Mythologie*. Darmstadt., Wiss. Buchges, 1957. 685 p.
198. Toffler A. *The Third Wave*. New York, 1980. 366 p.